

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

**У ИСТОКОВ УКРАИНОФИЛЬСТВА:
ОБРАЗ УКРАИНЫ В РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент
Киселёв Виталий Сергеевич

Томск – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБРАЗ УКРАИНЫ В РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА	21
1.1. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: варианты идеологического моделирования образа Украины на рубеже XVIII –XIX веков	21
1.1.1. Историко-культурная перспектива формирования образа Малороссии	21
1.1.2. «...самый странный народ на земле»: маргинализация украинского казачества в историко-публицистическом дискурсе второй половины XVIII века	27
1.1.3. Реабилитация «естественного» демократизма казаков в имперской словесности рубежа XVIII – XIX вв.	32
1.1.4. Образ Малороссии как иерархической дворянской республики в трудах украинских традиционалистов	35
1.1.5. «Народ, поющий и пляшущий, зла не мыслит»: идиллический образ современной Украины	37
1.1.6. Применение гердеровского подхода к образу Украины в «Записках о Малороссии» Я.М. Марковича (1798)	41
1.2. Специфика художественной репрезентации образа Украины в русской литературе рубежа XVIII –XIX веков	45
1.2.1. «...времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами»: эпоха Киевской Руси как историко-мифологическое основание образа Малороссии	45
1.2.2. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX века (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин)	54
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА	70
2.1. «Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии»: украинский регионализм в культурно-исторической перспективе	70
2.1.1. Факторы культурно-идеологической эволюции образа Украины	70
2.1.2. Образ современной Украины как реализация регионального самосознания	78
2.2. «Необходимо снизойти под кровлю селянина...»: историко-этнографический компонент образа Украины	87
2.2.1. Региональная малороссийская историография в составе имперского гранднарратива .	87
2.2.2. Реабилитация простонародной культуры как носителя национального украинского своеобразия	96

2.3. «Певец! издревле меж собою враждуют наши племена»: образ Украины в контексте культурно-идеологического соперничества Польши и России	105
2.3.1. Польский ассимиляционный проект и образ полонизированной Украины в русской литературе первой четверти XIX века.....	105
2.3.2. Борьба за «кресы» в российском художественно-публицистическом дискурсе александровской эпохи.....	114
ГЛАВА 3. КОНСТРУИРОВАНИЕ УКРАИНСКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КАНОНА В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1810 – СЕРЕДИНЫ 1820-Х ГОДОВ.....	128
3.1. «...назначить Украину средоточием просвещения»: образ Малороссии в зеркале региональной литературы и журналистики	128
3.1.1. Бедекер с античным колоритом: репрезентация региона в местных травелогах и краеведческих описаниях	128
3.1.2. Формирование регионального культурно-исторического пантеона.....	137
3.1.3. Образы новых «культурных гнезд».....	146
3.2. Художественные аспекты моделирования украинского культурно-исторического канона в русской литературе 1810 – середины 1820-х годов.....	158
3.2.1. «Любовь к стране своей родной и к притеснителям презренье...»: национализация древнерусского прошлого и проблема культурных границ	158
3.2.2. «И двух славянских поколений сердца враждою распалял...»: типология украинских исторических героев в творчестве декабристов	167
3.2.3. «Всего любопытнее в этой повести место происхождения – Малороссия»: эволюция образа Украины от сентиментальной идиллии к социокультурной проблемности.....	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	200

ВВЕДЕНИЕ

Составление огромной территории Российского государства происходило в результате колонизации. К настоящему моменту накоплен чрезвычайно обширный историко-культурный материал, позволяющий с достаточной полнотой и системностью описать колонизационный процесс на всем его протяжении от Древней Руси до XX века¹. Тем не менее, в отечественном литературоведении, в отличие от историографии, интерес к этому пласту культурной жизни до настоящего времени минимален, несмотря на то, что в русской словесности откликов на колониальную проблематику чрезвычайно много – от миссионерского «Жития Стефана Пермского» до «Асана» В.С. Макарина. Перипетиям колониализма посвящалась рефлексия классиков – М.В. Ломоносова, М.М. Хераскова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и многих, многих других. Этот пласт русской литературы не просто велик, он – одна из важных частей самопознания нации.

В ходе составления империи границы между метрополией и колонизируемыми регионами постоянно сдвигались. Уже покоренные народы и их земли, например, Урал или Русский Север, включались со временем в состав «коренной» территории, и этнокультурные различия ослаблялись или вообще снимались – при выраженной ассимиляции определенной народности. Но колониальная граница смещалась дальше: на Восток, Запад или Юг, и возникала новая конфигурация властных отношений, устанавливались видоизмененные, приспособленные под конкретный случай критерии дистанцирования с их идеологической мотивацией.

Динамика подобной «внутренней колонизации» с ее подвижным отношением центра и периферии, «своего» и «чужого»² чрезвычайно важна для понимания культурных взаимодействий Украины и Российской империи. Переяславский договор 1654 года утверждал союзные отношения двух самостоятельных государств, но уже вскоре, в течение второй половины XVII века, Гетманщина потеряла существенную часть независимости, а на протяжении XVIII века – и автономии. Параллельно административно-политической интеграции шел процесс интеграции культурной, в ходе которой выходцы из Украины оказали огромное влияние на русскую

¹ См. один из первых опытов целостного осмысления этого процесса: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство МГУ, 1996 (издание работы академика М.К. Любавского начала 1930-х годов).

² См. осмысление ее специфики в репрезентативном сборнике: Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткина, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Системное освещение колониальных практик Российской империи предлагает серия книг: *Западные окраины Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2006; *Сибирь в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2007; *Северный Кавказ в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2007; *Центральная Азия в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812-1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012.

общественную жизнь, образование и искусство (этот феномен Д. Саундерс назвал «великий северный путь»¹), но оказались включены в имперскую культурную парадигму. Ассимиляции подверглась и местная элита, к началу XIX века в основном перешедшая на русский язык и культурно-бытовые формы.

Этническая близость двух народов, единое поле политической и культурной жизни, ощутимые успехи русификации создавали в имперской среде иллюзию ослабления различий – вплоть до отождествления украинцев и русских. Однако периодически возникали поводы для актуализации разницы: Северная война, породившая надежду на независимость и сепаратные замыслы И. Мазепы; реформы П.А. Румянцева, вызвавшие сопротивление казачьей старшины и пробудившие малороссийский традиционализм; прикрепление крестьян к помещикам на великорусский образец – и ответные крестьянские волнения; разделы Речи Посполитой, поставившие вопрос о судьбе полонизированной Правобережной Украины и польском наследии в самой Малороссии. Тем самым противоречивое балансирование между «своим» и «чужим» было неременной частью восприятия Украины в имперской общественной мысли и культуре.

Это определяет характер основного предмета диссертационной работы – образа региона в российском культурном сознании. Исследование выполнено в рамках одного из **актуальных** и активно развивающихся направлений современной филологической науки – имагологии, отвечающей духу интеграционных процессов в мировой культуре и позволяющей исследовать образы национального мира в инонациональной среде. Основатель имагологии Жан-Мари Карре утверждал, что подобный образ можно с должной степенью адекватности описать только в рамках междисциплинарного подхода². Имидж народа или региона в равной степени формируют документально-публицистические жанры, историография, искусство и литература, богословский и другие дискурсы. В современной имагологии круг подобных источников продолжает расширяться, интегрируя компаративистику в сферу культурологических изучений. Образцом здесь может выступать позиция Гуго Дизеринка, выступающего за создание «комплексного» сравнительного литературоведения, включающего в себя самые «различные отрасли знания, такие как история идей, социология культуры, этнопсихология и не в последнюю очередь также и политология»³. Однако смысловое ядро имагологического образа определяет все же художественная по своей природе составляющая, позволяющая синтезировать различные компоненты рецепции в единстве представления – ментального и нарративного. Репрезентация региона / нации в любом дискурсе исходит из определенных метафорических конструкций, в ко-

¹ *Saunders D.* Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850. Edmonton: CIUS Press, 1985. Chapter 3: The Great North Road (P. 40-64).

² Это определило источниковую базу его классических трудов: *Carré J.-M.* Images d'Amérique, 25 bois originaux de Philippe Burnot. Lyon: H. Lardanchet, 1927; *Carré J.-M.* Les écrivains français et le mirage allemand: 1800-1940. Paris: Boivin, 1947.

³ *Dyserinck H.* Komparatistik. Eine Einführung. Bonn: Bouvier, 1977. S. 173.

торых идеологическая интенция воплощается в пластическую форму и реализуется в спектре излюбленных локусов, сюжетов, героев¹.

Художественно-метафорическая основа особенно чувствуется в имперском восприятии Украины. Во второй половине 1820-х – 1830-е годы оно претворилось в мощный интерес к малороссийской культуре – истории, поверьям, быту, словесности. Н.В. Гоголь, отзываясь на это поветрие, писал матери из Санкт-Петербурга 30 апреля 1829 года: «Здесь так занимает всех все малороссийское <...>»². А.И. Миллер справедливо подчеркнул эстетический характер столичного увлечения: «В истории и характерах Южной Руси искали тех романтических красок и мотивов, которых не хватало в истории Руси Московской. "Вечера на хуторе близ Диканьки", "Тарас Бульба" и другие окрашенные малорусской спецификой произведения Гоголя и их восторженное восприятие петербургской и московской публикой могут послужить яркой иллюстрацией этих настроений»³. Именно художественное освоение украинского материала в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Погорельского (А.А. Перовского), О.М. Сомова, Е.П. Гребенки, Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Ф.В. Булгарина, Е.В. Аладьина и других писателей определило образ региона в имперской культуре, оказав глубокое влияние на интенции активизировавшихся фольклорно-этнографических и исторических изучений (М.А. Максимович, И.И. Срезневский, Д.Н. Бантыш-Каменский, А.И. Мартос, Н.А. Маркевич).

Для возникновения столь последовательного и широкого увлечения, породившего цельную и очень устойчивую мифологию, должны были сформироваться некие предпосылки, связанные с предыдущим опытом художественно-идеологического конструирования образа Украины во второй половине XVIII – первые десятилетия XIX веков. Оно обуславливалось рядом факторов. Во-первых, интенсивное участие выходцев из Малороссии в жизни империи выступило важным социокультурным фундаментом постепенно усиливающегося интереса к региону. Во-вторых, период формирования образа Украины совпал с эпохой раннего российского национализма⁴. Малороссия оказалась интересна здесь как ближайший образец непрерываемого национального единства, со-

¹ См., в частности, теоретико-методологические установки современных работ по имагологии: Миры образов – образы мира / Bilderwelten – Weltbilder: Справочник по имагологии / пер. с нем. М.И. Логвинова, Н.В. Бутковой. Волгоград: Перемена, 2003; Imagology: the cultural construction and literary representation of national characters: a critical survey / Ed. by M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. P. 3-75.

² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 10: Письма, 1820-1835. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 142.

³ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). М.: Алетейя, 2000. С. 53.

⁴ См.: Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Ученые записки Тартуского университета. 1985. Вып. 645. С. 3-20; Зорин А.Н. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 157-266; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114-140.

хранившего верность истокам, традициям предков: утратив политическую самостоятельность, украинцы компенсировали ее ощущением этнико-исторической общности, возводимой ко времени казачества. Наконец, интерес к Украине заметно подогревался вопросом о политическом и историко-идеологическом прошлом, а также настоящем края, актуализировался в связи с разделами Речи Посполитой (1793, 1795), а впоследствии с конституционными планами императора Александра I относительно Царства Польского.

Стоит отметить, что в указанный период символическое освоение образа Украины предполагало, с одной стороны, дистанцию с предметом изображения. Для русских авторов это объяснялось инонациональным характером материала, а для писателей-украинцев, в особенности ассимилированных, дистанцирование выступало следствием культурно-психологического разрыва: старая Малороссия с ее самобытной историей и бытовым укладом неотвратно уходила в прошлое и становилась объектом не столько живого представления, сколько реконструкции. С другой стороны, при восприятии образа Украины имело место ощущение близости, одноприродности малороссийского и великорусского начал, вполне разделявшееся элитами обеих культур. Поэтому, будучи включенным в проект «большой русской нации» (А.И. Миллер)¹, украинский элемент требовал специфических институтов репрезентации, которые, сохраняя установку единства, не стирали бы местных различий. Это балансирование на грани «своего/чужого», «привычного/экзотического» составляло неотъемлемую принадлежность «украинского текста».

Сложность культурных разделений обусловила трудный процесс формирования украинского национального сознания, в рамках которого образ Малороссии впервые получил научную оценку. С эпохи Кирилло-Мефодиевского общества благодаря усилиям Н.И. Костомарова, О.М. Бодянского, П.А. Кулиша, В.М. Белозерского и других деятелей культуры начался процесс собирания и изучения документов украинского прошлого, имевший целью подчеркнуть особый статус региона². Итогом их деятельности стало во второй половине XIX века утверждение национального культурно-исторического канона, выделившегося из формируемой в ту же эпоху великорусской парадигмы. Подобное обособление, подразумевавшее комплекс языковых, этнографических, культурных, исторических различий, зафиксировал многочисленный ряд научных трудов от «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина, в третьем томе которой особо освещалась украинская этнография³, до «Очерков по истории украинской литературы XVIII века» и «Очерков истории украинской литературы XIX столетия» Н.И. Петрова⁴. Своеобразный

¹ См. введение в монографию: *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). С. 31-41.

² См.: *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846-1847). М.: Издательство МГУ, 1959; *Pelech O.* The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831-1847 // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / Ed. by V. Kravchenko. New York: St. Martin's Press, 1993. P. 1-17.

³ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. III. Этнография малорусская. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. См. его анализ русско-украинских культурных отношений на с. 11-113.

⁴ *Петров Н.И.* Очерки из истории украинской литературы XVIII века: Киевская искусственная литература XVIII века, преимущественно драматическая. Київ: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1880; *Петров Н.И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Київ: В тип. И. и А. Давиденко, 1884.

итог здесь подвела энциклопедическая коллективная монография «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (1914), предложившая как целостный обзор украиноведческих штудий, так и концепцию суверенной украинской культуры. Перу М.С. Грушевского здесь принадлежал и краткий анализ раннего имперского украинофильства конца XVIII – начала XIX веков, определенного ученым как «антикварное», исходящее из презумпции далекого и невоскресимого прошлого малороссийской самобытности¹.

Характерной чертой этого этапа изучений была междисциплинарность – стремление осмыслить в единстве разнообразные источники истории, языка, литературы, этнографии, хозяйственной и политической жизни. В советский период, в том числе в эмигрантской науке, подобный синтетизм оказался во многом потерян, в связи с чем многочисленные исследования об Украине разошлись по обособленным направлениям, предлагавшим в своей сфере обзор основных документов имперской и региональной словесности XVIII – XIX веков. Основным предметом внимания выступил феномен зрелого украинофильства второй половины 1820-х – 1830-х годов и его развитие во второй половине века, определявшееся в терминах «национально-освободительного» движения (в эмигрантских работах – украинского культурного возрождения). Перечень подобных специальных трудов очень велик и с трудом поддается целостному обзору². Эти исследования позволили систематизировать материалы региональной истории и культуры и выявить доминирующие тенденции в осмыслении национальной специфики – как она претворилась в определенной дискурсивной сфере. Сосредоточенность на отдельном аспекте частично снимала в рамках подобного подхода важнейший вопрос о статусе и характере взаимодействия имперской и украинской культур, получавший стереотипное классовое (советский вариант) или националистическое (эмигрантская наука) разрешение³. Применительно к зрелому

¹ Украинский народ в его прошлом и настоящем: В 2 т. / Под ред. Ф.К. Волкова, М.С. Грушевского, М.М. Ковалевского, Ф.Е. Корша, А.Е. Крымского, М.И. Туган-Барановского, А.А. Шахматова. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1914. См. обзор украиноведения XIX века на с. 1-37 первого тома.

² Некоторые важнейшие исследования: *Багалій Д.* Нарис української історіографії. Вип. 1-2. Київ: Друкарня ВУАН, 1923, 1925; *Андрусак М.* Українська історіографія: Погляд на розвиток і характер української історіографії упродовж 900 років (1039–1939). Прага: [без изд-ва], 1939; *Марченко М.І.* Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ: Видавництво Київського університету, 1959; *Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади* / Редкол.: П.М. Калениченко (відп. ред.) та інші. Київ: Наукова думка, 1973; *Velychenko S.* The Official Soviet View of Ukrainian Historiography // *Journal of Ukrainian Studies*. 1985. Vol. 10. № 2. P. 81-94; *Сарбей В.Г.* Очерки по методологии и историографии истории Украины (период капитализма). Київ: Наукова думка, 1989; *Ситовський В.В.* Україна в російському письменстві. Ч. 1 (1801-1850). Киев: З друкарні Української Академії Наук, 1928; *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // *Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук*. 1939. Вып. 4. С. 125-158; *Гнатюк Г.* Російсько-українські літературно-мовні зв'язки в 2-ій половині XVIII – першій чверті XIX ст. Київ: Видавництво АН УРСР, 1957; *Волынский П.К.* Украинские произведения в русских журналах 20-30-х годов XIX века // *Волынский П.К.* Из творческого наследия. Киев: Наукова думка, 1973. С. 82-94; *Кирдан Б.П.* Собиратели народної поезії: из истории украинской фольклористики XIX в. М.: Наука, 1974; *Болтарович З.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. Київ: Наукова думка, 1976; *Горленко В.Ф.* Становление украинской этнографии конца XVIII — первой половины XIX ст. Київ: Наукова думка, 1988.

³ Ср., например, постулат дружбы народов «поверх» и «вопреки» классовых границ, определяющий методологию даже позднесоветских исследований русско-украинских культурных отношений (*Шип Н.А.* Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII – первой половине XIX в. Киев: Наукова думка, 1988), а в противовес – прямолинейную идеологию национального угнетения в трудах украинской диаспоры (*Голубенко П.* Україна і Росія в сві-

украинофильству интерес к региону объяснялся, кроме того, влиянием идей романтической народности, нацеливавших на поиск национальной самобытности во всех сферах жизни – от искусства до политики.

Трудность синтетического подхода к образу Украины не отменяла, однако, его востребованности. Как отмечал еще Ж.-М. Карре, восприятие отдельных инациональных феноменов (событий, фигур, текстов и их авторов), как правило, опосредуется общим образом «чужой» национальной стихии, сложившимся в данной принимающей культуре: «В прошлом слишком торопились с исследованием влияний. Их сложно выявить, выводы же часто бывают ошибочными. Иногда в них слишком отчетливо сказывается желание определить неопределимое. Более надежным является история успеха произведений, удачи писателя, история взаимной интерпретации народов, путешествий и миражей, т.е. исследование того, как мы видим друг друга – англичане, французы, немцы и т.д.»¹. С имагологической точки зрения имперское видение Украины отличалось особой стабильностью. Его направляющие идеологемы, возникшие на рубеже XVIII – XIX веков и приобретшие в зрелом украинофильстве характер мифологии, определили российское восприятие вплоть до настоящего момента, отзываясь в науке, искусстве и политической риторике.

Между тем возможность их системного выявления возникла лишь в последние десятилетия в связи с утверждением в общественных науках конструктивистских теорий, где в центре находится категория идентичности и инструменты формирования мировоззренческих ориентиров и ценностных стандартов «воображаемого сообщества» (Б. Андерсен). Современные культурологи все чаще отказываются от объективистского подхода к проблеме национальной идентичности, подчеркивая ее повествовательно-перформативную природу. «Нация есть нарратив», – констатировал Х. Баба в предисловии к сборнику статей «Нация и повествование»². Он же в работе «Место культуры» развил взгляд на национальную идентичность как на систему интерпретаций, конвенциональную конструкцию, для которой объективные предпосылки вроде общности языка, территории, экономического уклада и гражданских институтов есть лишь повод для знаково-символического производства, не требующего обязательной достоверности и легко замещающего действительное воображаемым или желательным³. Коллективная идентичность, воспринятая как дискурс, динамична и не может рассматриваться в виде системы жестко за-

тлі культурних взаємин. Париж; Торонто; Нью-Йорк: Фундація ім. О. Ольжича, 1987. Переиздание: Київ: Дніпро, 1993).

¹ Carré J.-M. Avant-propos // Guyard M.-F. La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1951. P. 7.

² «Nations, like narratives, lose their origins in the myths of time and only fully realize their horizons in the mind's eye. Such an image of the nation - or narration - might seem impossibly romantic and excessively metaphorical, but it is from those traditions of political thought and literary language that the nation emerges as a powerful historical idea in the west. An idea whose cultural compulsion lies in the impossible unity of the nation as a symbolic force». (Bhabha H.K. Introduction: narrating the nation // Nation and Narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London, New York: Routledge, 1990. P. 1).

³ Bhabha H.K. The location of culture. London, New York: Routledge, 1994.

крепленных «объективных» признаков (например, свойств национального характера), являясь проекцией идеальных символических представлений на текучую массу повседневного социокультурного бытия. Причем сам акт проекции осуществляется в общественной практике при помощи различных форм медиа (литература, изобразительное искусство, архитектура, церемонии и ритуалы, в современности – СМИ, и т. д.), которые и оказываются «средствами формирования национальной идентичности в качестве ежедневного социального проекта»¹.

В 1990 – 2000-х годах, благодаря вхождению в активный оборот идей Б. Андерсена, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Э. Смита, Р. Брубейкера и других ученых о природе этничности, процессах национальной самоидентификации и национализме, интерес к проявлениям национального начала в культурном пространстве Российской империи перерос в систематическую разработку темы². В случае Украины интересующего нас периода основополагающей выступила монография Зенона Когута «Русский централизм и украинская автономия: имперское поглощение Гетманщины в 1760-1830-е гг.»³, на основе анализа широкого круга источников предложившая целостную концепцию взаимодействия имперской власти и украинского общества в ходе реформ П.А. Румянцева и последующих преобразований. Рассматривая реакции разных социальных слоев, З. Когут выявил две основные модели поведения в условиях имперской интеграции – ассимиляционную и «традиционалистскую», обе нацеленные на сотрудничество с метрополией, но отличавшиеся степенью культурной приверженности национальному прошлому. Первая тенденция получила глубокий анализ в более ранней работе Дэвида Саундерса «Украинское влияние в русской культуре 1750-1850-х гг.»⁴, позволившей осознать степень участия малороссиян в имперской культурной жизни рубежа веков. Схожую роль выполнили применительно к Правобережной Украине, вошедшей в состав империи в конце XVIII века, исследования Даниэля Бовуа, в первую очередь «Русская власть и польские дворяне в Украине: 1793-1830»⁵. В этих трудах картина отношений центральной власти и местной элиты, политической и культурной, представляла сложной и лишенной однозначных акцентов – как своеобразная конкуренция формируемых обеими сторонами национальных идентичностей, одна из которых, польская, факти-

¹ Appadurai A. *Here and Now // The Visual culture reader*. London, New York: Routledge, 2002. P. 173. См. опыт разностороннего анализа подобного конструирования идентичности в культурных практиках европейских империй: *The Invention of Tradition* / Ed. by Eric Hobsbawm, Terence O. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

² См. их обстоятельный обзор в сб. реферативных статей: *Нация и национализм* / Под ред. А.И. Миллера. М.: ИНИОН РАН, 1999. Важнейшие русские переводы: *Геллнер Э. Нации и национализм* / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991; *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года* / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб: Алетейя, 1998; *Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Николаева. М.: «КАНОН-пресс-ц», «Кучково поле», 2001.

³ Kohut Z.E. *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. Украинский перевод: *Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830*. Київ: Основи, 1996.

⁴ Saunders D. *Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850*.

⁵ Beauvois D. *Pouvoir russe et nobles polonaise en Ukraine: 1793-1830*. Paris: CNRS Editions, 2003. Русский перевод: *Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793-1914*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 21-304.

чески законсервировалась, другая, малороссийская, превратилась в региональную версию общерусской. Между тем вопрос об образе Украины, выступавшем символическим средоточием подобной идентичности, не являлся предметом самостоятельного рассмотрения.

В науке последних десятилетий культурный аспект исторических трансформаций рубежа XVIII – XIX веков намечает целый ряд исследований, что в российском и украинском случае осложняется идеологической борьбой за или против имперского наследия. Не погружаясь в эти споры и не претендуя на исчерпывающий охват, выделим работы З. Когута, А. Каппелера, М. Раефа, А.И. Миллера, О.А. Остапчук, А.П. Толочко, Н.Н. Яковенко, В.В. Кравченко, С. Плохия, С. Биленки. Развивая положения своей монографии, З. Когут наметил принципиально важную концепцию соотношения имперской и малороссийской историографии в первой половине XIX века, отразившую переход местной элиты на позиции регионализма. Исторические труды Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Мартоса, Н.А. Маркевича, дополняя систему «гранднарратива», созданного Н.М. Карамзиным, вписывали Украину в культурно-политическое пространство империи на правах интегрированной части, что определялось общим восприятием края в культуре метрополии¹. А. Каппелер описал рецепцию этнических отношений, зафиксированную в системе национальных номинаций (малороссы, хохлы) и исходившую из степени близости определенного народа к титульной нации, в случае украинцев – максимальной². Статья М. Раефа, занимавшегося институтами имперской модернизации России, предложила взвешенную картину взаимодействий региона и метрополии в XVII – XIX веках, определявшую моделирование образа Украины³.

Важную методологическую роль в современных украиноведческих изучениях сыграли работы А.И. Миллера, который в своей докторской диссертации описал восприятие Малороссии в общественном мнении и российской политике второй половины XIX века и, в плане ретроспекции, выделил общие черты восприятия региона в украинофильстве 1820-1840-х годов⁴. В своих последующих трудах, не забывая об украинском материале, А.И. Миллер создал плодотворную методику исследования имперских культурных практик, включая феномены нацио-

¹ *Когут З.* Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / Пер. с англ. Ф. Корзуна // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2006. № 3-4. С. 59-81. Оригинал см.: *Kohut Z.E.* The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by Thomas Sanders. Armonk: M.E. Sharpe, 1999. P. 453-477.

² *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений* / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125-144.

³ *Raeff M.* Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter* / Ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. Edmonton: CIUS Press, 1992. P. 39-66.

⁴ *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). См. в особенности гл. 1. «Россия и украинофильство в первой половине XIX в.» (С. 51-67). Ее положения освещаются также в ст.: *Миллер А.* Украинофильство // *Славяноведение*. 1998. № 5. С. 28-37.

нализма, русификации, языковой политики¹. Интересные образцы подобного комплексного изучения, ставшего базой для освещения, казалось бы, частных вопросов – языковой ситуации в Правобережной Украине начала XIX века или идентичности авторов казацких хроник XVIII столетия, дают целый ряд современных работ².

Ценнейший материал для анализа образа Украины в имперской и региональной словесности предлагают исследования украинских ученых. Н.Н. Яковенко в обзорах истории Украины XVIII – XIX прослеживает эволюцию национальной идентичности и особо выделяет практики ее культурного моделирования, в том числе историческую символику – местную, российскую и польскую³. В близком духе воспринимает роль национально-исторического канона, формируемого украинской историографией, В.В. Кравченко⁴. Одним из особых предметов его внимания является «История русов», наметившая альтернативу региональной историографии XVIII – первой половины XIX веков и ставшая источником новой национальной мифологии⁵. Развернутый анализ этого источника, его связей с культурно-идеологическим контекстом Украины и России, с образом региона в имперской словесности провел С. Плохий в недавней монографии «Казачий миф: история и национальное самосознание в имперскую эпоху»⁶. Эта работа обобщила выводы и наблюдения предыдущих исследований ученого о перипетиях русско-украинских культурных взаимодействий рубежа веков, отразивших формирование соответствующих национальных идентичностей⁷. Фактически одновременно С. Биленко рассмотрел культурно-идеологические установки раннего украинского национализма 1830-1840-х годов в сравнительном аспекте – на фоне романтического национализма в России и в Польше⁸. Наконец, существенно новый материал, связанный с рецепцией Украины в имперской словесности, привлек к исследованию А.П. Толочко. Он описал установки популярных на рубеже веков пу-

¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

² Например: *Останчук О.А.* Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII – первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: [б.и.], 2005. С. 53-92; *Лукашова С.С.* Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. Вып. 3. С. 151-167.

³ *Яковенко Н.Н.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993; *Яковенко Н.Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Генеза, 1997; *Яковенко Н.Н.* Вступ до історії. Київ: Критика, 2007.

⁴ *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). Харків: Основа, 1996.

⁵ *Кравченко В.В.* «Поема вольного народу» («Історія Русів») та її місце в українській історіографії). Харків: Основа, 1996.

⁶ *Ploky S.* The Cossack myth: history and nationhood in the age of empires. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

⁷ См. в особенности ст.: *Ploky S.* Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // *Canadian Slavonic Papers*. 2006. Vol. 48. № 3/4. P. 335-353. Она вошла в состав монографий: *Ploky S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; *Ploky S.* Ukraine and Russia: representations of the past. Toronto: University of Toronto Press, 2008.

⁸ *Bilenky S.* Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imagination. Stanford: Stanford University Press, 2012.

тешествий в «полуденную Россию» (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин, И.М. Долго-рукий и др.), ставших имперским аналогом европейского воспитательно-образовательного тура по местам античности (Италия, Греция). В роли «своей античности» выступала Киевская Русь и ее памятники, сохранившиеся до современности.¹

Постоянные взаимопресечения документального и художественного материала в исторических исследованиях имеют своей оборотной стороной включение политико-идеологического элемента в литературоведческие изучения. Это касается как концептуальных установок исследования, так и его материала. Принципиально важным здесь является вопрос о статусе украинской литературы, в существенной части русскоязычной, в конце XVIII – первой трети XIX века. Так, в советской науке она часто растворялась в имперской культуре, рассматриваясь в качестве «областной школы»². В эмигрантском литературоведении самостоятельность литературной традиции отстаивалась более последовательно, что заставляло рассматривать словесность этого периода как во многом вторичную («котляревщина»), подготовительную³. Наиболее плодотворный подход предложил в работах 1990-2000-х годов Г.Ю. Грабович, выделивший функциональные зоны, которые допускали специфическое развитие украинской литературы, русско- и украинскоязычной, в поле функционирования имперской культуры, тем самым определяя взаимодополнительность и тесный контакт⁴.

Подобный интегрированный взгляд разделяла и местная культурная элита, заинтересованная в широкой имперской аудитории и столичном признании. Малороссияне активно участвовали в литературной жизни метрополии, внося существенный вклад в ее развитие, как М.М. Херасков, В.Г. Рубан, Ф.О. Туманский, М.И. Антонович, В.Г. Полетика, В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свиньин, Н.А. Цертелев, О.М. Сомов, Н.В. Гоголь и многие, многие другие. Изучению их творчества посвящен обширный ряд работ украинских и русских литературоведов, потребовавший бы отдельного обширного обзора (А.И. Белецкий, Н.Е. Крутикова, И.Я. Заславский, Е.П. Кирилук, З.В. Кирилук, П.В. Михед, Н.М. Жаркевич, В.Я. Звиняцковский, Ю.В. Манн, С.О. Куруянов, И.В. Чорний, В.Ш. Кривонос, Ю.Я. Барабаш и др.). Однако до середины 1820-х годов, времени взлета российского украинофильства, интеграция в имперскую словесность оборачивалась обычно переключением с местного материала на

¹ Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ: Наукова думка, 2004. С. 266-330. На русском языке разделы этой книги, написанные А.П. Толочко, см. в изд.: Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laugus, 2012.

² См.: Пиксанов Н.К. Областная литература в первой четверти XIX века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 349-352.

³ Так определял состояние украинской литературы, в частности, Д.И. Чижевский: *Чижевський Д.І. Історія української літератури: Від початків до доби реалізму*. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956.

⁴ См. собрание методологически важных статей: *Грабович Г.Ю. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997.

общерусский, как хорошо показал И.Я. Лосиевский в цикле биографических портретов русскоязычных украинских писателей¹. Популяризацией Малороссии, ее истории и культуры, в конце XVIII – начале XIX века занимались немногие местные литераторы (В.Г. Рубан, Ф.О. Туманский, М.И. Антонович, В.Г. Анастасевич, В.Н. Каразин, В.Т. Нарезный, А.И. Левшин, Н.А. Цертелев, М.Ф. Берлинский, Д.Н. Бантыш-Каменский), чьи публикации не составляли единого мощного потока, но осуществляли знакомство русской публики с краем и подогревали интерес к нему. Выявить и систематизировать этот материал помогают труды Д. Саундерса и П. Бушковича, наметившие, кроме того, связи ранних публикаций с формированием имперского романтического национализма².

Вместе с тем художественное осмысление образа Украины в российской словесности как комплексный феномен, включая произведения русских писателей, привлекло внимание ученых лишь в последнее десятилетие. Центром рассмотрения в этих исследованиях осталось зрелое украинофильство 1820-1840-х годов, как в основополагающей диссертации В.И. Мацапуры «Українська тема в російській літературі першої половини XIX століття (проблеми еволюції, міфологізації, інтертекстуальності)» (2002), охватившей широкий материал творчества В.Т. Нарезного, Ф.Н. Глинки, К.Ф. Рылеева, О.М. Сомова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.П. Погодина, Н.А. Маркевича, Ф.В. Булгарина, Н.В. Кукольника и других авторов. Работа выявила роль украинской темы в развитии русского романтизма и раскрыла особенности репрезентации национального характера и местного колорита, включая ряд устойчивых комплексов, своеобразную литературную мифологию Украины-Аркадии, казачества, персональную мифологию Хмельницкого и Мазепы, полтавский миф³. Значимым развитием последнего момента явились исследования Т.М. Марченко об образе Богдана Хмельницкого в русском романтизме, осветившие рецепцию в разных жанрах – от лирики и драматургии до исторического романа⁴. В эссеистической форме основные положения этих украиноведческих работ изложили также М.И. Назаренко и А.В. Марчуков⁵. Вместе с тем имманентное литературное рассмотрение материала, характерное для данных исследований, сосредотачивает внимание на эстетике и поэтике украинской темы, лишая ее глубоких связей с культурно-историческим процессом. Так, непроявленным остается вопрос о конкретных причинах интереса к Украине, о культурно-

¹ *Лосиевский И.Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993. См. здесь же основную библиографию исследований по персоналиям.

² *Saunders D.* Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850. Chapter 5: Ukrainians on Grub Street (P. 113-144). Chapter 6: Ukraine and Russian Literature (P. 145-175); *Bushkovich P.* The Ukraine in Russian Culture 1790-1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1991. Bd. 39. H. 3. S. 339-363.

³ *Мацапура В.И.* Українська тема в російській літературі першої половини XIX століття (проблеми еволюції, міфологізації, інтертекстуальності): Автореф. дис... д-ра філол. наук. Сімферополь, 2002; *Мацапура В.И.* Украина в русской литературе первой половины XIX века. Харків; Полтава: ПОИППО, 2001.

⁴ *Марченко Т.М.* Образ Богдана Хмельницкого в литературе русского романтизма. Донецк: Норд-Пресс, 2009.

⁵ *Назаренко М.И.* Сокращенный рай. Украина между Гоголем и Шевченко // *Новый мир.* 2009. № 7. С. 160-172; *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании: Николай Гоголь и его время. М.: Регнум, 2011.

идеологических истоках украинской мифологии и векторах ее эволюции, о месте тех или иных художественных феноменов в целостном пространстве имперской рецепции. Тем самым не достигается полнота в реконструкции имагологического образа. Кроме того, материал раннего украинофильства чаще всего выпадает из сферы изучения (вторая половина XVIII века) или рассматривается бегло и упрощенно (путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова, А.И. Левшина и др.).

В последние годы эти лакуны стремятся восполнить исследования Е.М. Бояновской, сосредоточенной на творчестве Н.В. Гоголя, но вписывающей его в контекст не только художественного интереса к Украине, но и идеологических поисков раннего украинского и русского национализма¹; И. Булкиной, в своей докторской диссертации и последующих публикациях на широком материале документальных (дневники, травелоги, письма) и художественных жанров второй половины XVIII – первой трети XIX века (от комической оперы до исторического романа) реконструирующей моделирование киевского культурного пространства²; Г.Э. Киришаума, выявившего значимые особенности художественно-идеологического осмысления образа казачества и полтавской темы в русском романтизме³. Вместе с тем полноценного имагологического описания образа Украины в имперской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века пока не предлагает ни какое-либо отдельное исследование, ни их совокупность, что и определяет **актуальность данной диссертационной работы.**

Диссертационное сочинение имеет **целью** описать образ Украины в российской словесности и общественной мысли конца XVIII – первой четверти XIX века как целостный имагологический феномен, имеющий взаимосвязанные историко-политическое, культурологическое и художественное измерения.

Данная цель определила ряд конкретных **задач** исследования:

1. Выявить культурно-идеологические модели, определяющие рецепцию и репрезентацию украинского материала в имперской литературе рубежа веков.
2. Определить векторы и представить общую картину эволюции российского образа Украины, включая аспект саморепрезентации региона, от второй половины XVIII до первой четверти XIX столетий.
3. Наметить специфику осмысления и представления Малороссии в историко-политическом, культурно-этнографическом и художественном (в том числе журнальном) дис-

¹ *Bojanowska E.M.* Nikolai Gogol: Between Ukrainian and Russian nationalism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007.

² *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010 (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis).

³ *Киришаум Г.Э.* Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К. Ф. Рылеева // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 265-277; *Киришаум Г.Э.* Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А.С. Пушкина // *Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 246-283.

курсе, рассматриваемых в их взаимосвязях и внутреннем развитии на протяжении данного периода.

4. Выделить ключевые моменты имагологической структуры образа Украины в российской словесности рубежа XVIII – XIX веков: природно-ландшафтный план, культурная география (исторические достопримечательности, современные «культурные гнезда»), культурно-исторический пантеон (знаковые события и герои).

Объектом исследования являются тексты русской и украинской культуры, выступавшей в указанный период региональным ответвлением культуры имперской, в той или иной мере репрезентирующие малороссийский материал, то есть историю, современное политико-экономическое состояние, этнографические особенности, культуру и искусство.

Предмет диссертационной работы – целостный образ Украины, нашедший отражение в русской и украинской словесности конца XVIII — первой четверти XIX веков и определивший, в свою очередь, репрезентацию региона средствами того или иного дискурса – историографии, публицистики, этнографических изучений или художественной литературы.

Междисциплинарные объект и предмет обусловили соответствующий **материал исследования**, которым явились произведения художественной литературы разных жанров, документальные и мемуарные источники, работы историографического и этнографического характера, публицистика и административно-деловая проза второй половины XVIII – первой четверти XIX века. В конкретном плане это историография и публицистика европейских просветителей и путешественников XVIII – начала XIX в. (Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Г. Мабли, И.Б. Шерер, К.Ф.Е. Гаммард, И.Х. Энгель, И.Г. Гердер); документальные исторические, юридические источники (своды законов Российской империи, личные бумаги и переписка российских императоров, украинских гетманов и иных государственных деятелей), доклады и записки представителей имперской администрации (П.А. Румянцева, А.А. Безбородко и др.) и украинских чиновников и общественных деятелей (В.Г. Полетики, В.Н. Каразина, А.И. Чепы, анонимные «Записки»); труды ведущих российских историков (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин); исследования по истории Украины (Г.Ф. Миллер, В.Г. Рубан, А.И. Ригельман, А.И. Мартос, Д.Н. Бантыш-Каменский и др.), работы по малороссийской этнографии, археологии (Г.И. Калиновский, З. Доленга-Ходаковский, М.Ф. Берлинский, Н.А. Цертелев); мемуары, воспоминания, необходимые для реконструкции событий, лиц, образов культурно-исторических «гнезд» (В.Я. Ломиковский, С.В. Скалон и др.); российские и украинские периодические издания («Вестник Европы», «Украинский вестник», «Украинский журнал», «Харьковский демокрит»); историко-литературные памятники XVII – XVIII столетий («Синописис», «Разговор Великороссии с Малороссиею» С. Дивовича, «История русов»); травелоги российских путешественников конца XVIII – начала XIX веков (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин, И.М. Долгорукий и

др.); художественные и литературно-критические тексты исследуемого периода (В.А. Левшина, И.А. Крылова, М.Н. Муравьева, В.В. Капниста, И.П. Котляревского, И.Ф. Вернета, А.Н. Нахимова, П.П. Гулак-Артемовского, А.А. Шаховского, В.А. Жуковского, Ф.Н. Глинки, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, О.М. Сомова, В.Т. Нарезного, К.Ф. Рылеева и мн. др.).

Новизна работы определяется системным междисциплинарным подходом к анализу образа Украины в имперской словесности конца XVIII – начала XIX веков. Впервые он рассматривается не в рамках одного дискурса, художественного, политического или истриографического, но комплексно, как единый имагологический объект с устойчивой внутренней структурой. Образ Украины изучается на стыке двух видений и источников репрезентации: с точки зрения русской имперской культуры и с позиции малороссийской культурной элиты, формировавших взаимодействовавшие, однако специфические символично-идеологические парадигмы. В исследовательской традиции они, как правило, представляли изолированно друг от друга. Дополнительный аспект новизны обусловлен широким и, по возможности, детальным анализом идеологического, социокультурного и художественного контекста, оказавшего непосредственное влияние на формирование и развитие образа Малороссии, что позволяет выявить не вполне проясненные наукой истоки российского украинофильства и определить место тех или иных культурно-художественных феноменов в целостном пространстве имперской рецепции.

Методологию исследования задает имагологический подход, предполагающий выявление в совокупности текстов принимающей культуры общих представлений об ином народе / стране / регионе и повторяющихся элементов их репрезентации (образы, герои, сюжеты, стилистика, приемы повествования). Имагологические методики сочетаются в работе с традиционными методами сравнительно-исторического (компаративного) анализа в области как типологических, так и контактных связей, и с установками рецептивной эстетики, помогающими реконструировать «горизонт ожидания» при восприятии инокультурного материала. Методология междисциплинарного исследования предполагает также использование культурно-исторического подхода в его современной конструктивистской интерпретации.

Теоретическая и методологическая база работы мотивирована ее целью и задачами. Ее составляют основополагающие труды по имагологии (Ж.-М. Карре, Г. Дизеринка, М. Фишера, Д.-А. Пажо, Н.Е. Меднис), в том числе, касающиеся «воображаемой географии» и идеологического моделирования культурного пространства (Э. Саид, Л. Вульф, И. Нойманн, Д.Н. Замятин); работы в сфере изучения нациостроительства, национализма и колониальных практик (Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Х. Баба), в особенности применительно к Российской империи и Украине (Л.Н. Киселева, А.Н. Зорин, В.М. Живов, Р. Уортман, А. Каппелер, М.Л. Майофис, З. Когут, А.И. Миллер, С. Плохий); исследования по истории русской и украинской культуры (Д.И. Чижевский, Г.Ю. Грабович, Н.Н. Яковенко, Ю.М. Лотман, Ю.В. Манн, Б.А. Успен-

ский, В.М. Живов, Ю.В. Стенник); труды по методологии компаративистики и специфике русско-украинских культурных связей и взаимодействий (В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, П.Р. Заборов, Д. Саундерс, О. Дзюба, А.П. Толочко и др.); базовые теоретические исследования о дискурсивных особенностях историографии, культурологических изучений и художественной словесности (М. Фуко, Х. Уайт, К. Гирц, Т. Иглтон, Ю. М. Лотман) и их моделях в русской и украинской словесности (З. Когут, А.И. Миллер, Н.Н. Яковенко, В.В. Кравченко, С. Плохий, Г.Ю. Грабович); комплекс методологически значимых работ в сфере исторической поэтики отдельных жанров, в особенности травелога (Т. Роболи, А. Шенле, О.Б. Лебедева), и направлений – сентиментализма, преромантизма, романтизма (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, О.Б. Лебедева, Ю.В. Стенник, Л.Я. Гинзбург, А.Г. Цейтлин, Н.Н. Петрунина, Ю.В. Манн и мн. др.). При освещении частных вопросов исследования привлекался также широкий круг иных источников теоретико-методологического характера.

Теоретическое значение работы заключается в развитии принципов имагологических исследований: в современном литературоведении и культурологии, несмотря на авторитетные указания Ж.-М. Карре, Г. Дизеринка, образ нации или страны чаще всего подвергается имманентному рассмотрению, ограниченному сферой искусства и культуры – без выходов в сферу идеологического моделирования; в то же время интенсивно развивающаяся историческая имагология имеет своим предметом столь же автономную область истории, политики, административной и дипломатической практики – без глубокого учета образно-символических механизмов культуры. На необходимость комплексного подхода в 1980-1990-е годы указывал Д.-А. Пажо, развивая программу имагологии как сравнительной «культурной иконографии». Диссертация, в духе исследований Л. Вульфа и И. Нойманна, стремится синтезировать эти два направления, демонстрируя постоянные взаимопересечения дискурсивных сфер, связанных общими культурно-идеологическими кодами. Работа также вносит вклад в изучение частных категорий социогуманитарных наук: нациостроительства, национальной и региональной идентичности, национализма, культурно-исторического канона.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов в разработке курсов по истории и культуре России и Украины имперского периода, истории русской и украинской литературы и их взаимосвязям, по компаративистике, имагологии, в подготовке спецкурсов и семинаров, посвященных отдельным аспектам «украинского текста» русской словесности. Исследование обладает источниковедческой ценностью, отдельные положения работы могут служить перспективой для новых исследовательских разработок.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2011); XIII Всероссий-

ской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2012); XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2012); Всероссийской научной конференции «Филология и журналистика в XXI веке (Саратов, 2012); III Международной научной конференции «Вопросы филологической науки» (Санкт-Петербург, 2012); I (XV) Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014). Результаты диссертации обсуждались в рамках аспирантского семинара, а также на заседании кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ТГУ (2014). По теме диссертационного исследования опубликовано 10 статей, 3 из которых в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Объем работы составляет 232 страницы, 199 из которых представляет основной текст.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образ Украины в российской словесности и общественной мысли определялся внутренними потребностями имперской культуры, вступившей в конце XVIII – первой четверти XIX века на путь национального строительства, что обострило внимание к этнокультурной специфике территорий и регионов.

2. Основные идеологические модели, определявшие рецепцию и репрезентацию украинского материала в российской литературе рубежа веков, предполагали интеграцию региона в имперское культурно-политическое пространство со снятием наиболее острых различий (вытеснение образа анархического казачества, его замена образом «народа поющего и пляшущего»).

3. Формирование романтического национализма, получившее мощный импульс в ходе Отечественной войны 1812 года, внесло в образ Украины первой четверти XIX века новые элементы: внимание к культурно-этнографической и исторической специфике, политизированность (в связи с разделами Речи Посполитой и конституционными планами Александра I), возвращение к казачьей теме.

4. Идентичность культурной элиты Малороссии и ее репрезентация в местной литературе и журналистике определялись регионализмом, позиционированием себя как своеобразной, но интегрированной части имперской культуры. Развитие региона мыслилось на путях русификации и европеизации с колоритными чертами античности («Украина как новые Афины»).

5. Историко-политический, культурно-этнографический и художественный (в том числе журнальный) дискурс предлагали особые, но взаимосвязанные модификации образа Украины. Их сближала установка на интегрированное видение региона, чья история и административно-политическая специфика рассматривались как вариант общерусских, а культура сохранила прочную связь с эпохой Киевской Руси, основным источником сюжетов и героев.

6. Ключевые моменты имагологической структуры образа Украины в российской словесности рубежа XVIII –XIX веков определяет особый природно-ландшафтный план («российская Аркадия»), разветвленная культурная география, в первую очередь связанная с древнерусскими достопримечательностями, а в первой четверти столетия – и с образами новых «культурных гнезд», устойчивый культурно-исторический пантеон со знаковыми фигурами Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы во главе, как репрезентантами интеграционной или сепаратистской установки. В течение 1780-1820-х годов жанровые и повествовательные установки в репрезентации украинского материала эволюционировали от условности сказочно-исторического нарратива к социокультурной конкретности бытового или исторического эпоса / драматургии.

Структура работы определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Диссертация включает в себя введение, три главы, посвященные моделированию образа Украины в литературе конца XVIII века, эволюции его в первой четверти XIX столетия и репрезентации национально-исторического канона в региональной и имперской словесности, а также заключение и список использованной литературы, включающий 463 наименования.

ГЛАВА 1.

ОБРАЗ УКРАИНЫ В РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

1.1. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: варианты идеологического моделирования образа Украины на рубеже XVIII –XIX веков

1.1.1. Историко-культурная перспектива формирования образа Малороссии

Проблема внутренней колонизации, предполагающая как административно-политическое, так и социокультурное освоение «национальной периферии», имела для Российской империи особое значение, причем решалась она для разных регионов своеобразно и чаще всего ситуативно. Тем самым, как справедливо констатировал А.И. Миллер, точка зрения на процессы взаимодействия ядра и той или иной окраины империи должна соответствовать динамичности и гетерогенности историко-культурного материала: в истории «внутренних колонизаций» было много моделей выстраивания отношений между «центром» и подчиненной «периферией», инициированных элитами обеих сторон¹. Одной из составляющих здесь, безусловно, выступает формируемый разнонаправленными усилиями образ национального региона, в символическом плане претворяющий систему различий (или ассимиляционных слияний) «своего» и «чужого».

В случае образа Украины в имперской культуре мы сталкиваемся с парадоксом: у большинства исследователей проблемы «полуденная Россия» описывается как готовый символический конструкт, возникший словно бы из ниоткуда. Центром внимания и отправной точкой изучения здесь чаще всего становится феномен украинофильства, мощно проявившегося в 1820–1830-е годы в широком и устойчивом интересе российского образованного общества к украинской истории, фольклору, языку, этнографическому материалу. Тем не менее, для возникновения столь последовательного и широкого увлечения, породившего цельную и очень устойчивую мифологию, должны были сформироваться некие предпосылки, связанные с предыдущим опытом культурно-идеологического конструирования образа Украины во второй половине XVIII – первые десятилетия XIX веков.

В историческом плане таким отправным пунктом выступило завершение инкорпорации украинских земель в состав Российской империи. С момента своего воцарения Екатерина II

¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 42-53.

стремилась преодолеть административно-политическую неоднородность страны, сложившейся из многих этнических регионов и сохранившей значительные элементы местных автономий. По образцу западноевропейских государств она в 1770–1780-е годы провела унификацию внутри-имперской административной системы с единообразным членением на губернии и типовым аппаратом губернского управления, что коснулось и национальных окраин – Лифляндии, бывших крессов Речи Посполитой, Крыма, Восточной Финляндии, Поволжья и т.д.¹ Отношения петербургских властей с Украиной тоже выстраивались по этой общероссийской модели. В ходе преобразований, проведенных малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым в 1764–1785 годах, был отменен целый ряд льгот и привилегий, оставшихся в наследство от Гетманщины. Малороссия потеряла автономию и стала рядовой имперской окраиной, лишенной даже административного единства: она была разделена на Киевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества².

При всей болезненности реформ, глубоко изменивших социальную структуру населения Украины (ликвидация казачества, прикрепление крестьян к земле, выделение и официальное утверждение статуса дворянства и т.п.) и вызывавших то более, то менее сильное противодействие, общее их направление трудно описать в ортодоксальных колониальных терминах. Прежде всего, их целью было как раз не проведение жестких различий между метрополией и колонией, а инкорпорация Малороссии в имперское пространство с максимальным равенством прав и даже некоторыми привилегиями, законодательно подтвержденными вскоре Павлом и Александром I³. Административно-правовая унификация делала затруднительным государственное, территориальное и даже этническое разграничение великороссов и малороссов. «Поистине малороссияне суть совершенно русские, и они подтвердили это событиями прошедшего лета, – писал в ходе польского восстания 1830–1831 гг. малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин. – Наречие, обычаи, одежда несколько различествуют, но вера, царь и Русь есть для них святыня нераздельная и неприкосновенная. <...>. Конечно, желательно, чтобы всякая разница исчезла между единоплеменным народом, <...> но, по словам Екатерины II, худа та политика, которая то предписывает законами, что надлежит переменить обычаями»⁴. Своеобразным ответом Н.Г. Репнину может служить позиция малоросса В.П. Кочубея, в это время – председа-

¹ См.: *Мадаруага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Луженской. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 439-520.

² См.: *Kohut Z.E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. Украинский перевод: *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. К.: Основи, 1996. (Зах. історіографія України; Вип. 2).

³ Ср. в этом плане размышления об особом статусе региона: *Мацузато К.* [Рец. на кн.: Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802--1856. Функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001] // *Ab Imperio.* 2002. № 2. С. 605-616.

⁴ Цит. по: *Стороженко Н.* К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века // *Киевская старина.* 1897. № 10. С. 128.

теля Государственного совета империи: «Хотя я по рождению и хохол, но я более русский, чем кто другой и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам»¹.

Стратегию имперского центра вряд ли можно рассматривать и как насильственно-ассимиляционную: при ликвидации политической самостоятельности украинский язык, культура, религиозная специфика, система образования не подвергались сколько-нибудь массовой русификации вплоть до польского восстания 1830–1831 годов, да и после него эта политика не отличалась системностью и последовательностью². Как отмечает ведущий исследователь истории Украины второй половины XVIII – начала XIX в. Зенон Когут, вместо дискриминационных мер в отношении социальной и культурной элиты сохранялось устойчивое «приглашение» к участию в общеимперской жизни, открывавшее возможность самореализации не только в региональных масштабах – при условии добровольной ассимиляции. Результатом становилось переформирование идентичности с установкой на служение престолу:

...Ассимиляторы вдохновлялись тем, что были частью империи, которая покорила закоренелых врагов Гетманщины (Польшу, Крымское ханство и Османскую империю), открыла им доступ к императорскому двору и к возможности сделать карьеру. Среди выразителей подобных устремлений были важнейшие лица Гетманщины и империи: Александр Безбородко, Петр Завадовский, граф Иван Гудович, Дмитрий Трошинский, граф (позднее князь) Виктор Кочубей, Григорий Милорадович и ряд других знатных особ³.

Оксана Дзюба констатировала при этом не атомарный, но массовый характер миграций малороссийской элиты, сопровождавшийся сменой социокультурных ориентаций:

Вихованці колегіумів, Києво-Могилянської академії та закордонних університетів поповнювали Генеральну військову канцелярію, займали полковничі та сотенні уряди, були суддями, ставали священниками, приймали чернецтво й очолювали православну ієрархію не лише на Україні, але й в цілому в Російській державі. Все ж значна частина шукала собі служби, чинів у столицях Російської імперії. Поряд з дрібними чиновниками, канцеляристами, копійстами це були перекладачі Синоду, Сенату, Колегії іноземних справ, викладачі Петербурзької та Московської університетських гімназій та університетів, Кадетських корпусів, медичної академії. Вони ж видавці, літератори, вчені медики, співаки придворної капели, художники. Столиці метрополії пропонували їм не лише чини, дворянство, вони давали їм можливість реалізувати себе у інтелектуальній діяльності, те, чого вони позбавлені були на батьківщині⁴.

Мощное участие выходцев из Малороссии в жизни империи, о количественном и качественном составе которого дает широкое представление книга Дэвида Саундерса⁵, стало социо-

¹ Цит. по: *Стороженко Н.* Указ. соч. С. 143.

² См. ее развернутый анализ: *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). М.: Алетейя, 2000.

³ *Kohut Z.E.* *Kohut Z.E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorbtion of the Hetmanate 1760s – 1830s. P. 259. Здесь и далее, если иного не оговорено, перевод иноязычных цитат принадлежит автору диссертации.

⁴ *Дзюба О.* Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // *Россия – Украина: история взаимоотношений* / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 118.

⁵ *Saunders D.* *Ukrainian Impact on Russian Culture 1750--1850.* Edmonton: CIUS Press, 1985. См. также: *Raeff M.* *Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century* // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter* / Ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. Edmonton:

культурным фундаментом постепенно усиливавшегося интереса к этому национальному региону, плодом чего и явился феномен российского украинофильства 1820–1830-х годов.

Конец XVIII – первые десятилетия XIX в. были эпохой лишь подготовительного знакомства массовой аудитории с украинским миром, причем о степени осведомленности образованной дворянской публики хорошо свидетельствуют журнальные материалы. На протяжении 1790–1815 годов (до начала издания первого харьковского журнала «Украинский вестник») в периодических изданиях появилось всего порядка нескольких десятков публикаций о Малороссии или текстов, авторы которых названы малороссами¹. По жанровому составу они предельно разнородны: исторические документы, речи и публицистические выступления, оды и лирические стихотворения, анекдоты, короткие очерки (обычно отрывки из путешествий). По тематике произведения тоже не образуют сколько-нибудь устойчивого ряда, являясь в большинстве случаев текстами «на случай», приуроченными к определенному событию, временно напоминавшему об этом уголке Российской империи, как было в 1807 и 1812 годах, когда созывалось малороссийское ополчение. Следствием подобной фрагментарности выступало размытое представление о западных окраинах, сохранявшееся в массовой аудитории довольно долго, вплоть до польских событий 1830–1831 годах, что констатировал, в частности, А.Н. Пыпин, обозревая становление белорусской этнографии². Представление об Украине, даже о ее географических пределах, также оставалось ограниченным: «Для русских писателей и читателей, – отмечал П. Бушкович, – Украиной была Малороссия, старое гетманство и Слободская (позже Харьковская) губерния <...>. Представление, что Левобережье – это и есть вся Украина, было столь общепринятым, что никто из авторов даже не объяснял данной идентификации»³.

При подобном, достаточно поверхностном знакомстве на первый план выходила не столько заинтересованность в самобытной культуре и истории Украины, сколько созвучность тех или иных ее проявлений внутренним потребностям имперской культуры, в свою очередь вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Противоречивый процесс этнизации, общий вектор развития европейских империй XVIII – начала XIX веков требовал выработки разветвленных идеолого-символических систем, позволявших опознавать «свое», национально маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» мет-

CIUS Press, 1992. P. 39-66; *Шум Н.А.* Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII – первой половине XIX в. Киев: Наукова думка, 1988.

¹ Подборка исторических документов («Летописец Малой России» Г. Грабянки, мемуары П. Гордона, письмо Л. Сапеги, универсал Б. Хмельницкого и несколько других) в «Русском магазине» (1792-1794) Ф.О. Туманского; «Новое путешествие в Малороссию» П.И. Шаликова (Вестник Европы. 1804. № 2), речи Г.А. и В.Г. Полетики, В.Н. Каразина (Вестник Европы. 1803. №№ 13 и 16; 1805. № 24; 1809. №№ 4 и 5; 1811, № 1), «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Кошниц-Квитницкого (Вестник Европы. 1807. № 9) «Письмо из Малороссии» И.И. Гуржеева (Вестник Европы. 1809. № 5), «Анекдоты» П.Ф. Калайдовича (Вестник Европы. 1810. № 7) и некоторые другие.

² *Пыпин А.Н.* Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 644-683.

³ *Bushkovich P.* The Ukraine in Russian Culture 1790-1860. S. 343-344.

рополии, и проводить различие с «другим», составляющим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации-государства». В многонациональной России рубежа XVIII–XIX вв. создание подобных идеологем, призванных сменить, а вернее дополнить, универсальные формулы лояльности царствующей династии, только началось. Поиски национальных истоков, особый интерес к русской истории и традиционной допетровской культуре, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей – очевидные приоритеты поколения Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова, по-разному видевших направления имперской модернизации, но убежденных в необходимости консолидировать культурную и социальную элиту, укрепляя ее национальное самосознание¹.

Действенность идеологии «нации-государства» блестяще продемонстрировала революционная и наполеоновская Франция, сумевшая в сложнейших условиях не просто объединить население под лозунгами национального спасения, но и направить патриотизм, ощущение особой миссии нации на достижение экспансионистских целей. В Европе начала XIX века этот идеологический и политический импульс претворился в ряде специфических стратегий национал-строительства, в частности, в немецком романтическом национализме, чьи концепции оказали глубокое влияние на сторонников государственной модернизации во многих странах². При отрицательном отношении к французской (эгалитаристской) версии подобной идеологии в целом она оказалась созвучна российской культуре, принявшей иной ее вариант, когда опорой империи становится национально ангажированная дворянская элита³.

Одним из ближайших образцов национального единства, сохранивших верность истокам, традициям предков, выступила Малороссия. Утратив политическую самостоятельность и тем самым возможность государственной консолидации, украинцы компенсировали ее ощущением этнически-исторической общности, возводимой ко времени казачества. Эту тягу к сохранению исторического наследия З. Когут справедливо назвал малороссийским традиционализмом, свойственным большинству дворянской элиты, даже ассимилированной. Традиционалисты

¹ См. постановку этой проблемы в работах: *Киселева Л.Н.* Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Ученые записки Тартуского университета. 1985. Вып. 645. С. 3-20; *Зорин А.Н.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 157-266; *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114-140.

² Так, А.Н. Зорин отмечает влияние идей Ф. Шлегеля на становление модернизационной идеологической программы С.С. Уварова: *Зорин А.Н.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. С. 352-359.

³ Последовательная история становления русской националистической идеологии в конце XVIII – первые десятилетия XIX в. еще не написана, хотя отдельные ее эпизоды анализировались в статьях и монографиях Дж.Л. Блэка, Р. Уортмана, А.М. Мартина, А.Н. Зорина, Л.Н. Киселевой, В.М. Живова, М.Л. Майофис и ряда других ученых, а о необходимости ее системного изучения еще в начале 2000-х писал Р. Уортман в статье: *Вортман Р.* Национализм, народность и Российское государство / Пер. с англ. О. Майоровой // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17). С. 100-105.

...не были организованы в какие-либо общества и, тем самым, выражали разные взгляды и преследовали разные цели. Объединяла их только привязанность к прошлому <...>. Традиционалисты хотели сохранить разные аспекты своего традиционного быта и институций. Одни считали своей первоочередной задачей возрождение казацкого войска, другие хотели только сохранения Литовского статута, а третьи – писали и издавали патриотическую литературу¹.

Питательной почвой для традиционализма выступала постоянная сосредоточенность на местных проблемах, периодически обострившихся в связи с административными преобразованиями – созданием Геральдической коллегии, затруднившей подтверждение дворянского статуса, реформой суда, ограничивавшей сферу действия местного законодательства, обсуждением возможности откупов и отмены свободного винокурения и т.п. Ответом на реформы каждый раз выступал поиск исторических подтверждений прав и вольностей, актуализировавших образ прошлой Украины. Так, в переписке А.И. Чепы и В.Г. Полетики из прагматической задачи составить «Записку о малороссийском дворянстве», поданную в 1809 г. Александру I, вырос замысел фундаментального, но так и не реализовавшегося труда по истории Малороссии². Собрание исторических документов, топографические и этнографические описания родного края, сопровождавшиеся возвышенной патриотической риторикой («Верьте тому, что я люблю отечество, – люблю соотчичей моих больше самого себя <...>. Как приятно трудиться для славы и пользы отечества! Собственные чувства наши, чувства, что мы в недрах оно не жили праздно, награждают нас за оные и дают нам счастливейшее для смертных право на имя сынов отечества»³), стали со второй половины XVIII века общей установкой, характерной для украинских политических и культурных деятелей разных поколений (Г.А. Полетики, А.И. Ригельмана, А.Ф. Шафонского, А.И. Чепы, В.Г. Полетики, Я.М. Марковича, М.Ф. Берлинского, Д.Н. Бантыш-Каменского и других). Однако любовь к «батьківщині» не мешала им участвовать в имперской административной деятельности и культурной жизни, выбирая русский язык в качестве средства постоянного общения и устраивая свой повседневный обиход по русскому образцу⁴. Традиционализм выступал для них лишь как один из элементов идентичности, представляя ее региональный уровень и в определенные моменты тесно смыкаясь с общерусским патриотизмом, как в ходе Отечественной войны 1812 года.

Старая малороссийская культура в результате процессов русификации, затронувших и убежденных местных патриотов, уходила из жизни дворянства и городского мещанства в низовую крестьянскую среду. Тем самым национальное своеобразие региона сохранялось, но отношение к нему самих образованных украинцев существенно трансформировалось. Традицион-

¹ Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorbtion of the Hetmanate 1760s – 1830s. P. 264, 273.

² См.: Киевская старина. 1893. № 1. С. 41-76.

³ Письмо В.Г. Полетики к А.И. Чепе от 2 февраля 1810 г. // Киевская старина. 1893. № 1. С. 56.

⁴ См. богатый материал этого рода в кн.: *Оглоблин О.* Люди Старої України. München: Дніпрова Хвиля, 1959.

ную культуру представители дворянской элиты все больше воспринимали как простонародную и провинциальную, а великорусскую, общеимперскую – как «высокую», европейскую по духу и открывающую более широкие перспективы для самореализации. Подобная система ориентаций к концу XVIII века закрепились, по наблюдениям А. Каппелера, и на уровне двойной национальной номинации: хохлы – крестьянское простонародье, малороссы – представители ассимилированной элиты¹. Переоценку этой иерархии начали в конце 1810-х годов деятели уже следующего поколения, увлеченные романтической идеей «народности», однако и они понимали ее не политически, а в рамках ее исторического и этнографического колорита. Подлинный сдвиг здесь произошел лишь к середине XIX века, когда «старый региональный патриотизм умер», а на смену ему пришел «новый национализм, основанный на исторической антропологии, филологии и народной культуре (или том, что тогда считалось народной культурой)»².

1.1.2. «...самый странный народ на земле»: маргинализация украинского казачества в историко-публицистическом дискурсе второй половины XVIII века

Учитывая очерченную историческую перспективу, можно, очевидно, говорить о нескольких стадиях формирования образа Украины, в основном совпадающих со сменой поколенческих ориентиров. Интересующий нас период приходится на вторую половину 1780-х – первую половину 1810-х годов, когда завершается ассимиляция малороссов, в свою очередь, нацеленных на интеграцию в российскую среду. В качестве событийных вех здесь выступает инспекторский вояж Екатерины II по южным провинциям в 1787 году³, открывший череду путешествий в «полуденную Россию» (среди русских авторов) и подготовленный и сопровождавшийся всплеском местных историко-этнографических изысканий (в основном украинских). Дополнительный импульс интересу придали разделы Речи Посполитой 1792 и 1795 годов, актуализировавшие вопрос о политическом и историческом прошлом Украины (см. раздел 2.3). В ходе обсуждения этого вопроса вновь возросло число исторических публикаций. Завершается этот период к середине 1810-х годов, когда модернизационный проект Александра I, предполагавший, в частности, введение конституции для Царства Польского, вовлек в сферу обсуждения и Украину, пробудив, с одной стороны, активность русифицированной элиты (материалы харь-

¹ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125-144.

² Raeff M. Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century. P. 82.

³ См.: Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005; Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань: Казанский государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

ковской журналистики¹), а с другой – обострив внимание имперской публики к украинскому антиполонизму и республиканским традициям².

При этом и для малороссиян, и для российских авторов, обращавшихся к украинской тематике, опорой становились просветительские представления, сложно трансформировавшиеся под воздействием нового исторического опыта. Их восприятие в украинской среде подпитывалось сначала устойчивой традицией казацкой старшины (атаманов и других руководителей), а затем дворянства давать детям европейское образование, чаще всего в немецких университетах, где в последней трети XVIII в. формируется славяноведение как особая научная отрасль³. В Европе учились представители старшего поколения малороссиян екатерининской эпохи – С.Е. Десницкий (Университет Глазго), Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис (Лейпцигский университет), И.П. Хмельницкий (Кёнигсбергский университет), И.В. Гудович (Кёнигсбергский, Галльский и Лейпцигский университеты). В меньшей, но все же значительной степени это затронуло и младшее поколение – Ф.О. Туманского (Кёнигсбергский университет), А.Ф. Шафонского (Лейденский, Галльский и Страсбургский университеты), В.Г. Полетику (Виленский университет)⁴. Усвоению европейских просветительских концепций способствовала и активная переводческая деятельность, которой занимались выходцы из Украины для заработка, по роду должностных обязанностей (в частности, в коллегии иностранных дел) или ученых занятий (К.А. Кондратович, Г.В. Козицкий, Н.Н. Мотонис, Г.А. Полетика, Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, В.Т. Золотницкий, В.И. Крамаренков, В.Г. Рубан, Ф.О. Туманский, Н.Н. Бантыш-Каменский и мн. др.).

О европейских источниках работ об Украине хорошо свидетельствуют подготовительные выписки Я.М. Марковича к задуманному им энциклопедическому труду⁵. Среди них присутствуют ссылки на «Введение в историю европейскую» (СПб., 1718) С. Пуфендорфа, «Voyage à Constantinople par la Crimée» (1789) леди Э. Крэйвен, «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne» (1783-1794) Н.Г. Леклерка, «Annales de la Petite-Russie ou Histoire des Cosaques-Zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine ou la Petite-Russie» (1788) И.Б. Шепера, «Über Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Producte» (1796) В.Х. Фрибе, «Reise durch Oberschlesien zur Rußisch-Kayserlichen Armee nach der Ukraine und zum

¹ Журналы «Харьковский Демокрит» (1816) и «Украинский вестник» (1816 – 1819), позднее «Украинский журнал» (1824 – 1825). См. подробнее о них: Пиксанов Н.К. Областная литература в первой четверти XIX века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 349-352.

² Здесь отсчет можно вести от романа Ф.Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1816, отд. изд. – СПб., 1819), начавшего создание декабристского «украинского текста».

³ В трудах И.Г. Гердера, К. Антона, Л.А. Гебгарди, И.Х. Энгеля, И. Ропера, Б. Гаке, И.К. Аделунга и др. См.: Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Типография Майкова, 1871. С. 61 и далее; Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. С. 15-42.

⁴ См.: Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції; Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.

⁵ См. их обзор: Лазаревский А. Прежние изыскатели малорусской старины // Киевская старина. 1894. № 12. С. 359-360, 373-378.

Feldmarschall Rūmanzow Sadunaiskoy» (1789) К.Ф.Е. Гаммарда, «Das europäische Russland» («Große Erdbeschreibung», т. 3, 1784) А.Ф. Бюшинга, «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken» (1796) И.Х. Энгеля, «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1784-1791) И.Г. Гердера и др.¹ Набор трудов позволяет констатировать, что для Я.М. Марковича, так же как и для его сверстников, были актуальны фактически все основные просветительские концепции, связанные с восприятием национальных окраин Европы². Их отбор и применение к украинскому материалу существенно зависели от позиционирования автора, прорусского или «традиционалистского», от того, был он выходцем из Малороссии или представителем имперской культуры, однако общая парадигма была достаточно устойчива и предполагала в качестве основного элемента отдаление от предмета изображения.

В сочинениях русских и иностранных авторов, находившихся на русской службе (Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт и др.) такое дистанцирование было вызвано, очевидно, инонациональным характером материала, а для писателей-украинцев оно оказывалось следствием культурно-психологического разрыва: старая Малороссия с ее историей и самобытным укладом неотвратимо уходила в прошлое и становилась объектом не столько живого представления, сколько реконструкции. Так, А.И. Мартос, в будущем автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот, горько, но трезво заметил в 1811 году у могилы Мазепы в Молдавии:

Мазепа умер в отдаленности от отечества своего, коего он защищал независимость; он был друг свободы и стоит уважения потомства. <...> Его не стало, а имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций³.

В то же время при символическом освоении образа Украины фундаментальным затруднением выступала презумпция близости, «одноприродности» малороссийского и великороссийского начал, разделявшаяся элитами обеих культур, даже убежденными традиционалистами. Будучи включенным в постепенно формирующийся проект «большой русской нации» (А.И. Миллер), украинский элемент требовал специфических инструментов репрезентации, которые, сохраняя установку единства, не стирали бы местных различий. Это балансирование на грани своего и чужого, нормального и экзотического, общего и отличного составляло неотъемлемую принадлежность «украинского текста», отражая, среди прочего, амбивалентную идентичность

¹ Ср. также источники, приводимые Д.Н. Бантыш-Каменским в его «Истории Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче» (Ч. 1-4. М.: В типографии Семена Селивановского, 1822).

² См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

³ [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806-1812 // Русский архив. 1893. Кн. 2. № 7. С. 305-368, цит. с. 345.

его создателей – малороссиян, а иногда и представителей имперской культуры, проникавших региональным патриотизмом.

Исходным просветительским концептом, который сложно поддавался указанной трансформации, был закрепившийся в европейском общественном мнении с «подачи» Вольтера образ воинственных дикарей-казаков как наиболее характерных представителей Украины. В «Истории Карла XII» (1731) казачество представало как «самый странный народ на земле»:

Это сборище потомков русских, поляков и татар, известное защитой христианства и разбоем, подобным тому, что творят флибустьеры. Они сами выбирают своих предводителей, которых часто свергают и нередко при этом убивают. Они не терпят никаких женщин промеж себя, но просто умыкают всех детей на двадцать или тридцать лиг вокруг и выращивают их в соответствии со своими обычаями. Летом они все время в походах, а зимой отдыхают в своих куренях, где размещаются по четырьста или по пятьсот человек. Они ничего не боятся, живут вольными людьми и презирают смерть¹.

В «Истории Российской империи в царствование Петра Великого», которую Вольтер создал по имперскому заказу, а перевел на русский, заметим, малоросс Н.Н. Бантыш-Каменский уже в 1760 году, сразу после выхода первой части (1759), этот образ оказался отягощен еще и политическими коннотациями – казаки предстали воплощением варварского анархизма, сопротивляющегося любым цивилизующим мерам². Выдвижение на первый план при описании Украины казачества и Запорожской Сечи стало одним из стереотипов просветительской литературы (И.Б. Шерер, И.Х. Энгель, К. Хаммерсдерфер, А.В. Хюпель, М. Лесюр и мн. др.³), – в том числе российской и украинской.

В период екатерининских реформ имперская рецепция казачества фактически полностью соответствовала вольтеровскому подходу, что объяснялось негативным восприятием полувоенной социальной организации Гетманщины и прочностью автономистских традиций в казачьей среде. С точки зрения самодержавного централизма склонность к этим традициям представала как недопустимая анархия. Историк Г.Ф. Миллер, подготавливая в 1760-е гг. справки для Н.И. Панина, П.А. Румянцева и других вельмож, писал в «Рассуждении о запорожцах»:

Запорожцами в старину назывались все малороссийские козаки вообще <...>. Род их жития, по коему они <...> жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись. Обычаи их к праздности и к пьянству склонные; пренебрежение торгов, кроме для своих житейских надобностей; необузданная вольность; прием всякого у них взброду людей всех языков, всех вер, токмо чтоб у них будучи, внешняя должность грекороссийского (т.е. православного – *Т.В.*) закона наблюдалась; допущение таких в свое общество без всякого письменного свидетельства, не разбирая их достоинств или пороков <...>; неимение

¹ *Voltaire*. Histoire de Charles XII, roi de Suède. Paris: Chez Jacob Tonson, & se vend chez les librairies François, 1734. Vol. 2. P. 191-192.

² *Voltaire*. Histoire de l'empire de Russie sous le Pierre le Grand // *Voltaire*. Œuvres complètes. Paris: Au Bureau de la Sociétés des publications illustrées, 1846. V. 4. P. 594 и др.

³ См.: Зарубежная историография истории запорожского казачества: Сборник статей. Запорожье: Изд. Запорізького державного університету, 1992.

письменных законов, коих иметь и не желают, опасаясь умаления их вольностям, и словом, лишение всех гражданских порядков <...>. Сии обстоятельства не могут никому благосклонного о запорожцах подать мнения, потому что их обычай всякому, на здравом разуме и на истинных правилах основанному гражданскому обществу, противоборствует¹.

Восходящая еще к средневековым источникам топики «нечистого народа»² в этой и ряде схожих характеристик Г.Ф. Миллера³ нагружается комплексом просветительских мотивов, связанных с примитивными обществами: набеговая экономика, отсутствие законодательства, аморфные социальные связи. Тем самым казачество как остаток глубокой архаики, а вслед за ним и вся Малороссия, требует даже не аккультурации, а перехода к решительно иному, цивилизованному, состоянию.

В прагматическом плане это выразилось в крайне негативном отношении Екатерины II и администрации П.А. Румянцева к Запорожской Сечи, окончательно упраздненной в 1775 году. Высочайший манифест от 3 августа воспроизводил всю топику Вольтера и Миллера, обосновывающую нецелесообразность сохранения в новой цивилизующейся Малороссии столь дикого пережитка: «Запорожские [казаки], одичав в своих ущелинах и порогах, где первобытно, по способности мест, одна только военная стража учреждена была к отражению татарских набегов, составила из себя мало-помалу совсем особенное, странное и намерению Самого Творца <...> противоборствующее политическое сонмище»⁴.

Не отказываясь в дальнейшем от использования казачьих войск, преобразованных в регулярные части, имперская власть ставила негласный запрет на восстановление каких-либо институтов Сечи и даже ее символики. Так, в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 годов Екатерина II наставляла Г.А. Потемкина, организовавшего полки черноморского казачества: «Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание. В людях же незнающих, чтоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу либо название» (1788)⁵. И в дальнейшем в официальном дискурсе образ Сечи и казачества, периодически актуализировавшийся при создании проектов местного ополчения (1794, 1807, 1812, 1831), как правило, трактовался в качестве потенциально опасного. О его сомнительных коннотациях предупреждал, например, А.А. Безбородко того же Г.А. Потемкина,

¹ [Миллер Г.Ф.] Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М.: В Университетской типографии, 1846. С. 40.

² См. о ней в статье: Киселев В.С. Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 23-40.

³ [Миллер Г.Ф.] Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах... С. 65-66 и др.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 20. С. 190 (№ 14354).

⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, 1744-1796: В 5 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871–1885. Т. 4. С. 476.

предлагавшего восстановить казачье войско в Левобережной Украине: «Следовательно, было бы возмутить свой собственный народ, помнящий времена Хмельницкого и склонный к казачеству. Тут сделалася бы военная нация и тем опаснее, что и Малороссия заразилася бы тотчас тем же духом, а за нею и его губерния (Новороссийская. – *Т.В.*), от чего и вышла бы нового рода революция, в которой, по крайней мере, принуждены будем восстанавливать гетманство, дозволять многие нелепые свободы, и словом терять то, чем смирно и тихо навеки бы владели» (1794)¹.

В результате подобного административного давления у авторов рубежа XVIII–XIX вв. образы казачества и Сечи существенно трансформировались. Крайним вариантом здесь выступало их исчезновение из публичного дискурса. Так, в «Путешествии в Малороссию» П.И. Шаликова полностью отсутствуют какие-либо упоминания о казаках и самостоятельной истории Украины, а А.И. Левшин в «Письмах из Малороссии», не проявив какого-либо интереса к Запорожью, ограничился общей констатацией: «Малороссияне назывались прежде козаками и гордились сим названием – славным в летописях мира. Они теперь разделяются подобно прочим жителям России на дворян, духовных, купцов, мещан и крестьян; а имя козаков осталось только при одном состоянии»². Единственный казак, описанный на страницах его путешествия, вполне воплощает этот уход в прошлое, причем даже воспоминания престарелого героя принадлежат полностью русифицированной истории – событиям прусской кампании 1756–1763 годов:

Сегодня поутру видел я древнего козака Малороссийского; сего дня поутру говорил я с почтенным 96-летним воином. <...> ...когда заговорил о семилетней войне, во время которой служил он; <...> когда начал описывать победу, под Кунерсдорфом русскими одержанную, – некоторый священный жар одушевил его...³

1.1.3. Реабилитация «естественного» демократизма казаков в имперской словесности рубежа XVIII – XIX вв.

Более сложным вариантом была «нормализация» казачества, его превращение из полного антипода цивилизованного сообщества в легитимный этносоциальный образ украинского народа, наделенного не экстраординарными, но «естественными» чертами. Образец такого подхода – фундаментальная и широко известная этнографическая энциклопедия И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Первое ее трехчастное издание, которое вышло в 1776–1780 годах и заслужило высочайшее одобрение Екатерины II, обошлось без упоминания народов тех стран, чьи территории были относительно недавно присоединены к

¹ Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: В 2 т. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1879-1880. Т. 2. С. 261.

² Левшин А. Письма из Малороссии. Харьков: В университетской типографии, 1816. С. 60.

³ Там же. С. 30-31.

России или попали в орбиту ее влияния – Закавказья (армяне, грузины) и Польши, однако отсутствие в книге сообщений о «малороссах» выглядело странным.

Этот пробел решил восполнить М.И. Антоновский, украинец, издатель журнала «Беседующий гражданин», близкий к А.Н. Радищеву и Н.И. Новикову¹. Принадлежа к ассимилированному поколению и разделяя мысль о благотворности имперского соединения народов под сенью российских монархов, он в то же время был далек от вольтеровских подходов, по поводу чего высказался уже в 1782 году в полемической лекции «Больше ли вреда или пользы принесли Европе крестовые походы?». В результате, в четвертой части, которую он добавил к новому, подготовленному им переводу книги И.Г. Георги (СПб., 1799)², центральное место заняли россияне (русские) и казаки. В число последних вошли малороссияне и запорожцы, отделенные друг от друга и отодвинутые как самостоятельные народы в прошлое (главы «Малороссийские казаки (бывшие)» и «Запорожские казаки (бывшие)»). Кроме того, в финале очерка о запорожцах М.И. Антоновский полностью воспроизвел Высочайший манифест 1775 г. с его уничтожающими характеристиками.

Соблюдая необходимую дистанцию, нарратив, тем не менее, он построил на мотиве этнической близости. Происхождение запорожского казачества М.И. Антоновский возвел к русским («они были потомки казаков черкасских, на Днепре поселившихся после изгнания их из Курского княжества»³), вынужденным жить на татарской земле и оказавшимся заложниками крымского хана, но сохранившим русский дух и преданность московскому царю. Раз за разом с XVI века они воевали за Россию и мечтали только принять ее подданство, однако «немало прошло лет, что со стороны российского правительства и слышать о запорожских казаках не хотели»⁴. Когда же при Анне Иоанновне объединение совершилось, «радость запорожских казаков <...> была неописанная»⁵. Эта-то радость, утверждал Антоновский, способствовала многочисленным подвигам казаков в дальнейших войнах империи.

На фоне «нормализованного», сближенного с русскими, образа казачества яснее выступила просветительская установка М.И. Антоновского – подчеркивание «естественного» демократизма Сечи, переносимое и на образ Малороссии в целом. Ее истоком служили идеи не Вольтера, а уже Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете, изложенные в «Общественном договоре» и вскоре примененные к польским событиям 1768–1772 годов⁶.

¹ См. о нем: *Вацуро В.Э.* Антоновский Михаил Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 (А-И). Л.: Наука, 1988. С. 35-37.

² См. о вкладе М.И. Антоновского: *Токарев С.А.* Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // *Вестник МГУ. Историко-филологическая серия*. 1958. № 4. С. 113-127.

³ Цит. по изд.: *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 716.

⁴ Там же. С. 720.

⁵ Там же. С. 721.

⁶ См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 351-360.

Они получили широкое развитие в немецкой традиции конца XVIII в. Ярчайший образец здесь – магистерская диссертация И.Х. Энгеля «*Commentatio de republica militari seu comparatio Lacadaemoniorum, Cretenaium et Cosacorum*» (1790), сравнивавшего Сечь с военными республиками Спарты и Крита, и его позднейшая «*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*» (1796). Еще одним распространенным вариантом выступало сопоставление казаков с рыцарским орденом, ведущим войны с неверными и соблюдающим обет безбрачия и нестяжания («*Annales de la Petite-Russie ou Histoire des Cosaques-Zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine ou la Petite-Russie*» (1788) И.Б. Шерера).

Республиканский контекст, на функционирование которого оказали большое влияние события Французской революции, подразумевал внутреннюю амбивалентность: в случае «разумного» применения свобод республиканские принципы оценивались положительно, однако гипертрофия вольности, переходящая в анархию или безрассудный фанатизм, воспринималась как разрушение принципов гражданского общества и путь к гибели государств и народов (так оценивает, например, К.К. Рюльер Запорожскую Сечь в «*Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république*» [1770-1780-е гг., изд. в 1807 г.]). У М.И. Антоновского на первый план вышла именно эта логика. Он с сочувствием описывает демократический строй («всякий козак мог быть кошевым, так и, получа сию честь, оставался при своем курене и бывал паки простым козаком, когда его товарищи не желали больше быть у него в послушании и избирали на место его другого»¹), простоту и естественность законов («запорожские козаки <...> не имели никаких письменных законов; одно по понятию суждение и введенные обычаи определяли приговоры и наказания»²), искреннюю религиозность, отсутствие роскоши, патриотизм и храбрость казачества, отвергая по ходу повествования наиболее одиозные представления об их повальном пьянстве, дебоширстве и гомосексуализме. Тем не менее, именно тяга к анархии, все шире развивавшаяся, согласно Антоновскому, стала причиной гибели старой Сечи и ее роспуска в 1775 г.: «Впрочем, <...> удобно понять из описанного, что, по необузданной их жизни и по отдалению их, нельзя было отнюдь содержать их в надлежащем повиновении и благоустройстве, как сие и из манифеста почивающей в Бозе монархини <...> явствует»³.

Предложенная М.И. Антоновским образная конструкция учитывала культурно-идеологические изменения рубежа XVIII – XIX веков и оказалась популярной. Ее основные мотивы вскоре концентрированно воспроизвел В.В. Измайлов в своем «Путешествии в полуденную Россию» (1800), ставшем ходовым источником представлений о Малороссии. Судьбу казачества он оценивает как естественную, схожую с судьбами иных республик:

¹ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. С. 726.

² Там же. С. 733.

³ Там же. С. 740.

Их общество было подобно всем тем обществам, которые в младенчестве народов являлись одни за другими на театре мира <...>. Запорожская Сечь <...> была в основании своем истинная республика. Наследственные титулы и почести у них не существовали; любовь, доверенность и выбор подавали право на приобретение власти <...>. Образ жизни главного атамана <...> не отличались ничем от других его сотоварищей. <...> Советы их, под именем рады, были самые торжественные и примечательные. Все запорожцы собирались в открытом поле, чтобы судить единогласно о внутренних и внешних делах своих, придумывать лучшие средства и трудиться общим умом над решением важных вопросов о благосостоянии общества¹.

Топике патриархальной республики В.В. Измайлов противопоставляет, однако, мотивы анархизма и буйства:

Вы видели, может быть, лучшую сторону их; взгляните и на дурную. <...> Пристрастие, наглость и заговоры обуревали в последствии времени заседания совета, столь благородного в своем начале <...>. Вместо рассуждения, вместо позволительного прения, царствовали брань и ссора, и ратоборцы ума делались бойцами народных площадей. Прибавьте к сему, что во время начальника, нелюбимого в Сечи, они предавались таким неистовствам, что никакая власть не могла восстановить порядок².

Вывод оказывался предрешен: «Устав, противоречащий уставам природы, не может долго существовать в человечестве и должен рано или поздно ускорить разрушение того общества, которое его приняло»³.

1.1.4. Образ Малороссии как иерархической дворянской республики в трудах украинских традиционалистов

Образ республиканской Сечи, а вслед за ней и Малороссии в целом, мог, однако, трактоваться совершенно иначе, выступая не примером упадка от разраставшейся анархии, а воплощением жизнеспособного общественного устройства. Этот вариант стал основным для поборников прав и свобод старой Украины. Идеологическую основу он нашел в полонифильской просветительской литературе, в особенности в «Соображениях об образе правления в Польше» (1771) Ж.Ж. Руссо и «Образе правления и законах Польши» (1782) Г. Мабли, где дворянская республика, в которой знать была средоточием национального духа, противопоставлялась деспотической России, лишенной национального единства и связанной только авторитарной властью монарха. Перенос этой концепции с образа Польши на образ Украины – заслуга старшего поколения традиционалистов, в частности Г.А. Полетики, отстаивавшего идеи малороссийской дворянской демократии в ходе работы Комиссии по составлению нового уложения⁴.

¹ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию: В 3 ч. М.: В Университетской типографии, 1802. Ч. 3 (на титульном листе Ч. 4). С. 13-17.

² Там же. С. 18-19.

³ Там же. С. 21.

⁴ См.: Литвинова Т.Ф. Общественная мысль Украины второй половины XVIII – первой половины XIX веков: Григорий и Василий Полетики. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Днепрпетровск, 1993.

Выдвижение на первый план шляхетства требовало, однако, отказа от эгалитаристских элементов, столь сросшихся с представлением о Сечи. Одно из ранних произведений, в котором происходило подобное переосмысление – «Разговор Великороссии с Малороссиею» (1762) С. Дивовича, где казаки рисовались не анархическим воинством, а организованным сообществом со строгой дисциплиной и иерархией власти, выводимой из традиций Речи Посполитой:

...казаки с выборными своими
Продолжали брань кровну з землями чужими.
Потом Стефан Баторий, король польский славный,
Привел козаков еще в лучший строй и главный,
Ибо чрез год гетмана над ними поставил,
Вольности вновь надал и прежние доставил,
И прислал ему арматы, бунчук з булавою
И всякие воинские припасы з корогию,
Учредив тож по гетмане обозных судей,
Асаулов (так! - *Т.В.*), сделав порядок в их стране всей,
Определив также и полковников в полках,
Привилегиями ствердил в вечных временах¹.

Расслоение казацкой старшины и формирование дворянского сословия Малороссии, происходившее в постоянной борьбе за подтверждение своего статуса перед имперской властью, придало особую значимость образу шляхетства как элементу национальной идентичности, как носителю и ревностному хранителю «исконных» прав и свобод. На рубеже XVIII – XIX вв. эта тенденция коррелировала с утверждавшимися национально-патриотическими движениями русского дворянства, в том числе оппозиционными, пример чему – сотрудничество М.И. Антоновского (не отличавшегося, впрочем, постоянством убеждений) и А.Н. Радищева. Ко второй половине 1810-х годов, когда идеи дворянской фронды вошли в противоречие с принципами абсолютной монархии, украинский исторический материал быстро стал популярным, выступив образцом свободолюбия и борьбы против деспотизма (от романа Ф.Н. Глинки «Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» до «Войнаровского» К.Ф. Рыльева).

Наиболее последовательное выражение образ республиканской шляхетской Малороссии нашел в «Истории русов», датируемой, по современным данным, началом XIX века². Прежде всего, ее автор отказывается видеть в Сечи анархическое сообщество: «Таким образом завелась Сечь Запорожская <...>. Правительство, признавши их полезными, учредило между ими по их выборам старшин и главного атамана, кошевым названного, и оставила по прежнему в команде гетмана малороссийского, коему они и место их пребывания принадлежали всегда»³. Следующим шагом, вслед за подтверждением регулярного характера власти, он ставит под сомнение эгалитарный характер казачьей республики:

¹ [Дивович С.] Разговор Великороссии с Малороссиею (Литературный памятник второй половины XVIII века) // Киевская старина. 1882. Т. I. С. 325-365, цит. с. 331.

² См.: Яковенко Н.Н. Вступ до історії. Київ: Критика, 2007. С. 149.

³ История Русов. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. М.: В университетской типографии, 1846. С. 14.

От такого общего названия русских воинов козаками, вышла в последствии та ошибка, в которую впали все писатели малороссийские и польские, полагая в своих летописях и историях, что <...> гетманы выбираемы были из простых или реестровых козаков. Но это весьма несправедливо и здравому рассудку предосудительно; ибо козаки всегда имели в полках и провинциях своих многих чиновников разных степеней, как-то: старшин генеральных, полковых и сотенных, и земских урядников. И какая же статья или что за правило, мимо такого числа чиновников, выбирать простых козаков? А когда сие приписывается уважению заслуг и достоинств, то натурально, что офицеры, заслуженнее и достойнее от простых воинов, и вошли в чины свои непременно по сим качествам; обходить же их в выборах гетманских значило бы нечто вздорное, одни неудовольствия, возмущения и междоусобие приносящее¹.

Последовательное подчеркивание иерархичности казачьей республики своим очевидным образцом имело строгую градацию петровской «Табели о рангах». В среде казацкой старшины второй половины XVIII века сохранялось стойкое представление о более низком статусе русского дворянства, вынужденного государственной службой добиваться прав и привилегий, тогда как вольности малороссийского шляхетства были изначально утверждены нормами Литовского статута. Только Жалованная грамота 1785 года поставила обе элиты в равное положение, сделав принадлежность к дворянскому сословию привлекательным для малороссов. Унификация системы украинских чинов, их приравнение к тем или иным чинам «Табели о рангах», проведенная в ходе реформ П.А. Румянцева², предлагала удобные инструменты для обретения или подтверждения дворянства. Именно эта установка отозвалась во фрагментах «Истории русов», посвященных социальной структуре казачества, с особым акцентом на республиканских традициях шляхетства, который и определял авторскую идеологию. В понимании этих республиканских традиций неявным образцом становилось уже дворянство Речи Посполитой – к нему-то и приравнивалась казачья старшина, описываемая в откровенно «модернизируемых» формах:

Шляхетство, по примеру всех народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в земле пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством, заключающим в себе боляр, происшедших из княжеских фамилий, урядников по выборам и простых воинов, называемых козаками по породе, кои производя из себя все чины выборами и их по прошествии урядов возвращая в прежнее звание, составляли одно рыцарское сословие, искони тако самым их статутным правом утвержденное, и они имели вечною собственностью своею одни земли с угодьями, а посольством владели по правам и рангам, и повинность посполитых была установлена правами³.

***1.1.5. «Народ, поющий и пляшущий, зла не мыслит»:
идиллический образ современной Украины***

¹ Там же. С. 18.

² См. выразительный образец гибкой политики Румянцева в этом вопросе: Письмо П.А. Румянцева-Задунайского к генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому о награждении малороссиян чинами (2 мая 1774 г.) // Киевская старина. 1891. № 1. С. 176-177.

³ История Русов. С. 7.

Превращение казачества в шляхетство, ретроспективно совершенное в «Истории русов», демонстрирует общую логику трансформации образа Украины на рубеже XVIII – XIX веков, присутствующую в трех описанных вариантах (архаическое варварство, полуцивилизированная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика). Все они тем или иным способом разрушают отождествление современной Малороссии с казаками: в одном случае – через однозначно негативное отношение и полуофициальный запрет на наследие Запорожской Сечи, в другом – через акцент на исчерпанности казачьей демократии, в третьем – через «нормализацию» казачества по польской или российской модели. Тем самым казачья Украина неотвратимо отодвигалась в прошлое и становилась предметом исторической реконструкции или вовсе уходила из культурной памяти.

Своеобразие современной Малороссии, описываемой образованными авторами нового поколения, осмыслялось по контрасту с ее прошлым. Главным выразителем этого своеобразия становилось простонародье, самобытность которого можно было передать только извне, глазами человека из иной, более высокой и уже общероссийской культурной сферы. Примечательно, что первые развернутые этнографические описания Украины создают сами малороссияне, что, заметим, выпадает из европейской модели освоения колониальных окраин, изучаемых обычно выходцами из метрополии. А.Ф. Шафонский, Я.М. Маркович, М.Ф. Берлинский, А.И. Ригельман, принадлежа к ассимилированному поколению украинской знати, получили возможность взглянуть на малороссийское крестьянство и его традиционную культуру как на объект внешней реконструкции. Эта дистанция определила и концептуальную основу образа, которой стало руссоистское представление о «естественном человеке».

В подтексте работ первых украинских этнографов было противопоставление современных малороссов – воинственным варварам-казакам, олицетворявшим прошлое Украины. Подобное, очень устойчивое, расслоение образа получило санкцию свыше в апокрифическом высказывании Екатерины II, позднее использованном А.С. Пушкиным в рецензии на гоголевские «Вечера...»: «Народ, поющий и пляшущий, зла не мыслит»¹.

Всемерное подчеркивание миролюбивого характера украинцев, их довольства, лояльности, патриархальной преданности царствующей династии составляло неременную часть официальной идеологии, воплощенной, в том числе, в ритуальной программе высочайшего путешествия 1787 года – как в многочисленных приветственных речах императрице, так и в ее ответных высказываниях. «Да увидим мы в стране своей <...> великую свою обладательницу и несравненную мать отечества! – провозглашал предводитель харьковского дворянства П.Ф. Шидловский. – Тогда всеобщий восторг целого нашего общества, радостные лица и восклица-

¹ См. об этом: *Лотман Ю.М.* Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. XV / Ученые записки Тартусского университета. 1970. Вып. 251. С. 34.

ния счастливых обитателей обильных полей наших внушат более чувствительной душе твоей и соделанное тобою благополучие твоих верноподданных, и признание их к непрестанно изливаемым твоим щедротам»¹.

Малороссия представляла как возвращенный край, славный общим с Россией историческим прошлым, но потерявшим за века без отеческой опеки царской власти весь свой блеск и мощь. Такое восприятие отразилось и в киевских впечатлениях Екатерины II, подчеркивавших запустение города, интересного только своими памятниками: «С тех пор как я здесь, все ищу: где город, но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы»².

Преобразованию города императрица планировала посвятить ряд мероприятий: благоустройство, снос ветхих зданий и строительство новых, обновление Киевской духовной академии, перестройка Подола и пр. Митрополит Самуил (Миславский) посвятил этим начинаниям «Слово о великих предметах учреждений Екатерины» (1777), однако «киевский проект» оказался в итоге заслонен более привлекательными перспективами проекта «новороссийского» и остался нереализованным, сохранив за древней столицей репутацию глухой провинции³. Окончательно план перестройки Киева был отменен указом Павла I от 13 октября 1797 года.

Элементом имперской программы были и первые подробные описания Малороссии, которые готовились для представления ко двору и были разбиты по наместничествам (Киевскому, Черниговскому, Новгород-Северскому). Характерно, что они, согласно утвержденному перечню пунктов 1784 года, полностью исключали исторические экскурсии и тем самым исходили из презумпции различия «старой» и «новой» Украины. А.Ф. Шафонский, описавший Черниговское наместничество и представивший свой труд Екатерине в ходе ее путешествия, посчитал все же этот подход недостаточным и ввел краткий исторический обзор во второй – четвертой главах, соответствовавший официальной концепции (осуждение Сечи, акцент на казацкой анархии) и основное внимание уделявший событиям после присоединения к России (предшествовавшая история Украины укладывается в 16 страниц вместе с попутными размышлениями). Этому очерку предшествовала в первой главе характеристика современных малороссов:

Малороссийский народ вообще, от самого знатного до последнего человека, имеет нрав тихий, робкий, застенчивый и не нахальный <...>. Он в обхождении ласков, благосклонен, учтив, простодушен, гостепри-

¹ Цит. по: *Есинов Г.В.* Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году // Киевская старина. 1891. № 1. С. 111.

² Русская старина. 1873. № 8. С. 673.

³ См.: *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 39-63.

имчив, не корыстолюбив, не предприимчив, более не весел, нежели весел, набожен и суеверен, ленив и неподвижен, к тяжбам и ябедам склонен, мстителен и не трезв, телом сановит, бел, здоров¹.

Этот портрет разительно отличался от образа воинственного и вольнолюбивого казака и был скорее близок к просветительскому представлению о наивном простолюдине, чистом душою, но отягощенном суевериями и уже несколько испорченном цивилизацией.

Патриархальность традиционного уклада А.Ф. Шафонский в дальнейшем неоднократно подчеркивал, отмечая новые элементы в жизни украинцев, возникающие под великорусским влиянием за последние тридцать-пятьдесят лет. Получивший образование в немецких университетах, автор снисходительно относится к примитивности и суевериям малороссийского простонародья, однако, уже в духе гердеровской традиции, с интересом описывает ритуалы («аллегорические обряды и церемонии <...> столь обширны, что они особого требуют²»), сохранившиеся в его среде и забываемые дворянами.

Находит у А.Ф. Шафонского место и декоративная экзотика «народа поющего и пляшущего», игравшая столь значительную роль в ходе высочайшего путешествия. Прием, устроенный императрице П.А. Румянцевым, был гораздо менее пышным, нежели потемкинский, однако и пребывание в Малороссии отмечалось красочными торжествами с местным национальным колоритом. Например, при въезде в Киев кортеж встречали «женщины и девушки из простого народа в малороссийских кафтанах. У первых на головах были кораблики, у девушек в косах были вплетены цветы, и сверх того из корзин они бросали цветы под карету императрицы»³. В «Топографическом описании» мужским и женским народным костюмам, в том числе и с рисунками, уделено особое внимание, сопровождавшееся ностальгическим комментарием: «...тогда еще никаких немецких и французских одеяний и нарядов не знали. Ныне весьма редко благородную можно в старинном платье увидеть, а все или совершенно в французском, или в смешанном с малороссийским платьем <...> ходят»⁴.

И, наконец, неременной чертой малороссиян выступала музыкальность: «Малороссияне все склонны к музыке, и обыкновенно на скрипке, на гусях, цымбалах и на бандуре, на дудках, а литвяки на волынке играют. Ни одной простой свадьбы без музыки не бывает. К пению они особливую имеют склонность и способность; пляшут почетные по-польски, а простые своим образом, скоро, на швабский похожий»⁵. Мотив пения и пляски был постоянным в характеристике Украины, переходя от одного автора к другому: «Малороссияне <...> нравом веселы, обходительны, склонны к музыке...»⁶; «...у каждого поселянина есть скрипка...»¹; «Пляска мало-

¹ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев: В университетской типографии, 1851. С. 25.

² Там же. С. 27.

³ Еситов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году. С. 104.

⁴ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 34.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Изд. 2-е. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1806. Ч. 1. С. 138-139.

россиян стройна и прекрасна. Песни их нежны, выразительны и по большей части протяжны. <...> О голосах их нечего тебе говорить. Гибкостью, чистотою и приятностию оных они превзошли почти всех жителей России»² и т.п.

Образ мирной, патриархальной и декоративно-яркой крестьянской Малороссии, созданный А.Ф. Шафонским и другими авторами-украинцами, богатый в то же время точными деталями и очень разносторонний, в великорусском варианте почти всегда упрощался и схематизировался. В нем типичные руссоистские черты заслоняли этнографическую составляющую, что, впрочем, соответствовало представлению об одноприродности русских и малороссов (см. подробнее раздел 1.2.2).

1.1.6. Применение гердеровского подхода к образу Украины в «Записках о Малороссии» Я.М. Марковича (1798)

Альтернатива такому образу украинцев наиболее явно была выражена в краткой и незавершенной работе Я.М. Марковича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях». В ее основе лежали идеи И.Г. Гердера, с трудами которого Я.М. Маркович был хорошо знаком и сделал даже ряд выписок из четвертой части «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1791). В гердеровской концепции на первое место выходило не различие между цивилизованными и примитивными народами, а преемственность культурного развития, связывавшего архаическую и современную стадии. Культурное наследие прошлого в этом свете оказывалось ключом к настоящему и будущему нации, в случае славян и конкретно Украины – блестящему:

Но колесо все переменяющего времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то когда все эти земли будут возделаны <...>, то и славянские народы <...>, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, <...> станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли <...> и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли³.

Именно поэтому сохранение патриархального облика не означало для Малороссии примитивности, но делало ее обладательницей культуры, имевшей самостоятельную ценность. Воссозданию этой культуры и планировал посвятить свои усилия Я.М. Маркович, начавший свои «Записки» гердеровским положением: «Я не хотел бы <...> представлять картины мрачной древности, если б история не объясняла характера и не показывала степеней образования и промышленности каждого народа»⁴.

¹ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 60.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 76-77.

³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. С. 471.

⁴ Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Ч. 1. СПб: Типография Губернского правления, 1798. С. 2.

Всю первую главу он посвятил истории славян в первом тысячелетии н.э. и месту в ней будущей Малороссии, точно следуя соответствующим разделам четвертой части «Идей» Гердера с прибавлением древнерусского летописного материала. Представление немецкого философа о мирном земледельческо-торговом характере славян и об их внутреннем единстве вплоть до XVIII века хорошо вписывалось как в официальную концепцию «большой русской нации», общей для мало- и великороссов, так и в традицию руссоистско-идиллической репрезентации Украины. Последняя становилась у Я.М. Марковича «колыбелью Россов» и категорически выводилась из разряда воинственных или варварских: «...жители счастливой положением Малороссии не были никогда номадами и не могут быть варварами»¹.

Закономерно, что казачество и Сечь, так же, как и самостоятельную историю малороссийских земель с XIV по XVII века (глава вторая), Маркович описывает с предельной краткостью и акцентом на дисциплинированности, патриотизме и регулярном характере государственности, позволившей легко перейти к современной мирной и трудолюбивой жизни: «...Стефан Баторий <...> привел их в хорошую дисциплину и определил им жалованье. От сих казаков произошли и украинцы, составлявшие прежде малороссийское войско. Остаток оного суть нынешние козаки, но они уже не воины, а сельские жители»².

Гердеровский исторический контекст помог Я.М. Марковичу создать внутренне очень последовательный, при всей лапидарности (главы третья и четвертая), образ современной Украины, фактически, все элементы которого были использованы в путешествиях по «полуденной России», а в дальнейшем получили развитие в романтическом украинофильстве конца 1810-х – 1830-х годов. Прежде всего, это особый характер малороссийской природы, позволяющий увидеть в ней источник едва ли не мифологического изобилия: «Поляки называли Малороссию молочной и медовой землею; можно именовать ее еще странюю обилия и приятностей. Здоровый климат, красота местоположения, великое плодородие земли и разнообразие произведений суть преимущества, по коим она заслуживает такое имя»³.

Пользуясь, среди прочего, неопубликованным «Топографическим описанием» А.М. Шафонского, Маркович выразительно рисует ландшафтную и природную панораму Малороссии – описывает лесную, степную и срединную ее зоны, дает описание рек и добываемых минералов, причем главное внимание посвящает двум моментам – плодородию и красоте, мотивирующим образ жизни и характер украинцев. Они предстают трудолюбивым земледельческим народом: «Хлебопашество – главный источник народного благоденствия – от самой природы в таком состоянии, какого только требовать можно. Без лишнего труда и тонкого искусства зем-

¹ Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Ч. 1. С. 55.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 42.

ледельцев пашни разводятся легко и обильную приносят жатву»¹. Эта естественность, гармоничное сочетание природного изобилия и необременительного труда, порождает еще и эстетическую восприимчивость: «Природа не хотела здесь ни приводить в изумление, ни наводить ужаса, но только нравиться и пленять. Чтобы представить совершенную картину того великолепия, в каком она здесь видна, надобно иметь кисть Пуссеня или перо Бюффона, кои хранятся в пантеоне бессмертных»².

Простой народ, не обладающий такими талантами, нашел, однако, свои способы отозваться на красоту – в своем языке, в песнях, красочных обрядах и колоритных поверьях. Фрагменты, посвященные традиционной культуре Малороссии, лишены у Я.М. Марковича ценностной дистанции (цивилизованное vs. примитивное), очень ощутимой у А.Ф. Шафонского или М.И. Антоновского, и выполняют гердеровский завет: «...чтобы исчезающие остатки славянских обычаев, песен и сказаний были собраны»³:

В нынешнем малороссийском языке, или собственно наречии, видны еще некоторые оттенки и счастливого климата, и нежного свойства души образователей его. Если <...> судить о духе его, то надобно признаться, что он нежен, приятен и наполнен патетическими выражениями, уменьшительными словами <...>. Можно назвать его языком любви <...>. Возьмем в пример малороссийские песни: в них помещены прекрасные подобия и картины природы, простое, но пылкое изъяснение любви – и голоса (т.е. мотивы – *T.V.*) их вполне соответствуют мыслям. Если содержание их трогательно, если представляет оно разлуку с милым или с мать-страною, то с разительною гармонией тонов изливается вместе самая сила чувств и выражений. <...> По врожденной склонности малороссиян к музыке страна их в России то же, что в Европе Италия...

...В обычаях и обрядах поселян видно несколько старинного, суеверного и много замысловатого. При начале годовых времен или главных земледельческих упражнений, бывают у них разные увеселения и как бы празднества. Так, например, весною деревенские девушки садятся при захождении солнца на зеленой траве и поют веснянку или песнь весны; а скучные вечера зимы провождают они в своих собраниях и балах, называемых вечерницами и игрищами, где играют на скрипке, поют песни и пляшут...⁴

Характеристики Я.М. Марковича предвосхищают интенции романтического украинифильства и образы Н.В. Гоголя, возможно, знакомого с трудом своего соотечественника. Подобная фольклорно-этнографическая, реконструирующая направленность вполне определилась к концу 1810-х годов (З. Доленга-Ходаковский, Н.А. Цертелев и др., см. раздел 2.2.) и сохраня-

¹ *Маркович Я.М.* Указ. соч. С. 43. Ср. более трезвые оценки А.Ф. Шафонского, видевшего не только природное богатство, но и человеческую бедность Украины: «Представив себе Малую Россию как край, где труд земледельца мало платится, где ремесел, рукоделий и художеств почти никаких нет, и где, следовательно, внутренний и внешний торг весьма мал, <...> представить себе легко и то можно, что Малая Россия вообще деньгами бедна, а сия общая бедность и к тому бывшее доселе всех жителей неограниченное (т.е. с нечеткой сословной принадлежностью – *T.V.*) состояние и недостаток в науках и просвещении, а оттого проистекающее худое воспитание юности, есть причиною, что Малая Россия и наружным своим видом в городах и деревнях с другими губерниями не может сравниться» (*Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 21-22).

² *Маркович Я.М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 50.

³ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. С. 472.

⁴ *Маркович Я.М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 57-59, 63-64.

ла этот характер до середины XIX века. Но углубленная разработка малороссийской региональной специфики, с другой стороны, поддерживала и значимость системы различий «своего» и «другого», созданной усилиями русских и украинских деятелей рубежа столетий. В результате Н.А. Полевой даже в 1830 году, рецензируя «Историю Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, трезво констатировал незавершенность ассимиляции: «<...> политической самобытности у них нет и быть не может, но опять-таки они *наши*, а не *мы* (курсив автора – Т.В.)»¹. Эта двойственность создавала питательную среду для развития и укрепления альтернативного националистического дискурса, выраставшего в полемиках 1830-1840-х годов о степени самостоятельности украинского языка, истории и культуры.

¹ Московский телеграф. 1830. Ч. 35. № 17. С. 86. Более того, рост интереса к Украине иногда провоцировал на нарочитое установление дистанции, что ощущается в рецензии Н.А. Полевого, который отчетливо накладывал на «Историю» Д.Н. Бантыш-Каменского дискурсивные шаблоны французской романтической историографии (ср., в частности, сочинения Ж.Н.О. Тьерри), стремясь интерпретировать отношения России и Малороссии по моделям европейской колонизации: «Мы поступили [с малороссами], как обыкновенно поступают победители с завоеванными землями. Мы *обрусили* их аристократов, помаленьку устранили местные права и ввели свои законы, поверья, удалили строптивых, сами перемешались с простолюдинами-туземцами, но за всем тем обрусить туземцев не успели» (Там же. С. 85-86).

1.2. Специфика художественной репрезентации образа Украины в русской литературе рубежа XVIII – XIX веков

1.2.1. «...времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами»: эпоха Киевской Руси как историко-мифологическое основание образа Малороссии

Наметившееся движение к осмыслению Украины как «заповедника древней культуры» обладало большим потенциалом, поскольку, с одной стороны, преодолевая черты резкой внутренней специфичности, связанной с образом казачества, завершало интеграцию Малороссии в имперскую культуру, причем в особом статусе прародины, а с другой – предлагало инструменты включения новой Украины, уже как части имперского строительства, в европейскую культурную перспективу. В российской словесности 1820 – 1830-х годов репертуар символических моделей, созданный литераторами предыдущего поколения, подвергся значительной селекции. Тем не менее, основным в русском романтическом украинофильстве стал все-таки образ «славянской Авзонии», теснее всего связанный с задачами имперского национального строительства, причем как внутреннего, так и внешнего: новое место России в Европе после эпохи Священного союза во многом связывалось с покровительством славянским народам, ближайший из которых должен был выступить патриархальным аналогом и хранителем исконных качеств «русскости», оттеняя органичную спаянность этнического ядра империи.

В художественной словесности рубежа XVIII – XIX веков эта образная парадигма получила первоначальную разработку, наметившую два основных ракурса: историко-мифологический и культурно-исторический. Первый был связан с репрезентацией далекого прошлого Киевской Руси, мыслившегося общим элементом украинской и русской истории; второй, характерный для травелогов, предполагал освещение достопримечательностей современной Малороссии, в ходе которого также обильно привлекался исторический материал. Общей их чертой, однако, оказывалась повышенная условность: Украина в русской литературной рецепции оказывалась не столько реальным социокультурным пространством, сколько предметом художественного конструирования, сильно зависимым от законов жанра.

Это хорошо ощущается в произведениях на темы Киевской Руси, до начала XIX века выступавших единственным художественным репрезентантом Малороссии. История Украины в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой воспринималась имперской публикой как времена «темные», не имеющие ни «правильной» историографии, ни ценности с точки зрения исторических нравоучений. Очень выразительно в данном контексте звучит начало отчета П.А. Румянцева перед Екатериной II о состоянии дел в Малороссии: «Древность не оста-

вила здесь никаких следов, каким образом Малая Россия управляема была» (1781)¹. Это вымысливание отдельного прошлого региона вполне соответствовало официальной идеологической установке, в рамках которой современная Украина создается, по сути, заново, как в не опубликованном при жизни автора «Случае на выборах» В.В. Капниста (1785), посвященном избранию поэта предводителем дворянства Киевского наместничества:

На бреге горда Бористена,
Где прежде на пустых полях
Скрывался алчный волк в кустах...
<...>
Там, славою Екатерины
Гордяся, град чело вознес
Превыше облак, до небес.
По слову северной богини
Покрылась жатвами земля,
Реками напились пустыни,
Стадами устланы поля.
Из сел, упитанных покоем,
Народ из град стекался роем
Закону мудрому внимать
Наперснице бессмертной славы,
Из рук ее в сердца принять
Божественны права, уставы
И праведных судей избрать².

Украина становилась своеобразным вариантом Тавриды, лишаясь исторического прошлого, кроме самого древнего, легендарного, и выступая полем имперского культуртрегерского творчества. Что же касается времен Киевской Руси, то и они мыслились частью общероссийской истории, лишь территориально связываясь с Малороссией, выступавшей здесь, скорее, в качестве сценической площадки. Историософское обоснование тому предлагал «Синописис», изданный в Киеве в 1674 году и служивший единственной учебной книгой вплоть до 1770-х годов и основной опорой для российских историков XVIII века – М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова³.

Автор «Синописиса», предположительно архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель, последовательно проводил мысль о единстве Великой и Малой Руси. Общность их обосновывалась, прежде всего, преемственной государственной традицией. Древняя Русь описывалась в «Синописисе» как единая страна с центром в первопрестольном Киеве, который есть «преславный верховный и всего народу российского главный град»⁴. Даже временами распада-

¹ [Румянцев П.А.] Доклад графа П.А. Румянцева Императрице Екатерине II 1781 года // Киевская старина. 1884. № 12. С. 693.

² Капнист В.В. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 1. С. 98-99.

³ Так В.Н. Татищев говорит о «Синописисе» как об одном из своих основных источников: «Для которого я всех трех изданей Синописисы имел, а имянно: киевских 1668 и 1680 и Санкт-Петербургского тиснения» (Татищев В.Н. История российская: В 7 т. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. Т. 1. С.433). См. подробнее об источниках и историческом подходе В.Н. Татищева: Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009.

⁴ Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674) / Предисл. и подг. текста. О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 63.

ясь на ряд отдельных земель – владений удельных князей, Киевская Русь не теряла, по мнению автора, своей государственной целостности, обеспеченной кровным родством всех Рюриковичей. Так, начиная повествование о каждом из князей, составитель не забывал указывать на его прямую принадлежность правящей династии. Еще одним важным критерием единства Великой и Малой Руси представлялась православная вера: «И тако от того времени вси Российский, Бельи и Чермнии, восточнии, полунощнии и на полудне лежащии народы Веру святую православную от Греков прияша, и крещением святым просветившеся и укрепившеся совершенно в Христианстве...»¹. Последовательность глав «Синописа» намечала линию преемственности от Киевской Руси через Великое княжество Московское к Московскому государству XVII века. Примечательно, что материал, не вписывающийся в данную концепцию, просто выпадал из повествования. Так, в «Синописе» почти ничего не говорилось о судьбе Украины в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (период XIV – XVI веков.). Логическим итогом здесь являлось восстановление государственного единства: благодаря великому князю Алексею Михайловичу «всея Великия, Малыя и Белья России самодержцу», вернувшему киевские земли в состав Державной Руси «яко природное Царское его присвоение», после периода унижения и отделения киевских земель, наконец, свершилась «милость Господня»².

Как констатировал З. Когут, «Синопис» стал трамплином для развития российской имперской историографии³ и послужил основой для «традиционной схемы» русской истории или «великого нарратива» (А.И. Миллер), обосновывавшего территориально-государственное единство империи. В его составе история Киевской Руси имела характер сакрально-мифологического претекста, в случае первых князей граничащего с «баснословием». Эти черты она сохранила и в исторических трудах М.В. Ломоносова, А.Л. Шлецера, В.Н. Татищева, предлагавших для художественной обработки множество сюжетов. Своеобразным их сводом выступили «Идеи для живописных картин из русской истории» М.В. Ломоносова, предназначенные для недавно учрежденной Академии Художеств, а позднее статьи Н.М. Карамзина «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802), «Критические примечания, касающиеся до древней Славяно-Русской Истории» А.И. Тургенева (1804), «Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе» А.А. Писарева (1807)⁴.

¹ Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). С. 111-112.

² Там же. С. 214.

³ Когут З. Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / Пер. с англ. // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2006. № 3-4. С. 60. Оригинал см.: Kohut Z.E. The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by Thomas Sanders. Armonk: M.E. Sharpe, 1999. P. 453-477.

⁴ См. их анализ: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. С. 79-81.

Соединившись с растущим интересом к национальной истории, древнекиевская тематика породила в конце XVIII – начале XIX веков мощную литературную традицию. Центральным в ее рамках стал образ Владимира Святославича, крестителя Руси. При этом возникало специфическое усложнение, влекущее за собой образование двух тематических планов, один из которых тяготел к героике, другой к сказочности. Владимир как сильный и волевой правитель, реформатор, мудрый политик оказывается в центре летописных, по источнику, сюжетов о крещении, сокрушении идолов, походах и основании городов. Другая грань образа – фольклорный Владимир Красное Солнышко. Этот тип персонажа, изначально мифологический, явился богатым источником вымышленных сюжетов, в контексте эпохи соединившихся с традицией рыцарско-авантюрного романа. В жанровом плане древнекиевские сюжеты обрели чрезвычайно разнообразную трактовку от историко-героической и сказочно-исторической повести, до условно-исторической или богатырской поэмы, оперы, баллады и др.

Однако их сближала повышенная условность, открывающая возможность для полета фантазии. Так, К.Н. Батюшков, описывая литературные труды М.Н. Муравьева, подчеркивал, что в повести «Оскольд» «действие происходит в России во времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами и цветами творческого воображения»¹. Позднее В.А. Жуковский, обдумывавший замысел поэмы «Владимир», писал А.И. Тургеневу: «...Сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие»². Будучи спроецированным на образ Малороссии, подобный подход имел следствием представление о полусказочной стране, хорошо сочетавшееся с образом «народа поющего и пляшущего». Впоследствии романтическое украинофильство придало ему фольклорно-этнографическую насыщенность, соединив исторический колорит с обращением к местным поверьям и легендам, но основа его закладывалась уже в XVIII веке, в «Пересмешнике, или Славенских сказках» М.Д. Чулкова (1766-1768), «Славенских древностях, или Приключениях славенских князей» М.И. Попова (1770), в «Русских сказках...» (1780-1783) и «Вечерних часах, или древних сказках славян древлянских» (1787-1788) В.А. Левшина.

Итог становления сказочно-исторического жанра обозначили «Русские сказки...» В.А. Левшина, в предисловии к которым автор настраивал читателя на соединение исторического и «баснословного»:

Должно думать, что сии приключения Богатырей Руских, имеют в себе отчасти дела бывшие, и естьли совсем не верить оным, то надлежит сомневаться и во всей древней Истории, коя по большей части основана на оставшихся в памяти Сказках; впрочем, читатели естьли похотят, могут различить истину от баснословия, свойственного древнему обыкновению в повествованиях; в чем, однако, ни кто еще не успел³.

¹ Батюшков К.Н. *Опыты в стихах и прозе* / Под ред. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. С. 60.

² Жуковский В.А. *Собрание сочинений*: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 469-470.

³ Левшин В.А. *Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения*. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова, 1780. Ч. 1. С. 4-5.

Они включили в себя обширный круг текстов, объединенных элементами волшебной сказки (нестрогая достоверность, случайные встречи, превращения, волшебные помощники, разрешение задач через действие волшебных средств и проч.).

При этом сборник, как и упомянутые выше, испытал сильное влияние европейского авантюрного романа. Как заметил В.В. Сиповский, В.А. Левшин «свободно импровизировал, подделываясь то под манеру западноевропейских романистов, то под стиль народного творчества»¹. В «Русских сказках...», в результате, смешивались разные национальные реалии и топорсы: русские князья и воеводы соседствовали с абстрактными королями, чешскими, болгарскими и греческими владыками, действия темных сил прекращалось не только усилиями прославленных русских богатырей, но и героев, напоминающих скорее доблестных средневековых рыцарей или персонажей галантного романа. Мир «Русских сказок...» синтетичен и в художественном плане: он соединял героев фольклорной и книжной традиции, сюжеты сказочные, былинные (цикл «Сказки богатырские»), рыцарские («Повесть древлянского князя Миловида»), авантюрно-бытовые (цикл «Сказки народные», Сказка I).²

Основным местом действия сказок В.А. Левшина была Киевская Русь X – XI веков, образцом чему может служить «Повесть Киевского воеводы Мирослава» из цикла «Приключения Гассана Астраханского». Действие ее балансирует на границе «баснословных» и «исторических» времен: события разворачиваются в период княжения Владимира Святославича, на что косвенно указывает ряд сюжетных деталей, однако реально-исторический контекст отсутствует и восполняется фантазией автора.

Сюжет повести основан на перипетиях «возвращения» своего лица (как в прямом, так и переносном смысле) и честного имени главным героем полковым воеводой Мирославом. Мирослав был предан единоутробной любимой сестрой Звездодрагой, влюбившейся в злого чародея Рукмана и перешедшей на его сторону, превратившись в колдунью. Звездодрага с помощью волшебных слов лишила Мирослава своего облика и превратила в уродливого старика, в то время как Рукман приобрел лицо главного героя. С этого момента, гонимый собственными слугами, Мирослав был вынужден покинуть отчий дом и начать путь в иные края.

В повести можно выделить несколько топосов. Основным из них является Киев, в котором действие начинается и завершается, тем самым, образуя кольцо. Пространство Киева имеет двойственный характер. С одной стороны, в нем присутствуют бытовые детали, с другой, оно допускает проявление волшебных сил, приобретая фантастический оттенок. Выйдя за пределы Киева, герой последовательно попадает в поле двух уже отчетливо сказочных топосов. Сначала

¹ Сиповский В.В. «Руслан и Людмила». К литературной истории поэмы // Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906. С. 63. В.В. Сиповский приписывал авторство «Русских сказок...» М.Д. Чулкову.

² Библиографию исследований о «Русских сказках...» и анализ сборника см. в работах: Омелько Л.В. В.А. Левшин и его «Русские сказки»: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991; Курьшова Л.А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В.А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск: Наука, 2009.

герой оказывается в пустыне, около горы Хоревца (последний признак реальной топики), затем пространство начинает трансформироваться и терять признаки реалистичности. В пещере, где останавливается Мирослав, его терзают волшебные темные силы, посланные Рукманом. При этом окружающее пространство буквально оживает: «Пещера моя раздалась надвое. Верх горы, в коей находилась она, раздроблялся в части <...>. В то самое мгновение земля при ногах моих, пожрала в себя всех, окружавших меня чудовищ...»¹. Следующий топос – тихая волшебная роща, куда приводит Мирослава белая птица и где герой находит убежище от злых сил:

Тихий западный ветерок провевал по окрестностям места. И равный луг, простирающийся близ храма. Он был покрыт мягкой травой, и в редкости плодовитыми деревьями, растущими по берегам текущих источников, кои, подобно чистотою зеркала, изображали в себе ветви наклонившиеся под бременем зрелых плодов...²

Здесь же герой обретает чудодейственное средство для борьбы с чарами неприятелей. Еще одно волшебное пространство – остров, где злой колдун оказывается побежден главным героем не без содействия добрых помощников. Самым «реалистичным» пространством предстает лес, в котором скрываются разбойники во главе с Разбивоем, бывшим псковским дворянином. Образ Разбивоя помещен в центр отдельной вставной повести. Новое действующее лицо и подробное повествование о нем привносит в повесть топос Пскова и его окрестностей.

Таким образом, в «Русских сказках» пространство Киевской Руси оказывается подвержено всевозможным метаморфозам благодаря помещению его в волшебный контекст. При этом оно то сохраняет отдельные топографические приметы Малороссии, то допускает фантастические манипуляции, оборачиваясь миром вымысла – «светлым», добрым или злым, агрессивным, стремящимся уничтожить героя. Подобная двойственная оптика, заставляющая видеть за культурными реалиями виртуальные смыслы, исторические или сказочно-мифологические, прочно соединилась с литературным образом Украины, накладывая отпечаток, как мы увидим в следующем разделе, и на жанр травелога.

Дополнением сказочного нарратива выступало на рубеже XVIII – XIX веков травестийное повествование – шутливая «богатырская поэма», по образцу «Ильи Муромца» Н.М. Карамзина (1794) и «Добрыни» Н.А. Львова (1796)³, или комическая опера, вроде «Горе-богатыря Косометовича» (1788) Екатерины II или «Ильи-богатыря» И.А. Крылова (1807)⁴. Так, И.А. Крылов, создатель наиболее поздних образцов жанра, обращается к опыту фольклорно-

¹ Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. Ч. 4. С. 29.

² Там же. С. 35.

³ См. о эстетике и поэтике жанра: Ермоленко Г.Н. Русская комическая поэма XVIII – начала XIX веков и ее западноевропейские параллели. Смоленск: Издательство СГУ, 1991; Казакова Л.А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика: Псков: Издательство ПГПУ, 2009 (раздел «Шутливая сказочно-богатырская поэма»).

⁴ См. о сказочно-былинной версии жанра: Кукушкина Е.Д. Драматургия русской комической оперы XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980; Немировская И.Д. Жанр русской комической оперы последней трети XVIII века: Генезис. Поэтика. Эволюция. Самара: СГПУ: Инсома-пресс, 2007.

демократических жанров и переосмысливает высокий мифологический сюжет. Из былины в оперу переходят герои (Илья-Муромец, Соловей-Разбойник), типичные реалии (меч-кладенец, топос муромско-черниговской дороги). С волшебной сказкой «Илью-богатыря» сближает общая логика сюжета, типология героев, а также всевозможные чудесные превращения и перемещения. Любовные коллизии, как и образы черниговского князя Владисила и его возлюбленной болгарской княжны Всемилы отсылают к галантному роману.

Хронологических привязок действие оперы не имеет, ограничиваясь отсылкой к баснословным временам Древнего Киева. Номинальным местом действия становится град Чернигов, однако волшебный характер оперы открывает возможности игры с пространством, где И.А. Крылов использует не только горизонталь, но и вертикаль – оппозицию «подземелье/небо». Ее задают образы двух героев-антагонистов — доброй волшебницы Добрады и ее дочери-помощницы Лены и злой чародейки Зломеки, дочери печенежского кагана Узбека. С Добрадой и Леной связана стихия воздуха, не случайно они появляются откуда-то «сверху», нередко сидящими на облаке. Естественная среда Зломеки, как властительницы темных сил – подземелье, поэтому, исчезая, она всегда «проваливается» под землю. Как следствие, пространство в опере чудесным образом расширяется по вертикали, включая воздушную надземную среду — место обитания добрых волшебников, гениев и нимф («Хор девушек невидимых, размещенных как по воздуху, так и в саду, в разных местах...»¹), а также мир подземный (аналог ада) с чертями и злыми духами, именуемый «пропастью, из которой по временам показывалось пламя и дым...»². Пространство подземелья также способно изменяться и, в случае необходимости, оборачиваться чем угодно, даже богатыми светлыми покоем: «Театр перемещается и представляет великолепнейшую освещенную паникадилами галерею в восточном вкусе»³.

Серьезная и комическая версия древнекиевских сюжетов, таким образом, мало отличались в структурно-содержательном плане, предлагая лишь два разных ракурса отношения к материалу – наивно-мифологизирующий, отсылающий к «естественному» сознанию с его верой в чудо, и иронический, смотрящий на баснословные события глазами просвещенного человека и использующий их как предмет игры⁴. Вместе с тем, это разделение стало уже вскоре почвой для противопоставления романтического украинского этнографизма и снижено-карнавального образа Малороссии, доминировавшего в украинской региональной словесности начала XIX века и нашедшего свое отражение в литературе великорусской («Анекдоты» П.Ф. Калайдовича в «Вестнике Европы»⁵, комедии А.А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812) и П.Н. Семенова «Удача от неудач» (1817) и т.п.).

¹ Крылов И.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1946. Т. 2. С. 505.

² Там же. С. 521.

³ Там же. С. 528.

⁴ См. разносторонний историко-литературный анализ этого материала: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. С. 105-141.

⁵ Вестник Европы. 1810. № 7. С. 227-230.

Существенно иной вариант репрезентации предлагала героическая повесть, обращавшаяся к опыту высоких жанров. В последние десятилетия XVIII века она приходит на смену сказочно-авантюрному образу Киевской Руси, хотя, конечно, не вытесняет его. Это отражало изменение ценностного статуса самой истории, национального прошлого, в котором обнаруживается не только занимательность, но и способность патриотической консолидации, о векторах которой разгорались бурные споры в 1780-1790-е годы¹. Российская империя постепенно вступала в пору нациостроительства и нуждалась в формировании собственного исторического канона. В подобном свете Украина становилась «заповедником» национальной древности, для репрезентации которой более подходило героико-мифологизирующее повествование.

Образцом здесь может выступить историческая повесть М.Н. Муравьева «Оскольд» (ок. 1800, опублик. 1810), отсылающая к событиям далекого прошлого — походу киевского князя Аскольда на Царь-град (X век). Еще В.В. Сиповский указывал, что на рубеже веков в литературе «ясно определяется сознательное стремление воссоздать утраченный исторический эпос древней Руси путем обработки летописных сюжетов по образцу "песен Оссиана" и "Слова о полку Игореве"»². Значимым моментом здесь являлось не только обращение к летописным источникам, но и влияние оссианизма. В представлениях эпохи русская культура причислялась к «северным», и уже в произведениях круга Н.А. Львова – Г.Р. Державина для ее репрезентации обильно привлекался оссиановский колорит³. В то же время Украина воспринималась под знаком «Юга», как «полуденная Россия», сопровождаясь сопоставлениями с Грецией или Италией. Проекция на древнекиевские сюжеты оссианической поэтики вдвигала их, тем самым, в сферу великорусского культурно-исторического пространства.

Влияние «Поэм Оссиана» и «Слова о полку Игореве» ощущается и в муравьевской повести: автор берет небольшой фрагмент из «дерзостного» подвига «россиян», сюжетно схожий с одним из эпизодов «Слова» (отправление Игоря в поход), когда киевский князь, ослепленный жадной славой, поощряемый и ведомый самим Одним, на пути к Византии останавливается в землях кривичей для сбора своего войска и спуска на воду кораблей. Описываемые события настолько удалены в прошлое, что возникает ощущение их свершения «до времен», не предпо-

¹ См. об основных векторах этого процесса: *Крестова Л.* Отражение формирования нации в русской литературе XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. С. 253-296; *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960; *Лотман Ю.М.* Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия; Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 284-325; *Serman I.* Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // *Russia in the Age of the Enlightenment*. L., 1990. P. 40-56; Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004; *Schierle I.* «Vom Nationalstolze»: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2005-2006. Vol. 64. P. 63-85.

² *Сиповский В.В.* Русский исторический роман первой половины XIX ст. Тезисы // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Под ред. В. Н. Перетца. Л.: АН СССР, 1928. С. 65.

³ См.: *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX века. Л.: Наука, 1980. С. 35-38.

лагающее летописной достоверности. Это эпоха первоистоков, имеющая сакральный характер, окутанная пеленой мифологической чудесности. У М.Н. Муравьева она повествовательно вбирает в себя несколько планов: краткий момент настоящего (сборы в поход), реминисценции прошлого (воспоминания о бывших подвигах русских) и, за счет всеведения автора, предвосхищаемое будущее. Представителями «вечности», вневременного уровня, становятся в повести боги – Один, а также духи рек и морей.

Местом действия являются земли кривичей, истоки реки Борисфен (Днепра), то есть географический юг. Однако пространство Древней Руси трансформируется, превращаясь в аналог оссианического Севера. Так, повесть открывается пейзажем совершенно в духе «Поэм Оссиана»: «Яростно дыхание ветров, страшен вид твой, русское море, и черные волны со злобой умирают между семи острыми скалами, которыми усеян залив отчаяния...»¹. Атрибутами пространства становится большая вода, скалы, непроходимые дикие леса, постоянно повторяющиеся общие ощущения: влажность, туман, холод, пронизывающий ветер, тучи, скупое солнце и т.д. Наконец, и без того немалое сходство с пространством оссианического Севера дополняется образом призрака, явившегося Аскольду в лесу во время грозы, Скальдов, сопровождающих князя, а также регулярные отсылки к скандинавской мифологии (упоминание Валока, богини смерти Гелы и т.д.). Сам Аскольд предстает перед нами типичным героем Севера «на бодром коне, белом как снега скандинавские...»². Очевидны в повести средневековые рыцарские мотивы. Так завершает повествование описание посвящения Аскольдом молодого воина Радмира в витязи во время сборов и выступления на Царь-град, что является прямой отсылкой к средневековому обряду посвящения в рыцари.

Итак, с одной стороны, мы можем наблюдать изменение пространства (географический юг превращается в север), с другой стороны, хронотоп приобретает способность к расширению, за счет чего достигается эффект эпического размаха. Масштаб охвата земель кривичей задается самим автором: «<...> копия, вонзенные в землю на необъятном пространстве...»³. Дальнейшее расширение осуществляется своеобразными концентрическими кругами: сначала до границ русской земли, а затем выходом за их пределы. Первое происходит через перечисление войск, собравшихся на подмогу Аскольда со всех концов русских земель: из Новгорода, из мест проживания приморской Чуди, с берегов Невы, Белого Езера, Мологи и Волги, из областей «древней Русы» и т.д. Второе – через упоминание топонимов инонационального характера. Так в пове-

¹ *Муравьев М.Н.* Аскольд, повесть печерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Вестник Европы. 1810. Ч. 50. № 6. С. 81.

² Там же. С. 84. См. наиболее развернутый анализ оссианической поэтики повести и ее литературного контекста в кн.: *Топоров В.Н.* Из истории русской культуры. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 805-890.

³ Там же. С. 228.

сти содержатся отсылки к пространству Британии (холмы и берега Альбиона), Нейстрии, Скандинавии, и, конечно, Греции. Последнее особенно зримо как воплощение мечты воинственных варягов. Греция мыслится пространством неги, покоя, весны, красоты и вечного праздника: «<...> град царей, процветавший тысячи лет в непроницаемой ограде, в недрах вечной весны <...>. Игры, удивительные ристалища, занимают ежедневно праздность безчисленного народа...»¹.

Примечательно, что русские витязи сравниваются с быстрыми птицами, с легкостью преодолевающими пространство, а корабли их и ладьи — с лебедями. Тем самым пространство Древней Руси оказывается очень пластичным, с легкостью меняющим свои качественные и количественные характеристики, что проявилось во взаимозаменяемости и взаимодополняемости географических объектов и в способности локального пространства к расширению.

Подводя итог, можно констатировать, что историко-мифологический образ Киевской Руси, созданный художественной литературой XVIII – начала XIX века, выступил основанием для имперского «воображаемого», связанного с Малороссией. Он определил горизонт ожидания в плане предпочтительных топов, набора персонажей и сюжетов. Общей их чертой являлась повышенная условность, стирающая грань между исторической достоверностью и «баснословностью» легенды или сказки с их обращенностью к сакральным первоисточкам. В контексте традиционалистского художественного мышления эпохи эти особенности связывались с устойчивыми жанровыми конструкциями «богатырской» сказки, комической оперы, героической повести или поэмы и обретали определенную независимость от национальной специфики, свободно включая реалии велико- и малорусской, а также славянской и западноевропейской культуры. Тем самым историко-мифологический образ украинской древности не имел окончательной локализации. Эту задачу смогли выполнить только сентиментальные травелоги начала XIX века.

***1.2.2. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»:
образ Украины в русских травелогах начала XIX века
(В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин)***

В начале XIX века вышли в свет три произведения, в основу которых легли описания путешествий в Украину. Фактически в 1800-1810-е годы таких травелогов было больше, однако одни оказались опубликованы значительно позднее («Славны бубны за горами, или путеше-

¹ Муравьев М.Н. Указ. соч. С. 82-83.

ствие мое кое-куда» (1810) и «Путешествие в Киев» (1817) И.М. Долгорукого¹), другие включали украинские впечатления в небольшом объеме («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду» (1803) П.И. Сумарокова; «Путешествие ... в Киев и по другим российским городам» (1804) митрополита Платона; «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810) Д.Н. Бантыш-Каменского; «Записки русского путешественника» (1823) А.Г. Глаголева²). Решающее влияние на формирование образа современной Малороссии в имперской словесности оказали, тем самым, литературные путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и более поздние записки А.И. Левшина. «Путешествие в полуденную Россию в 1799 году» В.В. Измайлова было издано в 1800-1802 годах, в 1805 году появилось второе издание, претерпевшее некоторые изменения вследствие авторской переработки³. Почти одновременно П.И. Шаликов опубликовал «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (1804), первоначально печатавшиеся отдельными фрагментами в его журнале «Аглая». «Письма из Малороссии» А.И. Левшина, подведшие своеобразный итог этой традиции, были изданы в Харькове в 1816 году.

Столь большая популярность Украины среди путешественников обуславливалось комплексом культурно-исторических причин. Завершившиеся екатерининские реформы превратили Малороссию из экзотической полувоенной окраины в интегрированную часть страны, нуждающуюся, дабы быть полноценно включенной в имперскую культуру, в освоении и описании. Высочайший образец подобного путешествия показал инспекторский вояж Екатерины II по южным провинциям в 1787 году (см. раздел 1.1). Финальной точкой его маршрута являлась Новороссия и Крым, заменившие в культурно-политическом сознании конца XVIII века Грецию.

Образ Украины – «новой Греции» и «славянской Авзонии», заявленный еще И.Г. Гердером, также не был чужд имперской идеологии, достаточно вспомнить об инициаторе «греческого проекта» малороссе А.А. Безбородко, напомнившем, опираясь на «Синописис», о роли Киева в преемственности между Византией и Москвой⁴. Слившись с проектом новороссийским, греческий проект выступил аллюзионной основой «Энеиды» И.П. Котляревского и позднее отозвался в разысканиях В.В. Капниста о «гиперборейнах» и черноморской привязке странствий

¹ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2. Отд. 2. С. 1-170; Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1870. Кн. 2. Отд. 2. С. 1-208.

² Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб.: В Императорской типографии, 1803. Ч. 1; [Платон (Левшин П.Г.)] Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. СПб.: В Медицинской типографии, 1813; Бантыш-Каменский Д.Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М.: В Губернской типографии А. Решетникова, 1810; Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год. Ч. 1. Россия. Австрия. СПб.: В типографии Императорской Российской Академии, 1837.

³ См. анализ двух редакций и реконструкцию творческой истории «Путешествия»: Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011 (глава вторая «Творческая история текста “Путешествия”»).

⁴ См.: Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52-78; Зорин А.Н. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. С. 31-64.

Одиссея¹. Сравнениями Украины с Грецией были богаты и путешествия: «Что была Аркадия, по описанию поэтов, в Греции, – замечал, например П.И. Шаликов, – то или почти то Полтава в Украине...»².

Наконец, растущий интерес к национальной истории сделал Малороссию воплощением древности, пространством летописно-фольклорных исторических памятников. Дополнительный импульс тому придали разделы Речи Посполитой 1792 и 1795 годов, поставившие вопрос об исторической легитимности имперских приобретений (Правобережная Украина) как прежней части Киевской Руси (см. раздел 2.3). Эта историко-политическая установка отозвалась уже в первых малороссийских фрагментах В.В. Измайлова, где упоминалось и древнее прошлое, и отторжение части киевских земель соседями: «Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей, добычею соседних держав и отечеством самых миролюбивых людей»³.

Еще одну, более общую причину популярности малороссийских путешествий, типологически связанную с культурой Просвещения, выделил А.П. Толочко. Он указал на воспитательно-образовательную роль «южных» европейских туров (Италия, Греция), обязательных для молодого аристократа и называвшихся в английской традиции «the Grand Tour». В эпоху революций и войн рубежа XVIII – XIX веков часть этого культурного пространства стала неудобной для посещения, что подвигло искать те или иные аналоги античного мира. Для русской культуры «своей античностью» явилась Киевская Русь, территориально связанная с Украиной.

На Південь росіяни подорожують так, як британці подорожували б до Італії. «Путешествие в Малороссию» є свого роду аналогом англійського Великого континентального туру. Не даремно Малоросія постає зі сторінок записок як «російська Італія», топос, який виявиться не тільки надзвичайно продуктивним, але й напрочуд живучим в літературі XIX ст. Ця аналогія ще до поїздки встановлює «горизонт очікувань»: вирушаючи на південь, мандрівник розраховує знайти витoki власної історії, яка колись давно точилася на тих землях, але віддавна вже полишила південний край і перемістилася на північ, полишивши по собі тільки живописні руїни серед мальовничого пейзажу...⁴

Открытием ее для широкой имперской публики стали путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина, соединившие облик современной Малороссии с контекстом древней истории.

¹ См. о последних: *Майофис М.Л.* Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В.В. Капниста // *Русская филология* – 8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 59-66; *Она же.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 384-390.

² Цит. по.: *Шаликов П.И.* Путешествие в Малороссию // *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма* / Сост. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 516-570, цит. с. 549.

³ *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 51-52.

⁴ *Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ: Наукова думка, 2004. С. 280. На русском языке разделы этой книги, написанные А.П. Толочко, см. в изд.: *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laugus, 2012.

Все они принадлежали традиции сентиментализма с его уходом от классицистической прямолинейности, культом природы и чувств. Вместе с тем жанровые установки авторов существенно различались. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова (в его окончательной редакции) и «Письма из Малороссии» А.И. Левшина принадлежали к просветительскому варианту сентиментального путешествия, два «Путешествия» П.И. Шаликова были доведенным до абсолюта образцом путешествия чувств и впечатлений. Отсюда и содержательные отличия. В.В. Измайлов и А.И. Левшин посвятили большую часть внимания описанию региона, сопровождавшемуся пейзажно-топографическим, этнографическим и историческим комментарием. Совсем по-иному расставлял приоритеты П.И. Шаликов, в путешествии которого исторический компонент – за исключением нескольких эпизодов – фактически отсутствовал. Так, дважды возникал образ Петра I: первый раз в связи с проездом по местам Полтавского сражения, второй раз во время пребывания в окрестностях Новороссийска и созерцания крепости на берегу Днепра, возведенной по приказу императора в период войны с Портой. Воспоминание об «обожаемой» монархине Екатерине Великой было связано с остановкой путешественника в Екатеринин-даре и служит, главным образом, источником сердечных излияний автора по поводу величия и добродетели императрицы («Ах! имя Екатерины, столь драгоценное везде и всякому, могли ли не трогать здесь и благодетельствованных ею!.. Я также тронут был до глубины души моей...»¹). Кроме того, упоминался граф П.А. Румянцев, хотя и здесь автор ограничился констатацией счастливого бытия Малороссии в годы его правления.

Современность также была передана крайне условно, что автор и не пытался скрыть, провозглашая в самом начале: «В сем путешествии нет ни статистических, ни географических описаний: одни впечатления путешественника описаны в нем...»². Природно-человеческий мир Малороссии служил лишь фоном, декорацией для проявления чувств. Это, в свою очередь, увеличивало условность при подаче материала, не случайно большую часть текста путешествия занимали «мечтания», эмоциональные излияния, пространственные размышления.

Подобное освещение предмета вызвало ироническую реакцию у журнальных критиков. Так, например, П.И. Макаров осуждал автора «Путешествия в Малороссию» за пренебрежение к действительному облику описываемого и замечал, что «всякая картина требует теней»³. Не менее иронически об отсутствии реального содержания высказался В.А. Жуковский: «Я читал, повторяю, путешествие г. Шаликова с удовольствием и взял перо не с тем, чтобы написать на

¹ Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. С. 564.

² Там же. С. 516.

³ Макаров П.И. [Рецензия на «Путешествие в Малороссию» П.И. Шаликова] // Московский Меркурий. 1803. № 2. С. 122. См. подробнее о критике П.И. Макарова: Деметьева А.С. Литературная позиция журнала П.И. Макарова «Московский Меркурий» (1803): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

него критику, а желая единственно сказать, что я... читал его»¹. Сосредоточенность только на эмоциях, по мнению критика, делала вторичным породивший их источник; чтобы написать такое путешествие, можно было никуда не выезжать: «Иной, прочитав эту статью, скажет самому себе: *поеду в Малороссию; там такие прекрасные вечера! Ах! если б скорее пришло лето!* Но я скажу ему на ухо: не ездите в Малороссию для одних летних прекрасных вечеров; они и здесь, в Москве, прекрасны» (курсив автора. – Т.В.)².

Тем не менее, уникальный в своем роде травелог П.И. Шаликова не случайно был связан с Украиной. Для массовой имперской публики, знакомой с Малороссией в основном по историко-мифологическим источникам, этот край вполне допускал условное описание, лишь придававшее большую эмоциональную убедительность полусказочному пространству. Подобная абстрактность хорошо согласовалась и с канонами сентиментального путешествия. Так, В.В. Измайлов первый вариант своего травелога, изданный в 1800 году, строил по синкретичной жанровой модели с равновеликостью лично-эмоционального и просветительского начал и только в варианте 1805 года удалил «фрагменты назойливо сентиментального характера, ряд цитат и отсылок, ассоциаций с поиском Путешественником личного счастья, <...> наполнение мелкими деталями, касающимися жизни повествователя»³.

В целом, однако, «Путешествие» В.В. Измайлова и «Письма» А.И. Левшина включали несколько аспектов: описание современного состояния Малороссии, экскурс в историю, отражение мыслей и чувств по поводу увиденного и услышанного. Это проявлялось уже в названиях глав, которые давались по пространственному принципу («Серпухов», «Сумы», «Слобода Баромля», «Киев» и пр. у В.В. Измайлова; «Полтава», «Решетиловка», «Хорол», «Переяславль» у А.И. Левшина), в то время как у П.И. Шаликова они в основном отражали эмоциональные состояния или те события внешней жизни, которые каким-либо образом их вызвали («Рассуждение», «Сладкие воспоминания», «Неприятность», «Встреча» и т.д.). Травелоги В.В. Измайлова и А.И. Левшина содержали подробную информацию о состоянии малороссийских городов и деревень с описаниями улиц, архитектуры, замечаниями о жителях, их нравах и занятиях. Помимо храмов, монастырей путешественники проявляли интерес к заводам, мастерским, учебным заведениям и другим свидетельствам экономической или культурной жизни. Особую ценность для них имели места, связанные с теми или иными историческими событиями древнего или имперского прошлого Украины, а также культурные памятники. В совокупности эти тек-

¹ Жуковский В.А. О «Путешествии в Малороссию» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 12. Эстетика и критика. М.: Языки русской культуры, 2012. С. 11.

² Там же. С. 11-12.

³ Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 17.

сты позволяли читателю увидеть Малороссию с разных сторон, отличаясь, вместе с тем, содержательной близостью, объясняемой рядом причин.

Во-первых, при различии маршрутов путешествия подробному описанию подвергались в сущности одни и те же топосы. Это было связано с уже сложившимся в имперской культурной практике горизонтом ожидания, определяемым исторической парадигмой. К числу важнейших относились места, получившие подробное описание в древнерусских летописях, географические пункты, связанные с крупнейшими историческими событиями имперского периода (в первую очередь это Полтава), а также средоточия христианских святынь (Софийский собор, Киево-Печерская лавра, Успенский собор и пр.). Они, соответственно, определяли три тематических пласта повествования: древняя история – средоточия имперской славы – предметы религиозного паломничества.

Вторая причина содержательной близости травелогов – презумпция единства Украины и России. Как справедливо констатировал А.И. Миллер, «отношение к малороссам как части русского народа сохранялось как официальная позиция властей и как убеждение большинства образованных русских в течение всего XIX века», не требуя «объяснений и доказательств»¹. Это определяло основной ракурс репрезентации, в рамках которого Украина мыслилась прародиной Российского государства, а Киев становился «матерью городов русских». Между двумя культурно-историческими пространствами устанавливалась нерасторжимая генетическая связь:

Вот колыбель отечества нашего! – начинал свои письма А.И. Левшин. – Вот земля, которая была поприщем громких подвигов древних предков наших! Вот страна, в которой Россия приняла вид благоустроенной державы, озарилась лучами христианства, прославилась мужеством сынов своих, осветилась зарею просвещения и начала быстрый полет свой...²

В схожем духе открывал малороссийскую часть травелога В.В. Измайлов, соединяя древнее прошлое Киевской Руси и идиллическое состояние современной Малороссии:

Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей <...>. Сей прекрасный климат, сия прекрасная земля, сей народ, ее населяющий, достойны были покоиться под тенью вечного мира, которым они наслаждаются, наконец, под Российской державою³.

Для жанра путешествия, в принципе, характерна определенная драматизация вхождения в чужое пространство. При этом путнику, покидающему родные земли, как правило, сложно преодолеть не столько внешние границы, сколько рубежи культурно-психологические, ведь он оставляет родное и понятное ему позади, а впереди лежит неизведанное и, возможно, враждебное. У путешествующих в Малороссию подобных опасений не возникало принципиально. В сознании рассказчиков Россия и Украина представлялись чрезвычайно близкими – вплоть до

¹ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). М.: Алетейя, 2000. С. 38.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 1.

³ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 51-52.

полного отождествления, уничтожавшего границу между «своим» и «чужим»: «Под отечественным небом странствую с мирною душою»¹, – с этими словами отправлялся в достаточно долгое и утомительное украинско-крымское путешествие В.В. Измайлов; «Грустно, очень грустно! Но я еду не за моря, не на целые годы...», – подумал я и ободрился»², – так утешал себя рассказчик П.И. Шаликова, воспринимая малороссийский вояж не более как каникулы в отдаленном поместье. Отдельные топосы также с легкостью приобретали статус русских, например, у А.И. Левшина: «Нигде, может быть, в *России* нет так много жидов, как в *Киеве*» (курсив наш. – Т.В.)³. Чувство узнаваемости и близости не оставляло путешественников почти никогда, позволяя ощущать себя в Украине как в родном доме, подобно шаликовскому путешественнику, слушавшему хор певчих в сельской церкви и представлявшему, будто он очутился «у Никиты Мученика в Москве»⁴. Более того, повествователь сам родом из Малороссии, где прошли его детство и юность:

Милая, бесценная Малороссия! под твоим кротким, ясным небом питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; с твоим благодетельным воздухом вливалась в грудь мою чувствительность и страсти <...>; твоя прекрасная природа воспламенила воображение мое, научила любить Природу⁵.

Презумпция единства определяла «этнографический» компонент травелогов, вполне укладывавшийся в каноны «народа поющего и пляшущего». Фоном его выступала природно-ландшафтное окружение, рисовавшееся эстетически прекрасным, гармоничным, существующим в полном согласии с человеком, ее созерцание вызывало у повествователя либо умиленные, либо возвышенные ощущения. «Украина, – по справедливому замечанию М.И. Назаренко, – объявляется воплощением южной роскоши и неги, в честь чего и зовется если не Италией России, то Аркадией»⁶. Наиболее зримо идеализация малороссийской природы проявила себя у П.И. Шаликова, который во всех случаях «делает сравнения только в ее пользу и тщательно избегает чего-либо принижающего»⁷. В его изображении она воплощает собой образец идиллического пейзажа, мало изменяющегося в разных главах:

...здесь, в счастливой Малороссии <...> вам кажется, что апрель снес для вас с собою все небесные наслаждения: воздух, птички, зелень, ручейки, цветочки – все нечаянно, вдруг пленит чувства ваши; <...> радуетесь, восхищаетесь, не думаете ни о чем, кроме наслаждения, и хотите вечно жить в тенистом, смиренном хуторе подле Киева⁸.

¹ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 5.

² Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. С. 518.

³ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 185.

⁴ Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. С. 537.

⁵ Там же. С. 526.

⁶ Назаренко М.И. Сокращенный рай. Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. 2009. №7. С. 160-172, цит. с. 161.

⁷ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840 гг. / Пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. С. 93.

⁸ Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. С. 528.

Характеристики других путешественников были гораздо разнообразнее и позволяли ознакомиться не только с общим обликом украинской природы, но и с ее топографическими вариантами (различие Черниговской и Полтавской губерний у А.И. Левшина¹), однако и в них доминировала мысль о гармоничности, естественности, определявшая, в представлениях эпохи Просвещения, образ жизни и нрав народа. Последовательнее всего ее выразил А.И. Левшин:

...изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый климат Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам. С ими свойствами они бы могли назвать себя счастливыми, ежели бы большая часть их была попечительнее и пользовалась Творцом дарованными сокровищами. <...> Благорастворенный воздух и плодородные земли давали бы жителям здешним право называться любимыми детьми природы, ежели бы она многих из них не лишила нужнейшей к благосостоянию человека добродетели – трудолюбия, а чрез то – и средств быть богатыми.²

Для имперских путешественников черты «естественности», по сути, заменяли этнографическую составляющую, предлагая видеть украинцев лишь как более простой и близкий к природе вариант русских. «Оставим различные состояния людей, – писал тот же А.И. Левшин он, – забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах, и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне – *Т.В.*)»³. Левшинское описание национального характера сводилось к набору нравственных характеристик, присущих крестьянству, с которым и отождествляется современный, но все же патриархальный облик Малороссии. Среди этих черт – «благоговение к религии», «любовь к отчизне и <...> славе предков своих», желание сражаться «за веру и государя», «честность», «семейственное согласие», «целомудрие» и др. Особую статью составляли проявления естественности: «чувствуя любовь, малороссияне не скрывают ее и не томятся», их примета – «веселость и склонность к забавам», однако другая сторона баловней природы – недостаток трудолюбия, суеверия и предрассудки и, в том числе, – дикарское недоверие к «москалям»⁴. В путешествиях В.В. Измайлова и П.И. Шаликова отрицательные черты национального характера вообще не замечались, результатом чего становилась откровенная идеализация: «Малороссияне <...> любят отечество и его славу<...>. Взаимная любовь производит в их домашнем хозяйстве лучшую гармонию и порядок <...>. Женщины добры, смиренны и чадолюбивы. <...> Законы супружества соблюдаются свято<...>. Вкус малороссиян есть вкус изящного <...>»⁵.

Возвышению образа Украины способствовала специфика повествования, построенного на чередовании описательных и лирико-медитативных элементов: едва ли не каждый эпизод сопровождался эмоциональным излиянием или поэтическим размышлением, часто в стихо-

¹ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. С. 143-148, 192-206.

² Там же. С. 69-70.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 65-77.

⁵ *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 85-90.

творной форме. Так, П.И. Шаликов обильно прославлял прозаический текст цитатами из французской и русской поэзии (Ф. Кино (Кинольт), Ж. Делиля, Н.М. Карамзина и др.), включал в него свои стихи – песни, эпитафии, элегии и мадригалы. А.И. Левшин регулярно цитировал Го- рация и Виргилия, Г.Р. Державина и М.М. Хераскова.

Еще одним источником идеализации выступал набор устойчивых сюжетов и образов сентиментального путешествия¹. Это ситуация расставания с родными краями и связанный с ним мотив грусти о близких и друзьях, открывающий тревелог и время от времени возникающий в связи с какими-либо происшествиями. Родственность Малороссии снимала остроту переживаний, однако не отменяла их полностью: «Ничего нет тяжелее слова прости, когда надобно сказать его любезным сердцу нашему...»².

Мотиву расставания противопоставлено ожидание свежих впечатлений, в первую очередь знакомств. В малороссийских тревелогах они, как правило, попадали в разряд приятных: неожиданные встречи с друзьями (П*, А* у П.И. Шаликова, К-ев у А.И. Левшина) и просто чем-либо примечательными людьми, общение со многими из которых вызывало умиление. Это мог быть старый воин, в прошлом честно служивший своему отечеству, ныне – инвалид, живущий воспоминаниями о прошлых победах. Образ солдата, прошедшего несколько кампаний в немецкой земле и Нидерландах, появлялся на страницах «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, этот персонаж мы находим, например, у А.И. Левшина: «Сегодня поутру видел я древнего козака Малороссийского; сего дня поутру говорил я с почтенным 96 летним воином. Величественная его осанка и умное лицо суть остатки силы и молодости, во дни которой сражался он; а слова его – отголосок пламенной любви к отечеству»³.

Устойчивый тип сентиментального тревелогога – благотворитель, замечательный в своем бескорыстии и стремлении помочь людям. Его мы встречаем, в частности, у П.И. Шаликова – доктор, безденежно помогающий бедным в главе «Редкое бескорыстие». Не менее распространённые образы – благообразный нищий, которому путешественник дает милостыню и проникается трогательными чувствами (глава «Веприк» у В.В. Измайлова, «Горестный образ» у П.И. Шаликова); крестьянин-философ, сторонник гораццианской умеренности и простоты (глава «Сумы» у В.В. Измайлова; «Яков-садовник» у П.И. Шаликова); местный ученый, чьи труды по-

¹ См. о жанровом каноне сентиментального тревелогога: *Роботи Т.* Литература путешествий // Русская проза: Сб. ст. Л.: «Academia», 1926. С. 42-73; *Кучеров А.Я.* Сентиментальная повесть и литература путешествий // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 5. С. 101-120; *Ивашина Е.С.* Жанр литературного путешествия в России конца XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525-607; *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 2003. С. 359-361, 366-374.

² *Шаликов П.И.* Путешествие в Малороссию. С. 517.

³ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. С. 30.

священы благу родного края (образы М.Ф. Берлинского и П.С. Палласа у В.В. Измайлова; П.В. Пустошин и Я.И. Благодаров у А.И. Левшина) и т.п.

Непременной принадлежностью травелога выступало посещение счастливого семейства – дворянского или крестьянского. Последнему, как правило, предшествовало какое-либо удручающее событие: внезапно разыгравшаяся непогода, гроза, поломка транспортного средства и т.д. Так путешественник по воле случая оказывается в кругу незнакомых, но приятных лиц, наблюдая семейную гармонию, идиллические отношения между супругами, детьми, уважение к старшим. Рассказчик В.В. Измайлова попадает в счастливую молодую семью, представляющую идеал тихого семейного счастья и трепетной любви. Отношения молодых так трогают сердце путешественника, что он невольно начинает мечтать о тихом семейном очаге («Липова долина»). Рассказчик А. И. Левшина, повествуя о «скучнейшем» местечке – Новозыбкове, замечает, что его скуку скрасило прекрасное знакомство с приятным семейством П. И. Д..ва и далее описывает прелести проведенного в их кругу времени. Травелог П.И. Шаликова изобилует сюжетами подобного рода. Это и посещение дома любимого друга А*, именуемого автором «Аркадией», «полями Елисейскими» (глава «Друг»), и прекрасного сельского дома, «убранного руками граций» помещика Б** («Любимец фортуны»), и семьи почтенного старца, окруженного любящими внуками («Усыновление»).

Не избегали авторы и сюжетов романтического характера: это могла быть встреча с утонченной чувствительной дамой, рассказывавшей о драматических перипетиях своей судьбы («Слобода Баромля» у В.В. Измайлова, «Торжество невинности» у П.И. Шаликова), свидание с прекрасной крестьянкой, будившей у путешественника сладкие чувства («Кофе» у П.И. Шаликова), услышанное и пересказанное автором предание о высокой и чистой любви, окончившейся воссоединением двух любящих сердец или, напротив, трагично – оборвавшейся жизнью одного из влюбленных и т.д. Наконец народные традиции лучше всего раскрывались через описания путешествующими игрищ, забав, примет: «Здесь сохраняется древнее обыкновение праздновать окончание жатвы – остаток времен языческого богослужения...»¹; «На что это?» – спросил я у первого попавшегося мне малороссиянина, увидя белые платки, привязанные ко крестам, поставленным на могилах. «Для того, – отвечал он, – чтобы мертвый по восстании своем мог оным утереться»².

Насыщенность стереотипными элементами, усиливающими идиллический колорит, не отменяла, однако, познавательной направленности, которую у В.В. Измайлова и А.И. Левшина определял в первую очередь исторический материал. Тем не менее, их путешествия не были «учеными» и не преследовали цели археологические. Напротив, авторы верили в поэтическую

¹ Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. С. 557.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 12-13.

память, хранящую историю вне зависимости наличия или отсутствия достоверных свидетельств. Мерилом истинности выступал, скорее, содержащийся в том или ином сюжете эмоциональный заряд. Ради него можно пожертвовать самой исторической подлинностью. Путешественники были нацелены на «оживление» истории, освежение ее воздействия на читателя. Несоблюдение строгих границ между преданием и знанием, по мнению А. Шенле, было сознательной установкой: «Отказываясь отделить историографию от легенд, он (В.В. Измайлов. – Т.В.) отмечает и жесткое противопоставление ума, как «орудия истины» «обманчивому» воображению – дихотомию, энергично поддерживаемую историками-просветителями»¹. Этим объясняется частое упоминание в текстах В.В. Измайлова и А.И. Левшина легендарных исторических персонажей и углубление в этимологию названий, пересказ разнообразных преданий. Тем самым образ Киевской Руси, создававшийся на страницах путешествия, был очень близок историко-мифологическому образу героических повестей, баллад или поэм рубежа XVIII – XIX веков. Главное же его отличие состояло в повествовательном подходе: если повесть не нуждалась в привязке к реальным артефактам, то в травелоге поводом для исторического сюжета становился определенный объект – курган, город, храм, крепость, будившие фантазию путешественника.

Выразительным примером подобного визионерского повествования, населяющим панораму историческими фантомами, может служить описание В.В. Измайловым киевской церкви святого Василия:

Вот церковь святого Василия. На сем месте стоял дом князя Владимира.<...> Не в сем ли же самом владимировом жилище было покушение на жизнь его и самое трогательное приключение? Рогнеда, распаленная мщением, захотела некогда, чтобы объятия любви и наслаждения превратились для ее супруга в объятия смерти. Женщина вознесла убийственную руку на своего любимца и в то самое время, когда он покоился в сладком сне на груди ея; но – Владимир просыпается в сию самую минуту. Вообразите его пробуждение.<...> Живописцы, поэты и ты, певец Владимира! простите, что я осмелился изобразить слабую кистию сие происшествие².

Дабы оживить повествование, путешественник здесь прибегает к историческому сюжету, отсылающему не столько к летописным источникам, сколько к искусству XVIII века – к «Идеям для живописных картин из русской истории» М.В. Ломоносова, к картине А.П. Лосенко «Владимир перед Рогнедою» (1770), к поэме М.М. Хераскова «Владимир возрожденный» (1785). При этом церковь святого Василия, ставшая поводом рассказа, отодвигается на дальний план повествования, что превращает ее для читателя в предмет едва ли не воображаемый, тогда как историческая фантазия обретает пластическую убедительность.

Не чужд был подобного подхода и А.И. Левшин, как в описании дороги на Киев:

¹ Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840 гг. С. 112.

² Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 146, 148, 152.

Оставалось 19 верст. Это час езды, думал я, и перенесся воображением в прежнюю столицу отечества нашего, мысленно осматривал достопримечательности ея; любовался местоположением; с почтением взирал на памятники древности; вспоминал воинственных предков наших, которые на борзых конях, с булатными мечами, в блестящих панцирях и шлемах являлись сюда на защиту отечества; внимал, казалось, словам громогласного Бояна, который носился соловьем по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.¹

В целом, однако, историко-поэтических картин в его «Письмах» было гораздо меньше, даже процитированный фрагмент он снабдил примечанием, вносящим элемент академизма: «Так выражается сочинитель песни о походе Игоря на половцев»². Материалы для исторического комментария А.И. Левшин заимствовал в первую очередь из книжных источников – из «Повести временных лет», «Степенной книги» и историографических трудов XVIII века (от Вольтера до В.Н. Татищева), ссылками на которые пестрели страницы его труда³. Беллетристический образ Киевской Руси, допускаящий оживотворение и игру воображения, и контекст письменных свидетельств составляли в его путешествии два параллельных плана, характерную черту украинофильства уже 1810-1820-х годов (см. раздел 2.2).

Репертуар древнерусских сюжетов и образов отличался в травелогах устойчивостью и был привязан к топографии. У В.В. Измайлова этот тематический план начинался с Киева, по дороге к которому путешественник погружался в исторические мечтания и воскрешал образы легендарной эпохи:

Мрачные сосны, возносящиеся к облакам, опирались вековыми корнями на сыпучий белый песок; святая древность цвела на их кудрявых вершинах <...>. Я видел тут разительный образ того времени, когда Киевское княжество стеною под игом чуждых народов, когда гремели цепи, наложенные рукою победителя и гибельное варварство производило явления, одне других ужаснейшие. Оне мечтались мне⁴.

В самом Киеве поводом для них становилось посещение Успенского (образ князя Георгия) и Софийского соборов (князь Ярослав, «победитель печенегов»), Десятинной церкви (князь Владимир), церкви Андрея Первозванного и святого Василия (сюжет Рогнеды), Андреевской горы (Кий, Щек и Хорив). Переславль вызвал в памяти рассказчика образы Бориса и Глеба, город Борислав заставил вспомнить князя Святослава.

«Письма» А.И. Левшина значительно расширяли измайловскую канву, оставляя основные ее элементы неизменными. Его «древнерусский текст» начинался с Хорола, «древней границы Русской»⁵, продолжался Лубной, где «в 1107 году (следуя Нестору) <...> россияне одер-

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 86-87.

² Там же. С. 87.

³ Ср., например, ссылку к описанию цветущей торговли Киева в IX веке: «Синописис, Fishers Geschichte des Deutschen Handels, Татищева История, Малороссийский летописец, Известия Византийских историков и Дитмар. Также описание Российской Коммерции Чулково» (Там же. С. 95). Подразумеваются: Киевский Синописис (1674); «Geschichte des Deutschen Handels» (1791) Ф.К.Д. Фишера; первый том «Истории Российской с самых древнейших времен» (изд. 1768) В.Н. Татищева; «Летописец Малой России» Г. Грабянки, опубликованный Ф.О. Туманским в «Российском магазине» (1791); первый том «Исторического описания российской коммерции» М.Д. Чулково (1780).

⁴ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 93.

⁵ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 15.

жали славную победу над половцами»¹, Переяславлем (битва при Альте, этимология названия), Киевом (версии основания города, комплекс сюжетов, связанных с храмами), Черниговым (легенды об основании, единоборство Мстислава и Редеди) и заканчивался Городней и Новгород-Северским (борьба с половцами).

Тем самым центром исторических реминисценций путешественников закономерно выступал Киев и фигура Владимира Святославича, а основной фон составляли события войн со степью, основания городов и храмов. В содержательном плане они укладывались в концепцию неотвратимого движения времени, уносящего страны и народы, но не могущего отменить постепенного совершенствования человеческой жизни, ее прогресса, связанного, в случае Малороссии, с возвращением в лоно единой Российской империи. Историческое обоснование тому предложил В.В. Измайлов:

Мнения переменяются; человек исчезает; но род человеческий возрастает в целом, переживает заблуждения и цветет среди разрушений царств и народов. Из сего следует, что философический дух нашего времени требует, чтобы наблюдатель означил шаг народа в ходе всемирного ума².

В травелоге А.И. Левшина просветительно-нравоучительное видение прогресса обогатилось интересом к местному колориту, стремлением увидеть характерные черты народа, позволявшим, в том числе, объяснить некоторые отличия украинцев и великороссов:

Пробежав бытописания Малороссии, которая несколько веков составляла воинственное и независимое от России государство, которой первобытные жители смешались с черкесами, татарами, поляками и, может быть, со многими другими неизвестными для нас народами; которая долго не имела других законов, кроме законов, человеку врожденных, других занятий, кроме войны, других постановлений, кроме свободы, равенства, простой и дружественной жизни козаков, сделавшихся страшными для всех соседственных держав; пробежав, говорю, историю Малороссии, бывшей независимою, и рассмотрев состояние ее под игмом Польши и под владычеством России, мы удобно открываем причину, производящую различие и доставляющую жителям здешним некоторые преимущества, ценою предков купленные³.

«Естественное» состояние малороссиян имело, как констатировали путешественники, грань воинственную и идиллическую. Первая, воплотившаяся в казачестве и, в первую очередь, Запорожской Сечи, выступала скорее препятствием для приобщения к истинному прогрессу и вела, по мнению того же В.В. Измайлова, к анархии и падению казачьей республики (см. раздел 1.1.3), зато вторая требовала культивации и выступала залогом приобщения к успехам «всемирного ума». Подобные черты культурного роста Малороссии внимательно отмечали авторы травелогов, сетуя лишь на его медленный ход:

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 22.

² Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 196-197.

³ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 58-59.

Заклучим: киевские жители прикасаются еще только к развитию всех нравственных способностей, которое составляет человека в высочайшем смысле сего слова <...>. Между тем, по необходимому закону вещей, нравы и народы сближаются. Киевские жители заимствуют <...> новые обычаи и мнения¹.

Главным источником прогресса выступала, тем самым, русская культура. В историческом плане это означало редуцирование «темных» времен литовско-польского владычества, отлучивших украинцев от движения цивилизации, и подчеркивание благой роли России после воссоединения. Закономерно, что в малороссийских травелогах очень велик пласт имперской истории и чрезвычайно мало упоминаний об эпохе XIII – XVI веков, хотя тот же В.В. Измайлов много беседовал с М.Ф. Берлинским, знатоком украинской древности, и читал его краеведческий труд о Киеве. У П.И. Шаликова этот контекст отсутствовал полностью; у В.В. Измайлова он сводился к двум фрагментам, где упоминалась Запорожская сечь и ее судьба («Там жили казаки, как новые Мальтийские рыцари, не имея жен и воюя против неверных; отсюда посылали они поражать неприятеля; там от руки их погибли миллионы жертв; но победоносное оружие России нашло их в глубине сечи, и варварство покорилось перед героизмом»²), и панегирику Северину Наливайко (?-1597) при посещении гробниц в Успенском соборе; А.И. Левшин также обошелся лишь обобщенными констатациями, касавшимися польского влияния на характер, язык и систему управления Украины («Малороссияне управляются собственными, от поляков принятыми законами, или лучше сказать Магдебургскими правами, которые король Казимир Ягеллович ввел в Малороссии <...>»³).

В имперской истории региона абсолютный перевес также оставался за русским влиянием. Из местных политических деятелей упоминались только Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа, к которым А.И. Левшин добавил Данилу Апостола, чей портрет видел в Мгарском монастыре («Лубны»). Хмельницкий и Мазепа в травелогах, следующих за уже установившейся традицией⁴, составляли контрастную оппозицию: первый представлял идеальным героем – победителем ненавистных поляков и освободителем Малороссии от их гнета, образ второго укладывался в канон гетмана-изменника, предавшего императора и хотевшего отдать свою страну врагам. В.В. Измайлов и здесь обошелся без детализации, воздав славу Хмельницкому («Вот и тот славный Хмельницкий, который умел освободить своих соотечественников от ига Польши; ему обязана Малороссия своим спасением. Он достоин признательности народа <...>»⁵) и упомянув о черных замыслах Мазепы. В «Письмах» А.И. Левшина оба образа фигурировали неоднократно.

¹ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 210-211.

² Там же. С. 268-269. См. также Ч. 3 (на титульном листе Ч. 4). С. 13-21.

³ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 60-61. См. также с. 58-62.

⁴ См. о ней подробнее: Мельник Л.Г. Гетьман Богдан Хмельницький у вітчизняній історіографії. Київ: РВЦ Київський університет, 1997; Горошко С.Л. Богдан Хмельницький. Дискусійні питання. Проблемні судження. Жашків: Видавець С.І. Горошко, 2008; Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб.: Общество памяти и гуманистической Таисии, 2008; Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М.: Центрполиграф, 2011.

⁵ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 108.

но, начиная с главы «Белоцерковка», где они оказываются ассоциативно связанными как образцы злодейства и чести:

Мы там, где несчастные Искра и Кочубей пали от удара свирепого Мазепы и где головы их, злодейской рукою палача отсеченные, скатились с них. <...> Малороссияне любят предков своих, любят славу их и чтут память тех козаков, которые храбро защищались и поражали поляков под предводительством Хмельницкого <...>.¹

Показательно, что они парно появлялись в главе «Переславль», где говорилось о подписании договора между Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем – и вскоре сообщалось о евангелии, подаренном Мазепой местному собору, и в письме с описанием гробниц в Киево-Печерской лавре, в том числе могил Хмельницкого – и Кочубея с Искрой, жертв Мазепы. Два гетмана стали у А.И. Левшина символами народной памяти малороссов, чествующей героя, а вместе с ним единство с Россией, и отвергающей предателя с его сепаратистскими замыслами.

Вершиной своей имперский контекст имел, безусловно, деяния российских императоров, которые не мог не упомянуть даже П.И. Шаликов, посвятивший единственный исторический фрагмент своего путешествия Полтаве. С Полтавского поля начал свой травелог А.И. Левшин, а В.В. Измайлов им закончил малороссийскую часть. Сакральная фигура Петра I и особая роль Полтавской битвы в имперском историческом каноне придавали окончательную санкцию единству России и Украины, украшенному столь блестящей славой. Эти страницы травелогов отличаются наибольшей патетичностью. Так, посвящая несколько полтавских глав личности Петра Великого, В.В. Измайлов живописует ее в почти мистических красках, приравнивая деяния императора к божественным: «подобно благодетельному Богу или предвечному хранителю природы, воздвигал бури и громы для того, чтобы очистить атмосферу; чтобы ясные дни воссияли в нравственном мире <...>. Нигде не является так живо сам Бог в деле творения»².

Семантика творения нового мира легко переходила из сферы военной в область культуры и повседневной жизни. В описании путешественников российские императоры – Анна Иоанновна, Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина Великая, Александр I – представляли главными создателями современной Украины, обновившими одряхлевшее наследие Киевской Руси. Их имена связывались с их широкой благоустроительной деятельностью, возведением церквей, восстановлением некогда разрушенных храмов, основанием новых городов (Екатеринин-дар), открытием учебных заведений (киевская гимназия) и т.п. «Наконец явился великий Петр – и Лавра Печерская возобновилась; протекло столетие – и несметные сокровища показались в ней»³, – восторженно писал А.И. Левшин, перечисляя дары Анна Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, переданные Лавре. В.В. Измайлов еще более отчетливо сакрализовал дея-

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 14-15.

² Измайлов В.В. Путешествие в Полуденную Россию. Ч. 1. С. 244-247.

³ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 102.

тельность высочайших особ, не случайно он подробно описывал украшенные фресками стены Успенского собора в Киеве, где выдающиеся фигуры российской истории находились в ближайшем соседстве с библейскими персонажами. Это вызвало у рассказчика восхищение «прекрасной мыслью» «поставить в храме Бога памятники великим людям!»¹. Сама Малороссия, ее города и села, ее жители с глубокой благодарностью принимали монаршее попечение и трепетно хранили память о нем, как Новгород-Северск, где по распоряжению Екатерины II был обновлен Преображенский монастырь: «Следы Великой Екатерины, посетившей Новгород-Северский во время путешествия своего в полуденную Россию, долго не изгладятся. Храм сей долго будет возвещать кратковременное присутствие ея в нем»². В травелогe В.В. Измайлова фоном для цивилизаторской деятельности империи в Украине выступал еще более масштабный Новороссийский проект и обустройство Крыма, сливавшиеся в единый образ «полуденной России», новой Греции, где древняя история соединится с современной просвещенностью.

Подводя итог идеологическому и художественному осмыслению региона в словесности XVIII века, этот образ объединил в себе географический, этнографический и исторический компоненты – роскошную природу, идиллический, еще полумладенческий народ с древним, но обветшавшим прошлым и мысль о прогрессе под эгидой империи. Этот образ и культурно-исторический контекст, на который он опирался, оказал глубочайшее влияние на восприятие Малороссии имперской публикой и выступил ориентиром для самоидентификации ассимилированных украинцев александровской эпохи. Он, по сути, сформировал на весь XIX век матрицу для украинского «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), эволюции которой в первой четверти столетия посвящена вторая глава.

¹ Измайлов В.В. Путешествие в Полуденную Россию. Ч. 1.С. 110.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 108.

ГЛАВА 2.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

2.1. «Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии»: украинский регионализм в культурно-исторической перспективе

2.1.1. Факторы культурно-идеологической эволюции образа Украины

Основной задачей реформ 1764–1785 годов, проведенных малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым по инициативе Екатерины II, была интеграция Украины в имперское пространство. Преобразования прошли успешно и, при всей своей болезненности, глубоко изменили как административно-правовую, так и социальную организацию малороссийской жизни (ликвидация казачества, прикрепление крестьян к земле, выделение и официальное утверждение статуса дворянства и т.п.)¹. К началу XIX века большинство населения Украины оказалось прочно встроено в сословную иерархию империи, хотя на этом пути возникало много проблем в виде, например, трудностей с подтверждением дворянского статуса для прежней казацкой старшины, которые сохранялись вплоть до 1830-х годов. Ответом на преобразования часто становился всплеск автономистских движений, актуализировавшего приверженность старым традициям. Впрочем, последний из них пришелся на 1780 – начало 1790-х годов (реакция на крестьянскую и военную реформу). Рубежом здесь выступили разделы Речи Посполитой 1793 и 1795 гг., превратившие прежнюю Гетманщину из окраины империи во внутреннюю территорию и снявшие, тем самым, вопрос о возможности ее самостоятельного государственного существования.

Период правления Павла I, который основное внимание уделял внутренней политике и считал, что наступило время активного ассимиляционного освоения недавно присоединенных земель (Причерноморья, Крыма, Украины, Польши, Аляски) дал, казалось бы, надежды на восстановление частичной автономии Украины: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества были упразднены и образована единая Малороссийская губерния, территориальные границы которой совпадали с границами Гетманщины, была возобновлена прежняя система судопроизводства².

Однако период «реставрации» оказался недолг и канул в невозвратимое прошлое с восшествием на престол Александра I. В Манифесте 1801 года император особо под-

¹ См. подробнее: *Kohut Z.E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. P. 191-298.

² См.: *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград: Сенатская типография, 1916. С. 407-433 (Гл. 6. Мероприятия Павла I в области местного управления).

черкнул свою приверженность политическому курсу Екатерины II. Это нашло проявление в украинской политике: Малороссийская губерния вновь была разделена на Черниговскую и Полтавскую, традиционная система судопроизводства отменена, ориентация на создание единой общеимперской системы административных институтов заявила о себе с прежней силой¹. Однако местные своды законов, представлявшие порой своеобразное смешение Литовского устава, обычного права и элементов магдебургского (в городской среде) частично сохранялись на протяжении всего периода правления Александра I и полностью вышли из употребления лишь в 1840-х годах.

Вступившая в свою завершающую фазу интеграция ознаменовалась духом лояльности со стороны украинского общества. Он был крайне важен для столичной власти, выстраивающей свои отношения с разнообразными этносами согласно особой «неофициальной» иерархии, основанной на степени родственности по вере и происхождению. Для «близкой» дворянской элиты Малороссии, в которую окончательно превратилась казацкая старшина, а также шляхетство как Левобережной, так и – после разделов Речи Посполитой – Правобережной Украины, это оборачивалось немалыми возможностями в плане построения карьеры, в том числе связанной с образованием и культурой. В период александровского царствования спорадическое проникновение украинцев в высшие культурно-политические сферы империи сменилось постоянным и массовым их участием в жизни метрополии. Даже если говорить только о писателях и журналистах, то их ряд будет чрезвычайно обширен – В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свиньин, Н.А. Цертелев и многие другие². При этом сами выходцы из Малороссии уже не воспринимали себя носителями иной этногосударственной идентичности, их самосознание можно определить как регионализм.

Показательным образцом здесь выступает В.В. Капнист, представитель старшего поколения ассимилированных украинцев, «образованный и политически ангажированный человек, укорененный, с одной стороны, в просвещенном и близком ко двору петербургском обществе, с другой – в оппозиционном украинском дворянстве, уважаемый лично и Екатериной II, и Павлом I и тем не менее желавший всеми средствами, включая конспиративные, восстановить прежний статус своей украинской родины»³. Сын полковника В.П.

¹ См. о преобразованиях начала 1800-х гг.: *Шандра В.* Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Функції, структура, архів. Київ: УНДІ архівної справи та документознавства, 2001. С. 65-95.

² См. подробнее: *Лосиевский И.Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993.

³ *Шарф К.* Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 401.

Капниста, представитель казацкой «аристократии» и владелец большого поместья, В.В. Капнист с ранней молодости оказался включен в столичную культурную среду и, благодаря поддержке кружка Н.А. Львова – Г.Р. Державина, получил возможность сделать блестящую имперскую карьеру, чем, однако, воспользовался лишь отчасти, рано уйдя в отставку и посвятив себя деятельности на выборных должностях – предводителя дворянства Миргородского уезда (с 1782 г.), дворянского маршала Киевской губернии (с 1785 г.), товарища предводителя дворянства (с 1802) и предводителя дворянства (1817-1822 гг.) Полтавской губернии и др. В этом качестве он нередко выступал с патриотическими проектами о восстановлении казацких войск, о расширении прав и свобод украинского дворянства, в том числе, не чуждаясь внешнеполитических интриг¹. Тем не менее, его имперскую лояльность вряд ли можно поставить под сомнение, доказательством чему служит и поэтическое творчество (от «Оды на истребление в России звания раба Екатериною Второю» 1786 г. до «Оды на всерадостное известие о покорении Парижа» 1814 г.) и письма, в которых В.В. Капнист нередко высказывал критическое отношение к столице, но одновременно с гордостью сообщал о близости ко двору («Она <Екатерина II> сказала, что нашла в Малороссии только одного человека: меня»²).

Схожую судьбу и мировоззренческие ориентации демонстрируют биографические свидетельства многих украинцев старшего поколения – А.И. Чепы, полтавского уроженца, секретаря генерал-губернатора П.А. Румянцева, а в начале XIX века почт-директора, ревностного собирателя документов украинской старины, В.Г. Полетики, энциклопедиста и полиглота, наследника автономистских идеалов отца Г.А. Полетики – и исправного офицера и имперского чиновника, М.Ф. Берлинского, долгие годы прослужившего учителем в киевской гимназии и работавшего одновременно над украинской («Историческое описание Малороссии и города Киева») и русской историей («История Российская для употребления юношеству»)³. Для следующего поколения, пришедшего в культурную и общественную деятельность в годы alexandrovского царствования, острота противоречий между региональным и имперским уровнем идентичности была уже не столь характерна, как, например, для Н.И. Гнедича, поклонника греческой античности, служащего Импера-

¹ См. в этом контексте об авантюрной попытке В.В. Капниста воспользоваться событиями русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и заручиться поддержкой Пруссии для восстановления автономии Гетманщины: *Дашкевич Я.Р.* Берлін, квітень 1791 р. Місія В.В.Капніста: її передісторія та історія // Український археографічний щорічник. 1992. Т. 4. Вил. 1. С. 220-259.

² *Капнист В.В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Издание АН СССР, 1960. Т. 2. С. 317 (письмо А.А. Капнист от 29 февраля 1788 г.).

³ См. о них: Чепя Андріян Іванович // Українська радянська енциклопедія. Т. 12. Київ: Головна редакція УРЕ, 1985. С. 257; *Омельченко В.* Рід Полетик // Український історик. 1967. № 1-2. С. 59-63; *Брайчевський М.Ю.* Максим Берлінський та його «Історія міста Києва» // Берлінський М.Ф. Історія міста Києва. Київ: Наукова думка, 1991. С. 5-20.

торской публичной библиотеки и обладателя небольшого поместья в Украине, которое он любил и часто посещал, не высказывая, однако, активного местного патриотизма.

Укрепление имперской лояльности со стороны малороссийской элиты сопровождалось, однако, существенными изменениями в идеологии самой метрополии. Первые десятилетия XIX века ознаменовались становлением русского национализма, для которого этнические и вероисповедные различия обретали новый смысл, в отличие от абсолютистской идеологии времен Екатерины II и Павла I. Государство-нация шло на смену государству-империи, основанному на наднациональной приверженности подданных (в лице дворянской элиты) монарху. Рождение русского национализма, впервые отчетливо заявившего о себе в 1800-х годах в трудах Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки, А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина¹, стало ответом на новую историческую ситуацию – необходимость конкурировать с Англией и, особенно, Францией, быстро шедших по пути нациестроительства. Французская революционная «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года провозглашала: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации»². В истоках этой формулы лежала концепция общественного договора Ж.Ж. Руссо, введившая в политический оборот категорию нации как органической общности, связанной единым характером, культурой и законами³. Усвоение данного круга идей шло в отечественной сентиментальной культуре весьма прихотливыми путями, приведшими, например, Н.М. Карамзина, автора космополитических «Писем русского путешественника», к умеренным националистическим прокламациям уже к началу 1800-х годов, а убежденного антируссоиста Ф.В. Ростопчина к использованию мыслей французского философа как фундамента патриотической пропаганды⁴.

Не менее сложную картину представляла рецепция немецких интеллектуальных построений, связанных с проблемами нациестроительства – философии истории И.Г. Гер-

¹ См. постановку проблемы раннего русского национализма: *Киселева Л.Н.* Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807-1812). Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. Тарту, 1982.

² Французская республика. Конституция и законодательные акты / Под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1989. С. 26-27. См. о роли Великой Французской революции в становлении националистических движений Европы: *Kohn H.* Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zu Französischer Revolution. Fr. a. M., 1962.

³ См. о влиянии идей Руссо на становление европейских националистических идеологий: *Plattner M.F.* Rousseau and the Origins of Nationalism // *The Legacy of Rousseau* / Ed. by C. Orwin and N. Tarcov. Chicago: Chicago University Press, 1997. P. 183-199. *Melzer A.* Rousseau, Nationalism, and the Politics of Sympathetic Identification // *Educating the Prince: Essays in Honor of Harvey Mansfield* / Ed. by M. Blitz and W. Kristol. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 111-128.

⁴ См. глубокий анализ этих мировоззренческих трансформаций в статье: *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114-140. Ср. также: *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 383-445.

дера, патриотической публицистики И.Г. Циммермана, И.Г. Фихте, Ф.В. Гумбольдта, Э.М. Арндта. Немецкий опыт в каком-то смысле был ближе российскому: он рождался не из необходимости осмыслить уже существующие формы национального государства, а из потребности создать его идеал. Для Германии этот идеал выступил объединяющей патриотической силой во время наполеоновских походов, для России он становился инструментом подспудной трансформации монархической идеологии. Примечательно, что жесткие формы немецкой националистической риторики И.Г. Фихте или Э.М. Арндта были актуальными для российской культуры лишь на короткий период – накануне и в течение Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 годов¹, зато более обобщенный вариант «гуманистического» национализма, замешанного на идеях И.Г. Гердера, оказал долговременное и глубокое влияние². Ключевым в его трудах стала мысль о национальном характере: «<...> во всех земных делах людей очень многое зависит от времени и места и от различий в характере наций, ибо самое главное – характер народа»³. При этом народный характер объявлялся неким «генетическим духом», вещью странной и поразительной, не поддающейся рациональному объяснению. Из рассуждений о существовании «неуловимого» национального характера вытекал значимый политический вывод: «<...> и самое естественное государство – такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером»⁴. Постулированная немецким философом мысль о неразрывной связи национального характера и национального государства превращала концепцию Ж.Ж. Руссо, скомпрометированную для русских авторов ее ролью в подготовке Великой Французской революции, в приемлемый и плодотворный инструмент обоснования новой системы взглядов. Гердеровский компонент неизменно присутствовал в лингвистических, исторических и литературных построениях 1800-1810-х годов, апеллировавших к русскому характеру, к народу как органическому целому, питая растущий интерес к национальному фольклору, истории, обычаям и культуре⁵.

¹ См. ценную работу: Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. М., 2002.

² О влиянии идей Гердера на формирование русского национализма впервые заговорила Л.Н. Киселева, см.: Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1985. Вып. 645. С. 3-20. Ср. также: Bittner K. Herderische Gedanken in Karamsins Geschichtsschau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jg.7. München, 1959. S. 237-269; Bittner K. Herder und Radisev // Zeitschrift für slawische Philologie. Heidelberg, 1956. Bd. 25. H. 1. S. 8-53; Bittner K. Herder und Derzavin // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein: Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. Berlin, 1957. S. 188-215; Данилевский П.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. М.: Наука, 1980. С. 174-217; Жукова Е.П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: автореферат дисс. ... кандидата культурологических наук. М., 2000.

³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 313.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ См.: Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия; Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПб», 1997. С. 284-325; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в нача-

Впрочем, и в политической практике категория нации обнаружила свою актуальность, чему, с одной стороны, способствовали реформаторские планы раннего александровского царствования, а с другой – необходимость учитывать современный европейский контекст. Политика Наполеона на оккупированных территориях показала яркий пример плодотворности националистической пропаганды для привлечения симпатий местного населения, хотя, на ином полюсе, в ряде стран – Испании, Италии, Германии, а в 1812 году и России – вторжение наполеоновской армии привело к ощутимому росту национального самосознания. Так, вступив в Берлин, Наполеон обратился не к элите, а к третьему сословию, к простым горожанам: «Добрый берлинский народ является жертвой войны, в то время как ее виновники спаслись. Но я настолько унижу эту дворцовую власть, что ей придется просить подаяния»¹. Однако если берлинский народ, по замечанию Е.В. Тарле, «встречал императора боязливо»², то в Польше Наполеона приветствовали как освободителя, поскольку обещания французского императора полностью соответствовали чаяниям местных патриотов, жаждущих восстановления Речи Посполитой.

После образования в 1807 году Великого Герцогства Варшавского, утверждения его конституции и избрания парламента эти надежды, казалось, начали воплощаться в жизнь, став источником польского мифа о Наполеоне-освободителе³. Ответом на политику Наполеона явились российские проекты А. Чарторыйского, М.Б. Баркляя де Толли, К. Фуля, М.К. Огинского и ряд других, предусматривавших, в разной степени, восстановление польской автономии⁴. Подобные документы вольно или невольно заимствовали определенные элементы политических представлений, связанных с категорией нации, чему свидетельством может служить, например, письмо Александра I А. Чарторыйскому от 31 января (12 февраля) 1811 года, в котором император высказывал свои соображения по польскому вопросу и, в том числе, предлагал, чтобы чиновничество и армия были «чисто национальными, польскими»⁵.

ле XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 446-600.

¹ Цит. по кн.: *Лаишук А.* Наполеон. Походы и битвы, 1796-1815. М.: Эксмо, 2004. С. 262.

² *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Наука, 1991. С. 186.

³ См. его анализ в ст.: *Мусяенко С.Ф.* Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004. С. 190-204; *Гончар С.В.* Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. Гродно: ЧПУП «Издательство «Ламарк», 2010. С. 99-107.

⁴ См. их обзор: *Лукашевич А.М.* Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810-1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы международной научной конференции. Минск: «Адукацыя і выхаванне», 2002. С. 46-59.

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая (1801 – 1815 гг.). М.: Госполитиздат, 1967. Т. 5. С. 56-57.

Эти дискурсивно-идеологические формулы нужно рассматривать как часть общего движения имперской политической мысли 1800-1810-х годов, нацеленного на обсуждение предполагаемых реформ. В подобном контексте понятие нации и его содержательные аналоги фигурируют в письмах и документах Александра I и его советников-реформаторов (А. Чарторыйского, Н.Н. Новосильцева, П.А. Строганова, в том числе и украинца В.П. Кочубея, позднее М.М. Сперанского) с 1790-х годов¹ и получают вскоре широкое распространение среди культурной элиты, даже далекой от политики, о чем говорит, например, письмо В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 года:

Читая русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, и со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют нацию. Читая историю в этом отношении, то есть наблюдая, каким образом воспитатель могущий народов (Судьба, Провидение, Творец) образовал их характер, увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное².

В целом, однако, категория нации, как констатирует А.И. Миллер, в период александровского царствования ассоциировалась скорее с «понятиями свободы, конституции и представительства»³, нежели со сферой культуры и истории, где более активно употреблялись понятия народа и народности⁴.

Тем самым можно выделить, по крайней мере, три направления, по которым трансформировался образ Украины в российском общественном сознании и словесности 1800-начала 1820-х годов. По мере интеграции Малороссии в имперскую административно-политическую, социальную и культурную систему постепенно ослаблялись акценты на различие, и на смену им приходило внимание к сходству, что становилось почвой для ре-

¹ «Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей» (Письмо великого князя Александра Павловича Лагарпу от 27 сентября 1797 г. // *Великий князь Николай Михайлович*. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1. С. 88); «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа. Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества» (*Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. С. 154)

² *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 468-469.

³ *Миллер А.И.* История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 15.

⁴ См. о генезисе и семантике этих категорий: *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX века. СПб.: Алетейя, 2006. С. 108-122; *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 42-66.

гионализма, для мышления категориями местного своеобразия. Регионализм активно проявился и на уровне социокультурной самоидентификации выходцев из Малороссии, что ощущается, например, в публицистическом и эпистолярном дискурсе, и на уровне исторического нарратива, стремящегося, в отличие от украинских летописей XVIII века, к единому рассмотрению местной и имперской истории, и на уровне литературы и журналистики, переходящих на русский язык и встраивающихся в общий литературный процесс. Тем не менее, украинский регионализм александровского времени, также как и осмысление Малороссии носителями имперской культуры уже претерпели глубокое влияние руссоистско-гердеровских представлений, что нацеливало на поиск определяющих особенностей национального характера, отзывающихся в местной истории, фольклоре, бытовой сфере, языке. Обращение к культурным истокам, исходящее из представления о единстве – вплоть до тождества – русского и украинского начал, в свете которого Малороссия представала славянским «заповедником древностей», на другом полюсе придавало актуальность местному колориту и препятствовало полному снятию системы различий своего и чужого. В перспективе это работало на реанимацию регионального патриотизма с возможностью его трансформации уже в новое национальное самосознание, в мышление категориями нации с их политическим контекстом в виде «свободы, конституции и представительства». Тем самым интенсивно развивающаяся украинская «археология» 1800 – начала 1820-х годов, представленная широким кругом авторов от М.Ф. Берлинского до И.Г. Кулжинского, была частью общего идеологического комплекса, актуализированного проектами александровских реформ и нашедшего свое развитие в обсуждении «польского вопроса». После провозглашения в 1815 году Царства Польского статус Украины как интегрированной части империи проблематизировался, что подвигло и местных и российских авторов к интенсивному переосмыслению польско-украинских отношений, в свете которых обойтись без темы национального государства (а не только национального характера) было невозможно. Так, действуя в едином комплексе, регионализм, этнографизм и политизация определяли ведущие особенности конструирования украинского «другого» в имперском дискурсе александровской эпохи.

2.1.2. Образ современной Украины как реализация регионального самосознания

Как горько, но трезво заметил в 1811 году А.И. Мартос, автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот:

...имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций¹.

Эта констатация подводила своеобразный итог поискам идеологических формул для определения украинской государственности, столь напряженно происходившим во второй половине XVIII века (архаическое варварство, получивилизованная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика). К 1800-м годам все они приобрели «музейный» статус, поскольку относились лишь к невозвратно ушедшему прошлому страны, представавшей ныне как интегрированная часть империи, а уже в этом качестве как ее древняя прародина, населенная «народом, поющим и пляшущим». Функционирование данного образа в имперской культуре и возможности его трансформации с позиции самих малороссов, чью идентичность подобное идиллическое клише передавало весьма ущербно, определялись в период александровского царствования особенностями регионализма.

Украинский регионализм первой четверти XIX века явился новым плодотворным способом общественной самоорганизации, адекватным имперским реалиям, существованию «наряду с прочими». Он позволял перевести категории политические, утратившие актуальность, в комплекс социальных и культурных запросов, которые метрополия должна была учитывать, выстраивая отношения с местным населением. Как справедливо констатировал Эндрю Хюрелл, «регионализм анализируется в таких категориях, как: социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; <...> совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность»². Образ Украины, создаваемый совокупными усилиями региональных авторов, очень полно отвечал этим критериям.

¹ [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806-1812 // Русский архив. 1893. Т. 7. С. 345.

² Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. October. Vol. 21. P. 333. См. также о конституирующих особенностях регионального самосознания и саморепрезентации: Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991; Space and place: theories of identity and location / Ed. by E. Carter, J. Donald, L. Squires. Lawrence and Wishart, London, 1993; Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006; Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177-216 (статьи Л.В. Смирнягина, Д.Н. Замятина, М.П. Крылова).

Функцию социальной консолидации, которую в сословной империи можно рассматривать только в пределах тех или иных страт – дворянства, крестьянства, городского мещанства, купечества, духовенства, в дискурсивном плане успешно выполняли разнообразные «записки», с одной стороны, отражавшие общие сословные запросы, а с другой – рисовавшие современный облик украинского общества, далекий от идилличности «песен и плясок». Образцом здесь могут выступить критические, иногда даже памфлетные «Замечания до Малой России принадлежащие», написанные, по предположению О.М. Бодянского, неким черниговским шляхтичем в 1802 или 1803 году¹. Они последовательно обозревали различные стороны украинской жизни от функционирования местных судов и организации выборов в губернских городах до состояния дорог, мельниц, разрешений на винокурение и пр. Общая точка зрения автора – проимперская, отвергавшая какую бы то ни было возможность малороссийской автономии, но неизменно заинтересованная в развитии региона и преодолении им периферийности, провинциальности, путь к чему виделся в унификации социально-экономической сферы по российскому образцу. Выводы «Записок» однозначны:

Соображая и сравнивая все вышеописанные замечания с действительным существом и состоянием Малой России, примечательный и беспристрастный наблюдатель найдет, что Малороссийская губерния в добронравии, в просвещении, в общежитии, в хозяйстве, в торговле, в рукоделии и во всем благоустройстве от всех прочих губерний отстала и во всем их хуже. <...> Если примечательный, бдительный и на все хозяйским и патриотическим глазом взирающий губернатор будет во время обозрения своей губернии во все вышезамеченное входить и везде останавливаться, то, хотя не скоро, Малороссийская губерния примет порядочный вид².

Подобная въедливость вкупе с развитыми традициями дворянского и городского самоуправления, идущими еще от Речи Посполитой и Гетманщины³, а также с культурой местного меценатства, проявившейся, в частности в основании Харьковского университета (пожертвования В.Н. Каразина и местных дворян) и нежинской Гимназии высших наук (наследство А.А. и дар И.А. Безбородко)⁴, являлась мощной основой для региональной

¹ Бодянский О.М. Предисловие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1. Ч. 2. (без пагинации).

² Замечания до Малой России принадлежащие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1848. Т. 1. Ч. 2. С. 51-53.

³ См. о них: Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993; Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793-1914. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 169-226. Ср. наблюдения Б.Н. Миронова и Е.С. Корчминой о функционировании дворянского самоуправления во внутренних губерниях: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 82-98, 510-521; Корчмина Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: дисс. ... канд. исторических наук. Рязань, 2010.

⁴ См.: Багалея Д.И. Основание Харьковского университета (1802-1805 гг.) // Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 1 (1802-1815 гг.). Х.: Тип. и лит. М. Зильбер-

консолидации, под действие которой попадали и представители имперской культуры – от генерал-губернаторов Малороссии Я.И. Лобанова-Ростовского, Н.Г. Репнина, заражавшихся местным патриотизмом¹, до русских ученых и писателей, очарованных «полуденным краем» и его историей, как И.Е. Срезневский или А.А. Палицын.

Нацеленность на решение конкретных проблем определяла многочисленные «записки» начала XIX века («Записка о малороссийских чинах», «Записка о нуждах малороссийского дворянства», «Записка о малороссийском дворянстве», «Записка генерального судьи Акима Семеновича Сулимы» и др.²), предназначенные как для подачи в высшие инстанции, так и для публичного хождения. В них апелляция к украинскому прошлому, напоминание о времени Гетманщины использовалось для достижения локальных прагматических целей – отстаивания прав и привилегий того или иного сословия, прежде всего дворянской элиты, которая рассматривалась уже как неотделимая и лояльная часть имперского дворянства.

Так, «Записка о малороссийском дворянстве», подготовленная в 1809 году В.Г. Полетикой для представления генерал-губернатору Я.И. Лобанову-Ростовскому и через него Александру I, становилась своеобразной просьбой о монаршей защите перед Геральдической комиссией:

Сто пятьдесят пять лет проходит, как малороссийский народ, чувствуя таковые милости, служит им <российским государям – Т.В.> верно и радетельно <...>. И малороссийское дворянство, присоединившееся добровольно к россиянам, как к единокровным и единоверным братьям своим и служившее купно с ними так верно и так долго престолу и отечеству могло ли ожидать за свои воинские доблести, за услуги, оказанные им и запечатленные кровию, столь обидного для себя унижения?³

Прямое обращение к императору, сопровождаемое указанием на особые заслуги, свидетельствовало о восприятии себя правомочным субъектом российской элиты, испытывающим особую гордость и за свершения империи, и за свою причастность к ним. В письме В.Г. Полетики А.И. Чепе от 2 февраля 1810 года мы найдем и выразительный комментарий к результатам поданной «Записки»:

Недавно насладился я приятною вестию, что государь император по докладу нашего генерал-губернатора повелел герольдии признавать малороссийское дворянство по чинам нашим и другим доказательствам в древнем благородном его достоинстве. Весть сия сладка сердцу моему. Верьте тому, что я люблю отечество – люблю соотчичей моих больше самого себя⁴.

берга, 1893-1898. С. 53-202; *Егоров А. Д.* Лицеи России: Опыт исторической хронологии. Кн. 2: Лицей Князя Безбородко. Иваново, 1994.

¹ См. наблюдения В. Шандры: *Шандра В.* Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Функції, структура, архів. С. 95-107 (Яків Іванович Лобанов-Ростовський 1808-1816), 108-173 (Микола Григорович Репнін 1816-1834).

² См. о них: *Kohut Z.E.* The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and its Integration into the Russian Nobility // *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / Ed. by I. Vanac and P. Bushkovitch. New Haven, 1983. P. 65-97.

³ [*Полетика В.Г.*] Записка о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. № 1. Приложение. С. 7-8.

⁴ Киевская старина. 1893. № 1. С. 56.

Местный патриотизм здесь вырастает из признания высшей властью, из желания и возможности занять особое место в круге ее интересов, питая, в том числе, далеко идущие надежды о создании некоего подобия российского парламента и активного участия украинцев в его работе, как это было при Г.А. Полетике, депутате Комиссии по составлению проекта нового уложения 1767-1768 годов:

Здесь сверх сего носится слух, что перед обнаружением и введением в употребление первой уже вышедшей части нового государственного уложения призваны будут в конгресс российских на особых правах состоящих губерний обитатели для изъявления своего согласия на принятие для себя сего уложения. На сем поприще возобновится память прежних незабвенных во веки наших патриотов. Щастливы будем, ежели увидим новых, защищающих с тем же усердием права, преимущества, вольности и свободы своего отечества¹.

Стилистические варианты подобной саморепрезентации варьировались в весьма широком диапазоне от классицистического акцента на долге, служении, воинских заслугах, который определял установки В.Г. Полетики, до сентиментальной сосредоточенности на особых чувствах к родине – большой и малой. В публицистическом дискурсе показательный образец являет «Речь на основание в городе Харькове университета» В.Н. Каразина, опубликованная в 1803 году:

Приятно возвращение в свою отчизну: и дым отечества сладок! Если дикий гренландец <...> с восторгом лобызает замерзший морской берег, который есть его отечество <...>, то каково должно быть удовольствие человека, возвратившегося под благотворнейший небосклон, который был свидетелем игр и утех его детства – исторгнувшегося от шума столиц, коего мирное его сердце всегда ужасалось, в страну, которую привык он почитать своим Эдемом, обиталищем невинности, дружбы и спокойствия. <...> Сие чувство радости и надежды, упоявшее меня уже при посещении края моего рождения, угодно вам было усугубить благосклоннейшим приемом, которого вы меня удостоили в первое собрание, когда я представил вам предначертание того учреждения, коим вы хотите украсить свою страну – отличить ее в пространной России. <...> Вся жизнь моя <...> принадлежит моему отечеству, но в особенности краю, который был отечеством для понятий моей юности <...>. Блажен уже стократно, если случай поставил меня в возможность сделать малейшее добро любезной моей Украине, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России².

Эта речь, выдержанная в канонах «чувствительной» риторики и напечатанная в популярном карамзинском журнале, программно представляла широкой аудитории новую Украину и существенно отличалась по своим установкам как от источников екатерининской эпохи и наследовавших им «записок» 1800-х гг., так и от стереотипов идиллических путешествий в «полуденный край» империи. Она полностью свободна от полемики с ка-

¹ Киевская старина. 1893. № 1. С. 56-57.

² [Каразин В.Н.] Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиным, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 15. С. 235-238.

зацким прошлым Малороссии и рисует облик ее настоящего и будущего, неотрывного от России, заменяя категории историко-политические понятиями географическими, в свете которых «исполинская», «пространная» империя складывается из малых регионов, чем либо «отличных». Одним из важнейших маркеров подобного различия выступала оппозиция столица / провинция («шум столиц» / «обиталище невинности, дружбы и спокойствия»), чрезвычайно плодотворная в сентиментальном дискурсе¹.

В ее рамках провинции отводилась обычно роль хранителя естественности, простоты нравов, близости к природе, столь сродных уже утвердившемуся образу украинцев как «народа поющего и пляшущего». Однако в случае В.Н. Каразина, предвещавшем формирование новой дискурсивной стратегии, Украина представала в облике будущего просвещенного и европеизированного культурного центра и, тем самым, подтягивалась к столице, не теряя своих органических корней. Здесь чувствуется очевидная параллель гердеровским мыслям об исторической роли славянства, которое должно войти в ряд ведущих цивилизованных народов².

Так, милостивые государи, – утверждал В.Н. Каразин, – я смею думать, что губерния наша предназначена разлить вокруг себя чувство изящности и просвещение. Она может быть для России то, что древние Афины для Греции. Местное положение делает ее средоточием полуденных, плодороднейших земель. Богатство собственных произведений <...> призывает к нам людей, которые, наслаждаясь нашими благами, <...> дали бы нам в замену вкушать плоды своего ума, своего искусства, своих промыслов. <...> Науки и художества водворятся в нашей отчизне <...>. Я смел еще мечтать, что необыкновенное стечение народа украсит, распространит сей город и зависящие от него – наполнит их всеми утехами, свойственными просвещенному обществу; что богатства всех краев России польются к нам рекою <...>³

При всей своей утопичности идеальная программа, провозглашенная основателем первого украинского университета, актуализировала новые социокультурные запросы, связанные с участием региона в имперском строительстве. Многие ее элементы реализовались как местными деятелями, так и представителями Малороссии в столице, не только занятых административной или просветительской работой на благо метрополии, но и уде-

¹ Видоизменившись, она перейдет в дальнейшем к романтикам (ср. «Письмо украинца из столицы» О.М. Сомова, опубликованное в «Украинском вестнике» (1818. Ч. 9. Кн. 2. С. 220-227) и классический свой облик найдет в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» (а на русском материале в «Ревизоре» и «Мертвых душах»). См.: *Манн Ю.В.* Смысловое пространство гоголевского города // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 391-401; *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 101-110.

² См.: *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. С. 471.

³ *Каразин В.Н.* Указ. соч. С. 238-240. Своеобразным откликом на это предсказание стала через несколько лет эпиграмма А.Н. Нахимова «Просветители» (Русская старина. 1880. № 11. С. 732):

Чтоб мрачную страну наукой озарить,
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? Мундирные петлицы.

лявших значительное внимание развитию «батьківщині» (И.А. Безбородко, В.П. Кочубей, Д.П. Трощинский, В.В. Капнист, А.А. Палицын и др.). Очагами культуртрегерской активности, получавшими достаточно широкую известность и определявшими российское восприятие современной Украины, становились учебные заведения – Харьковский университет, Гимназия высших наук в Нежине, связанные с ними печатные органы и научно-просветительские организации, в частности, Филотехническое общество (1810-1819) под руководством В.Н. Каразина, поместья меценатов-просветителей, такие как Поповка («Поповский кружок» А.А. Палицына), а в особенности Кибинцы и Диканька, где усилиями, соответственно, Д.П. Трощинского и В.П. Кочубея к 1810-1820-м годам были собраны большие библиотеки, коллекции разнообразных артефактов, организовывались театры и гостили многие известные деятели российской и, конечно, украинской культуры. Все эти локусы и персоналии получали отражение в журнально-публицистической словесности, составляя актуальный срез образа Малороссии¹, и обладали существенным потенциалом для символического углубления в литературе художественной, что произошло, например, с образом Обуховки, поместья В.В. Капниста, воспетого его владельцем, а позднее – с образом Диканьки у А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Одним из наиболее эффективных средств изменения регионального «имиджа» стало издание при недавно основанном Харьковском университете нескольких журналов – «Харьковского Демокрита» В.Г. Масловича (1816), «Украинского вестника» Е.М. Филомафитского, Р.Т. Гонорского и, на первых порах, Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1816-1819) и «Украинского журнала» А.В. Склабовского (1824-1825), сосредоточивших вокруг себя видных украинских эстетиков, историков, естествоиспытателей и писателей². Будучи тесно связанными со столичной прессой, в частности с «Благонамеренным», «Вестником Европы», издававшимся в тот период выпускником Харьковского коллегиума М.Т. Каченовским³, «Соревнователем просвещения и благотворения», они имели цель донести до широкой публики новый круг интересов ее образованного сословия. Хотя популярность журналов оказалась весьма скромной, она была не меньшей, чем у многих столичных из-

¹ Так, о деятельности харьковского Филотехнического общества регулярно извещал «Вестник Европы» М.Т. Каченовского (1811. Ч. 59. № 19. С. 259-290; № 20. С. 318-329; 1812. Ч. 61. № 2. С. 143-156; 1813. Ч. 67. № ½. С. 3-35; 1817. Ч. 95. № 19. С. 199-214 и др.).

² См. общий обзор харьковских журналов: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизвестным материалам): Т. 2 (1815-1835 гг.). Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберга, 1904. С. 751-787; *Михайлин І.Л.* Харківська журналістика 1810-1820-х років // Михайлин І.Л. Історія української журналістики ХІХ століття: Підручник. 2-ге вид., доп. і поліпш. Київ: Центр навчальної літератури, 2003. Ч. 2. С. 32-79; *Полякова Ю.Ю.* Русские литературно-художественные журналы Харькова ХІХ – ХХ века (попытка перечисления) // Союз писателей. 2005. № 1 (6). С. 220-229.

³ «Вестник Европы» регулярно помещал объявления о выходе украинских журналов и обращения к их издателям (1816. Ч. 85. №1. С. 77-80; 1817. Ч. 91. № 1. С. 80; 1818. Ч. 100. № 13. С. 39-51; 1818. Ч. 102. № 24. С. 317 и др.), а сам М.Т. Каченовский печатал некоторые статьи под псевдонимом Киевский житель (например: 1819. Ч. 103. № 2. С. 117-132; № 3. С. 198-208; № 4. С. 289-298; № 5. С. 45-53; № 6. С. 124-136).

даний: тираж от 200 до 500 экземпляров распространялся, судя по ряду подписчиков, от Санкт-Петербурга до Иркутска¹. Нужно подчеркнуть, однако, что журналы предназначались как для «внешнего», великорусского читателя, так и для местной аудитории, выполняя здесь культуртрегерские функции, для чего часть экземпляров распространялась бесплатно.

Соотношение двух ориентиров существенно менялось. Так первый журнал «Харьковский Демокрит» позиционировался как сугубо региональное издание, о чем предупреждал издатель В.Г. Маслович²:

За долг особенный полагаю упомянуть здесь о том, что сей журнал будет наполняться произведениями нашего края. Издатель позволяет себе помещать и напечатанные пиэсы, но только те, коих сочинители принадлежат нашему же краю. Во-первых, для того, дабы познакомить отдаленных читателей сего журнала (издатель льстит себя надеждою, что таковые найдутся) с произведениями нашими, а во-вторых, дабы совершенно соблюсти название Харьковского Демокрита³.

Однако уже в «Украинском вестнике» чужое и свое вполне уравнивали друг друга: состав авторов был местным, но тематика и жанровая система ориентировались на общерусские образцы. Регионально-краеведческий элемент занимал здесь достойное, однако не доминирующее положение, так же как и в «Украинском журнале», хотя издатель последнего настаивал во вступительной статье:

Для жителя Украины как ни занимательны все русские журналы, но он, без сомнения, с большею охотою и любопытством читал бы такие, которые бы принадлежали собственно Украине. То же можно сказать не только о какой либо стране вообще, но и о каждом городе в особенности⁴.

Показательно, что установки издателей находили отклик в местной образованной среде, заинтересованной в развитии края и утверждении его как значимого элемента имперской культурной географии. Такую цель перед «Украинским журналом» ставил, в частности, П.П. Белецкий-Носенко, писатель и педагог, содержатель Прилуцкого пансиона и пропагандист малороссийского наречия, автор «Сказок на малороссийском языке» (1812), «Баллад на малороссийском языке» (1822-1829) и «Словаря малороссийского или юго-восточного русского языка» (1841-1842):

Цель журналов вообще доставлять удовольствие и пользу. Мне кажется, Украинский журнал достигнет их сугубо, если несколько страниц его посвятится для удовольствия миллионов обывателей плодотворной Украины (на малороссийском языке) от гор Карпатских до тихого Дона. Я смело могу уверить, что сказочки г. Артемовского-Гулака читались с таким же неописанным удовольствием, как Энеида г. Котляревского, что многие вытвердили на память целые тирады из них, что Петербург

¹ См. списки подписчиков «Украинского вестника» (1816. № 9. С. 367-372; № 12. С. 405-413; 1818. № 12. С. 398-414).

² См. о его биографии: *Пармонов А.Ф.* Из утраченных лиц: Харьковский баснописец В.Г. Маслович (электронный ресурс). Режим доступа: <http://lubotin.com/people/maslovich.html> (дата обращения 15.12.2012).

³ [Маслович В.Г.] От издателя // Харьковский Демокрит. 1816. Месяц январь. С. 3-4.

⁴ [Склябовский А.] От редактора // Украинский журнал. 1824. Ч. 1. № 1. С. 1.

и Москва слушают с восторгом наши песни на театрах и что язык малороссийский всегда будет нравиться людям образованным и ученым филологам, как служащий корнем многим словам русского и ближе подходящий к словенскому и Несторову. <...> Чехи имеют свою обширную литературу; наш язык не менее к тому способен. Ежели б в программе <журнала. – Т.В.> было об этом упомянуто, то число пренумерантов было бы весьма значительно в Малороссии и даже в самой России возрастало бы час от часу.¹

В любом случае сосредоточение местных интеллектуальных сил, обретавших возможность собственного голоса, плодотворно работало на формирование нового образа Малороссии как одного из потенциальных культурных центров империи. Так, постоянными сотрудниками украинских журналов являлись писатели, ученые и критики европейской образованности – А.А. Палицын, И.Е. Срезневский, Р.Т. Гонорский, И.Ф. Вернет, а страницы изданий наполнялись переводами античных авторов, В. Шекспира, Данте, Ф. Петрарки, И.Г. Гердера, И.И. Винкельмана, Ф.Р. Шатобриана, Ж.Ж. Руссо. Замечательной чертой изданий выступала эстетика, новые пути в которой прокладывали опыты Р.Т. Гонорского («Кое-что о нашей художественной прозе и русской словесности вообще», «Краткое начертание теории подражательной гармонии слова», «Кое-что о переводе Вергилиевых георик русским гекзаметром», отдельно изданная работа «О подражательной гармонии слова» и др.), статьи Н.И. Гнедича («О вкусе и его влиянии на словесность»), Е.М. Филомафитского («Опыт по двум способам (систематическому и аналитическому) судить и оценивать верно эстетические произведения как древних, так и новых стихотворцев»), публикации Г.Г. Гесс-де-Кальве, автора первого в России труда по музыкальной эстетике («Теория музыки» 1818 г.)². «Украинский вестник» в статье Г.Г. Гесс-де-Кальве и И.Ф. Вернета³ открыл для местной и имперской публики имя Г.С. Сковороды, ставшее вскоре одним из знаков отечественной философской мысли⁴. Привлекала украинских авторов и немецкая классическая философия И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, с которой знакомил ряд статей И.Г. Шада, А.И. Дудовича, В.Н. Каразина, П.П. Гулак-Артемовского, П.И. Ковалевского и др.)⁵. Не менее насыщенным выступал и научный раздел, где, например, А.И. Дудрович опубликовал статью «О животном магнетизме»⁶,

¹ Цит. по кн.: *Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 2 (1815-1835 гг.). С. 773-774.

² См. об уровне и новаторских тенденциях украинской эстетики начала XIX века: *Яценко М.Т.* У пошуках життєвих засад естетики і літературної критики // Яценко М. Т. Питання реалізму і позитивний герой в українській літературно-естетичній думці першої половини XIX ст. Київ: Наукова думка, 1979. С. 107-191; *Федченко П.М.* Літературна критика на Україні першої половини XIX ст. Київ: Наукова думка, 1982. С. 12-117; *Полякова Ю.Ю.* Зарождение харьковской театральной критики (по страницам журнала «Украинский вестник») // *Universitates. Наука и просвещение.* 2005. № 4. С. 38-47.

³ Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 106-119..

⁴ См. подробнее: *Воздвиженский В.* Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс-де-Кальве – первый венгерский биограф Г.С. Сковороды // *Toronto Slavic Quarterly.* 2010. № 31 (режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/voszdvizhensky31.shtml> [06.01.2013]).

⁵ См. подробнее: *Радіонова Н.В.* Журнал як форма соціокультурної комунікації на Слобожанщині XIX століття // *Мультиверсум. Філософський альманах.* Київ: Центр духовної культури, 2005. № 50. С. 102-111; *Мамалуй О., Абашиник В.* Рецепція філософії по-харківськи (Біля джерел університетської філософії в Харкові) // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія.* Харків, 1994. Т. 3. С. 29–44.

⁶ Украинский вестник. 1818. Ч. 9-11.

едва ли не первую, открывшую эту популярную в дальнейшем тему, где И.Е. Срезневский попытался найти новые, гердеровские по духу, подходы к мифологии¹ – предвестия мифологической школы, где П.А. Затеplitцкий, стажировавшийся у П.С. Лапласа и А. Гумбольдта, просвещал публику в началах астрономии².

Подобный контекст имперско-европейской культуры позволял в новом ключе осмыслить региональные особенности, восприняв их не как знаки провинциальности, архаической вторичности, но как черты национальной специфики, проявляющиеся в истории, языке, фольклоре и, в итоге, народном характере. Образ Украины, утвердившийся в качестве истока русской культуры, помогал легко встраивать эти элементы в общую панораму историко-этнографических разысканий, активно развернувшуюся в 1800-1820-е годы под действием руссоистско-гердеровских, а затем и романтических концепций, проводником которых часто выступали украинцы. Так, для О.М. Сомова, еще в 1817 году Малороссия в «Письме украинца из столицы» представляла в провинциальном ракурсе, воплощая социокультурное измерение регионализма, но уже к 1823 году она описывалась в статье «О романтической поэзии» как особая историческая и природная сфера, полная национального своеобразия – одновременно российского и местного:

Но сколько различных народов слились под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими. Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору в одном объеме России совокупной. Не говоря уже о собственно русских, здесь являются малороссияне с сладостными их песнями и славными воспоминаниями; там воинственные сыны тихого Дона и отважные переселенцы Сечи запорожской: все они, соединяясь верой и пламенной любовью к Отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности.³

В утверждение этого взгляда на Украину О.М. Сомов мог опереться на мощную традицию местной историографии и этнографии первых десятилетий XIX века.

¹ *Срезневский И.Е.* Славянская мифология, или О богослужении русском в язычестве // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4, 5.

² Украинский журнал. 1824. № 19-21.

³ *Сомов О.М.* О романтической словесности. СПб.: В типографии Императорского воспитательного дома, 1823. С. 86.

2.2. «Необходимо снизить под кровлю селянина...»: историко-этнографический компонент образа Украины

2.2.1. Региональная малороссийская историография в составе имперского гранднарратива

Еще к концу XVIII века был накоплен большой материал об украинской истории и этнографии. Причем ведущий тон здесь задавала историография: исторические документы и летописи в контексте румянцевских реформ подтверждали правомерность притязаний местных патриотов на самобытность Украины и, как следствие, ее автономность. Уже первое поколение малороссиян, привлеченных Екатериной II к имперской деятельности, считало важным отметить особое место своей родины в истории. Так, в 1765 году П.И. Симоновский, малороссийский генеральный подскарбий и товарищ Г.В. Козицкого, известного литератора и статс-секретаря императрицы, составил «Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах», оставшееся в рукописи и доведенное до начала 1750-х годов.¹ Частью литературно-историографических занятий В.Г. Рубана, секретаря Г.А. Потемкина, журналиста и одописца, становится собрание и публикация украинских исторических памятников², в подготовке которых к печати принимал активное участие А.А. Безбородко, в тот момент секретарь по принятию прошений, поступающих на высочайшее имя. В письме к отцу А.Я. Безбородко он излагал целую программу историко-патриотической работы:

Приношу я дань, справедливо принадлежащую вам, яко во многих случаях прямую любовь к тому краю, любезной отчизне нашей, доказавшему, и которого всегда усердные простиралися старания, чтоб дела и обстоятельства, славу и честь предков наших знаменующие, извлечены были из забвения <...>. Малое сие сочинение служить теперь руководством к намереваемому нами изданию полной Малороссийской истории <...>. Велико и совершенно будет мое удовольствие, когда я преуспею в сем предлежащем труде, и особливо когда исполнение оногo будет последуемо многими другими случаями, кои мне предстали бы на изъявление моего нелицемерного к согражданам моим усердия³.

Хотя планы А.А. Безбородко и В.Г. Рубана не осуществились в полной мере, они отозвались в собирательской и публикаторской деятельности Ф.В. Туманского, издавшего

¹ [Симоновский П.И.] Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских, чрез бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года. М.: В университетской типографии, 1847.

² [Рубан В.Г.] Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 г., с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також Землеописания, с показанием городов рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана Васильем Григорьевичем Рубаном, господином коллежским ассессором и Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете, членом. СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у Х.Ф. Клена, 1777.

³ Цит. по кн.: Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: В 2 т. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1879-1881. Т. 1. С. 262.

в журнале «Российский магазин» (1792-1793) «Летописец Малыя России» и ряд исторических документов¹, А.И. Ригельмана («Летописное повествование о Малой России»), М.А. Антоновского (материалы в составе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов»²), Г.А. Полетики и В.Г. Полетики, активно использовавших собранные ими исторические источники при подготовке публицистико-юридических «Записок», А.И. Чепы, мечтавшего о создании украинской «Вивлиофики» наподобие новиковской³, анонимного автора «Истории русов». Тем не менее, при всей исторической ценности эти опыты до поры оказались выключены из магистрального направления русской историографии, двигавшейся к созданию универсального общеимперского нарратива. Именно поэтому большинство подобных материалов либо затерялись в библиотеках и архивах, либо остались неопубликованными и вышли к широкому читателю значительно позднее, как произошло с «Историей русов», приобретшей известность лишь к 1820-1830-м годам⁴, или с произведениями А.И. Ригельмана⁵.

Своеобразным ответвлением, а в определенном смысле альтернативой исторических разысканий выступили описания родного края, начинателем которых явились Г.И. Калиновский, выпустивший «Описание свадебных украинских простонародных обрядов»⁶, и В.Г. Рубан, автор «Землеописания Малой России» (издано вместе с «Краткой летописью Малой России»). Природно-географический, экономико-статистический и этнографический подход, заявленный ими, в большей степени вписывался в контекст научно-дискурсивного освоения имперских окраин, систематически проводившихся со второй половины XVIII века. Начинания Калиновского и Рубана пересекались с интенциями ученых путешествий и описаний И.Г. Георги («Описания всех обитающих в Российском гос-

¹ Российский магазин. 1792. Ч. 1. Ноябрь. С. 187-197; 1793. Ч. 2. Март. С. 1-97. Май. С. 209-290. Июнь. С. 335-349, 366-388; Ч. 3. Сентябрь. С. 1-75. Октябрь. С. 125-155. Ноябрь. С. 157-222. Декабрь. С. 280-312.

² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках и владычествующих россиянах с описанием всех именованных казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799.

³ Ср. планы создания «Истории Малороссии» в переписке двух последних: Киевская старина. 1893. № 1. С. 41-76.

⁴ Опубликовано лишь в 1846 г.: История Русов, или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белорусского. М.: В университетской типографии, 1846. См. о знакомстве имперской публики с рукописью «Истории русов»: Plokhy S. Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3/4. P. 335-353.

⁵ Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: Черкасские или Малороссийские и Запорожские, а от них уже Донские и от сих Яицкие, что ныне Уральские, Гребенские, Сибирские, Волгские, Терские, Некрасовские и пр. казаки, как равно и Слободские полки. М.: В университетской типографии, 1847.

⁶ [Калиновский Г.И.] Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской Украинской губернии, также и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых, сочиненное Григорием Калиновским, армейских пехотных полков, состоявших в украинской дивизии, прапорщиком. СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у Х.Ф. Клена, 1777.

ударстве народов»), П.С. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), затрагивавших и Украину – в случае С.Г. Гмелина (фрагменты «Путешествия по России для исследования трех царств естества»¹) и И.А. Гильденштедта (часть его путевого дневника, изданного уже посмертно²). Развернувшаяся в преддверии путешествия Екатерины II активная работа по систематизации малороссийского материала, призванная подвести итог румянцевским реформам и наметить административные планы на будущее, нашла воплощение в универсальных краеведческих обзорах А.Ф. Шафонского («Черниговского наместничества топографическое описание» 1786, изд.: Киев, 1851), И.А. Переверзева («Топографическое описание Харьковского наместничества» 1787, изд.: М., 1788) и в «Топографическом описании Киевского наместничества» (1786). В них исторический компонент редуцировался или вовсе отсутствовал, однако своеобразие региона выходило на первый план, насыщаясь, как у А.Ф. Шафонского подробными описаниями материальной культуры и этнографическими заметками³. Наметившуюся тенденцию развили «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» Я.М. Марковича (1798) и наблюдения М.А. Антоновского в дополнительном томе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» (1799)⁴.

Украинский регионализм первой четверти XIX века придал археолого-этнографическому подходу новое, более глубокое и фундаментальное измерение, что выразилось, в том числе в растущей популярности у имперской публики. Если описания А.Ф. Шафонского, И.А. Переверзева, книга Я.М. Марковича либо предназначались для внутреннего административного употребления, либо издавались крошечным тиражом, то публикации М.Ф. Берлинского, Н.А. Цертелева или Д.Н. Бантыш-Каменского приобретали достаточно большую известность, становясь частью набирающего силу украинофильства. Региональное видение, пришедшее на смену автономизму, позволило решить две коренные проблемы историко-этнографического дискурса. Во-первых, украинская история оказалась встроена в историю имперскую, выступив ее временным (с XIV по середину XVII века) ответвлением, а во-вторых, культурные различия велико- и малороссов снима-

¹ Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1806. С. 130-143. (Первое издание вышло на немецком языке. СПб., 1770).

² [Гильденштедт И.А.] Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-74 гг. / Пер. с нем. М. Шугурова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11. С. 180-228; [Гильденштедт И.А.] Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / Пер. с нем. // Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год. Вып. 5. Отд. 2. Харьков, 1891. С. 85-153.

³ Ср. также этнографические приложения к «Летописному повествованию о Малой России» А.И. Ригельмана, созданные в конце 1780-х гг. (Указ. соч. С. 706-744).

⁴ См. анализ этнографического материала в публикациях XVIII в.: Горленко В.Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII — первой половины XIX ст. Київ: Наукова думка, 1988. С. 21-77.

лись или ослаблялись их общим происхождением, позволявшим рассматривать Украину как колыбель «русскости».

Основой для сближения выступило утверждение в трудах Н.М. Карамзина «традиционной схемы» русской истории или имперского «великого нарратива». Как справедливо констатировал З. Когут, «для Карамзина "российскость" воплощена в самодержавии и государственности, а не в особой территории»¹ и, добавим, этничности. Отталкиваясь от концепции «Синописа» И. Гизеля (1674), автор «Истории государства Российского» прослеживал наследование власти великих князей киевских князьями владимиро-суздальскими, а затем московскими. Логика карамзинской истории строилась на преемственности устойчивой самодержавной власти, в свете которой Южная Русь, территория будущей Малороссии, с XII – XIII века все больше погрязает в междоусобицах, в то время как северная ее часть крепнет благодаря единству сильной княжеской династии. Ко времени монголо-татарского нашествия украинские земли, лишённые, по мысли историографа, цементирующего государственного начала, выпали из истории и вернулись в ее сферу только к XVII веку, к моменту присоединения к Московскому царству, преемницей которого выступила Российская империя. «С такой позиции история Украины выглядела лишь локальным ответвлением русской национальной истории, а украинцы и белорусы – непослушными детьми русской национальной родины»².

В свете этой концепции, популяризация которой осуществлялась, в том числе, харьковскими журналами (статьи И.И. Квитки, М.К. Грибовского, М.Е. Маркова, М.Ф. Берлинского³), попытки утверждения истории Украины XIV-XVII веков как самостоятельного государства, предпринимавшиеся малороссийскими историками XVIII – начала XIX столетия, выглядели маргинальными и отражавшими лишь запоздалую ностальгию по временам ушедшей вольницы. Восходившие к «казацким летописям» хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, П.И. Симоновского, А.И. Ригельмана и другие источники

¹ Когут З. Истоки парадигмы единства: Украина и создание русской национальной истории (1620-е – 1680-е гг.) Режим доступа: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm> [дата обращения 04.02.2014]. См. о роли этнического начала у Н.М. Карамзина и в раннемоде­р­ной российской историографии: Saunders D. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. № 1, January. P. 44-62.

² Когут З. Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / Пер. с англ. // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2006. № 3-4. С. 62.

³ Квитка И.И. О Малой России // Украинский вестник. 1816. № 2. С. 145–156; № 3. С. 304–314; Грибовский М.К. Исторические замечания о Малороссии от смерти Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения // Украинский вестник. 1816. № 4. С. 19–33; № 5. С. 151–168; № 6. С. 265–297; Марков М.Е. Введение в Малороссийскую историю или краткое описание южной части Российского государства во времена древние: как находилась она во владениях Литвы и Польши, как возвратилась России и получила название Малороссии // Украинский вестник. 1817. № 9. С. 249–271; № 10. С. 3–11; Берлинский М.Ф. Описание найденных недавно в Киеве разных старинных золотых и серебряных вещей // Украинский журнал. 1824. № 12. С. 332–338. См. подробнее о роли харьковской журнальной историографии в утверждении украинского регионализма: Журба О.І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002. № 1-3. С. 55-73.

вплоть до «Истории русов» полностью сосредотачивались на местном материале определенного периода и настаивали на коренном различии украинской и русской политической организации, подразумевавшем, помимо прочего, скорее федеративные, договорные, чем унитарные отношения с метрополией. Маргинализации способствовала и архаичная форма подобной историографии, построенная на хроникальном принципе и допускавшая свободное компилирование разнородных источников без их критического рассмотрения и встраивания в единую концепцию¹. Переход к форме обобщающей научной историографии оказался немислим без усвоения новой синтетической стилистики, образцом которой также выступила «История государства Российского».

Малороссийские историки новой волны, принимая карамзинскую схему, стремились заполнить ее лакуны, ввести в поле имперского прошлого события, происходившие на «своей» территории. Самый выразительный образец здесь – фундаментальная «История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче», законченная Д.Н. Бантыш-Каменским к концу 1810-х годов. Ее автор сразу предупреждал читателя:

Как первоначальная малороссийская история соединена совершенно с российской и польскою, я не почел нужным распространяться о сем предмете, а в кратком обозрении изложил первобытное состояние сего края. Подробное же повествование о случившихся в оном происшествиях начал с тех только времен, когда славный козацкий вожьд вознамерился преклонить булаву свою перед могущим скипетром российского самодержца².

В изложении Д.Н. Бантыш-Каменского этап Киевской Руси, уже получивший широкое освещение в карамзинской и посткарамзинской историографии, вовсе не затрагивался, а история украинских земель в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой занимала лишь сорок страниц объемного труда. Написанная по официальному поручению малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина, основное внимание «История Малой России» уделяла политическим событиям на территории Гетманщины, причем с выдвиганием на первый план действий центральной власти. В итоге автору первой систематической, основанной на большом круге источников работы удалось популяризировать украинскую историю, свидетельством чего явился ряд переизданий (1830, 1842), в

¹ См. об их идеологии и структуре: *Sysyn F. The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. № 3/4 (December). P. 593–607; Корпачук М.П. Крайове та козацьке компілятивне літописання як історико-літературне явище. Київ: Літопис-XX, 1997; Лукашова С.С. Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Межрегиональные исследования в общественных науках. Вып. 3. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 151-167; Дзира І.Я. Козацьке літописання 30–80-х рр. XVIII ст.: джерелознавчий та історіографічний аспекти. Київ: [б. и.], 2006.*

² *Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Ч. 1. М.: В типографии С. Селивановского, 1822. С. V.*

первом из которых, заметим, материал был дополнен и включил в себя описание древнего и литовско-польского этапа (т. 1). «Однако в целом, – по оценке З. Когута, – история Бантыш-Каменского была не более чем подробной историей одной из многочисленных провинций России»¹.

Варианты согласования имперской и региональной истории, впрочем, могли существенно различаться. Так, А.И. Мартос в своей неизданной «Истории Украины», не отказываясь от карамзинской схемы, предпочел сосредоточиться на доимперском периоде, как более выразительном с точки зрения местного своеобразия. В его подходе уже вполне чувствовалось стремление к воссозданию через историю национального характера. За сосредоточенность на событийной эмпирике в ущерб телеологичности и национальному колориту, а также за недостаточный показ ответного влияния малороссиян на имперскую культуру (в лице Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.) он как раз и упрекал своего коллегу:

Думаем, что она <«История Малой России». – Т.В.>, конечно, будет приятна Малороссам, потому, что она есть первая подробная <...>. Но скажем, что бывшая Украина, составившая из себя более нежели Черниговскую и Полтавскую губернии, вероятно, потребует другой своей истории, преимущественно до раздробления ее на части <т.е. до вхождения Левобережной Украины в состав Московского царства. – Т.В.>. Она потребует показать причины и начала причин удивительного состава козацкого народа.²

В какой-то степени это стремление к «началам причин» компенсировалось усилиями краеведческой археологии, главным представителем которой выступал М.Ф. Берлинский. Его «История города Киева», написанная еще в конце 1790-х годов, но пришедшая к широкому читателю только в 1820-е годы, отталкивалась от «Синописа» и предвосхищала будущую карамзинскую схему. В своем обзоре автор не ограничивался историей одного города, но вписывал ее в широко понимаемую историю Украины (без членения на Лво- и Правобережную), рассматриваемую с равной подробностью от древности до современности. Этот исторический нарратив, однако, выступал лишь фоном археологического топографического обозрения, позволявшего насытить живым содержанием «киевские древности». В сокращенном издании 1820 года именно археологическая часть явилась центром, а сам Киев представал своеобразным историческим палимпсестом:

Существова почти 18 столетий и находясь во все сие время, так сказать, в средоточии разных народов, из коих каждый действовал на него по владычеству духу того времени, невозможно бы-

¹ *Когут З.* Развитие украинской национальной историографии в Российской империи. С. 65. См. также наблюдения В.В. Кравченко: *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). Харків: Основа, 1996. С. 158–191.

² <Мартос А.И.> История Малой России со времени присоединения к Российскому государству, при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Печатана иждивением сочинителя (Д.Н. Бантыша — Каменского) // *Сын отечества*. 1823. № 3. С. 137-138.

ло ему не измениться, ни в физическом, ни в политическом, ни в нравственном своем существовании. Из первого, от древности, едва остались малые признаки прежнего его бытия <...>.¹

Археологический подход М.Ф. Берлинского, более широкий по историческому охвату, хорошо согласовался с интересами имперской образованной публики, отразившись в нарративных схемах украинских путешествий. В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, И.М. Долгорукий, А.И. Левшин воспринимали современную Малороссию через призму древности, отыскивая в городах и урочищах материальные следы летописных событий, правда, только древнерусских (см. раздел 1.2.2). Одновременно происходило и становление научной имперской археологии, отозвавшейся, в том числе, в украинском этапе экспедиции А.И. Ермолаева, хранителя рукописей Императорской Публичной библиотеки, члена кружка Н.П. Румянцева, который вместе с К.М. Бороздиным произвел первоначальное археологическое описание древностей в Северной России, а в 1810 году Киева и Чернигова. В 1821 году поездку в Киев с археологическими целями предпринял и сам Н.П. Румянец². В 1822 году Евгений (Е.А. Болховитинов), известный библиограф, историк литературы, археограф, став митрополитом Киевским и Галицким, организовал уже полноценные археологические исследования, начавшиеся в 1823 году и продолжившиеся в дальнейшем. В их ходе были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, Золотых ворот и другие остатки домонгольской архитектуры³. Большой вклад в изучение украинской археологии внес с польской стороны А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), при этом он также сосредотачивался на древнерусской истории. В опубликованной на польском языке работе 1818 года «О славянщине до христианства» З. Доленга-Ходаковский впервые наметил программу комплексных исследований славянских народов, а в «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории» (1820) и «Исторической системе Ходаковского» (опубликовано в 1838), опираясь на материалы полевых разысканий, в том числе украинско-белорусских, обосновал принципы междисциплинарного археолого-этнографического подхода к реконструкции древней культуры⁴.

¹ *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. Содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. СПб.: Типография Департамента Народного Просвещения, 1820. С. 29. См. подробнее о методологии и концепции украинского археолога: *Брайчевський М.Ю.* Максим Берлинський та його «Історія міста Києва» // Берлинський М.Ф. Історія міста Києва. Київ: Наукова думка, 1991. С. 5-20.

² См. о впечатлениях этой поездки: Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1882. Кн. 1. С. 1-334.

³ *Ананьева Т.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820-1830-ті рр.) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 освячення. Київ, 1996. С. 15-23.

⁴ См. подробнее об А. Чарноцком и его этнографической системе: *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. III. Этнография малорусская. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. С. 38-87; *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. С. 281-285; *Малаш-Аксамитова Л.А.* Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие. Wrocław, 1967; *Ровнякова Л.Н.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей

Гердеровско-романтическая концепция З. Доленга-Ходаковского, совершив радикальный методологический переворот, обнажила глубинное противоречие, варианты разрешения которого обозначили внутренние вехи в развитии историко-этнографических разысканий 1800 – начала 1820-х годов. Оно заключалось в неразрывной связи регионального своеобразия с образом жизни низших сословий, прежде всего крестьянства. Социокультурная элита Малороссии уже ко второй половине XVIII века перешла к унифицированным русско-европейским бытовым формам. В их свете простонародная культура, сохранившая архаические черты, выступала предметом дистанцированного восприятия. Варианты преодоления этой дистанции определялись как меняющимися мировоззренческими установками (от сентиментально-просветительских к романтическим), так и особенностями дискурса (история как нарратив об элите, этнография как репрезентация простонародья). Данные элементы могли выступать в сложных сочетаниях и порождать весьма причудливые идейно-художественные комбинации, чутко отзывающиеся, в том числе, на политический контекст – наполеоновские войны и «польский вопрос».

Более того, формирующийся русский национализм придал особую актуальность системе различий своего и чужого, обостряя чувствительность имперских авторов к культурным границам. Так, в этнографических описаниях Украины XVIII века местное своеобразие не выступало сигналом инаковости, например, у С.Г. Гмелина, отмечавшего, что «одежда малороссиян от употребляемой в Великой России не во многом отлична» и «язык малороссийский, что до существенности его касается, во всем сходствует с российским»¹. Для путешественников александровской поры подобные различия становятся гораздо более заметны, порождая иногда четкое ощущение чуждости, как в случае И.М. Долгорукого, заметившего в 1810 г. при въезде из Слободской Украины во внутренние малороссийские губернии:

Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волю простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, но по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми. Но так называемая чернь – она определяет живые урочища между царствами, кои политика связывает, и лифляндец всегда будет для России иностранец, хотя он и я одной державе служим.²

XIX в. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. С. 58-94.; *Болтарович З.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. Київ: Наукова думка, 1976.

¹ *Гмелин С.Г.* Указ. соч. С. 139, 140.

² *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2. Отд. 2. С. 64.

И.М. Долгорукий уже последовательно разводит политические и этнические категории, в свете которых общая государственная принадлежность не редуцирует разницы культур. Носителем объединяющего начала выступает в его восприятии административная, а шире – дворянская элита империи, по своему статусу и функциям вынужденная дистанцироваться от национальных корней, что, однако, не отменяет их значимость для «черни».

Показательную параллель здесь составляет восприятие А.И. Левшина, закончившего Харьковский университет и гораздо более тесно связанного с Украиной. Для него малороссийский язык и культура, на нем основанная¹, тоже мыслятся иными, чем великорусские – более простонародными и архаичными, выпавшими из сферы современной цивилизации. А.И. Левшин в этом плане выражает дух нового украинского регионализма, заинтересованного в развитии на европейских началах. Разрыв между элитой и народом, выразившийся в разнице языков, по его мнению, может быть преодолен аккультурацией, совершенствованием местного образования, распространением просвещения, что, однако, проще сделать, полностью перейдя на язык элиты, то есть на русский:

Он <украинский язык. – Т.В.> происходит от древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами; от чего делается почти не понятным великороссиянину. По множеству иностранных выражений и особенных оборотов составляет самое отдаленнейшее наречие языка Российского. Он хотя и не имеет правил, однако ж немногие ученые Малороссияне употребляют его в сочинениях. <...> При всем том, до сего времени он составляет язык народа. Но ежели гении здешней стороны обратят на него внимание свое и образуют оный, ограничив положительными правилами грамматики; тогда Малороссияне в славе ученых произведений своих, может быть, будут состязаться с просвещеннейшими народами Европы. Тщетна надежда сия; ибо нет побудительных причин и самая малая возможность к составлению языка из наречия, оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней стороны².

Тем не менее, при всем своем скепсисе А.И. Левшин, как и его «Письма из Малороссии», уже выступали частью обозначившегося интереса к народным началам. Историко-этнографические исследования помогали сфокусировать его и становились платформой для сознательного конструирования нового этнокультурного образа Украины. В этом процессе можно условно выделить два этапа – сентиментально-руссоистский, сохранявший актуальность до конца 1810-х годов, а рудиментарно отзвывавшийся и позже, и гердеровско-романтический, первые предвестия которого можно заметить еще у А.Ф. Шафонского и Я.М. Марковича, но в полном объеме реализовавшийся у А. Чарноцкого.

¹ См. о принципиальной роли языка как основания культуры в просветительской идеологии, особенно поздней, гердеровской: *Лотман Ю.М.* Слово и язык в культуре Просвещения // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 375-382.

² *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. Харьков: В университетской типографии, 1816. С. 77-78.

2.2.2. Реабилитация простонародной культуры как носителя национального украинского своеобразия

Главным содержанием обоих периодов была переоценка роли простонародья как носителя национального своеобразия. Она, заметим, была столь же актуальной и для формирующегося русского национализма, столкнувшегося со схожей проблемой разрыва между космополитической дворянской элитой и крестьянством, как раз и воплощавшим в себе «народное тело», если воспользоваться руссоистской органицистской метафорой. По мысли В.М. Живова, выход был найден в поиске обобщенных свойств национального характера, объединяющих все сословия: «Обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, то есть, говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности»¹. В случае Малороссии эта формула разрешала проблему лишь частично: она работала на укрепление имперской лояльности и, в ее рамках, региональной идентичности, однако не снимала самих этнокультурных различий, уже достаточно чувствительных, как мы видели, и для имперских, и для местных авторов.

Здесь требовались более сложные дискурсивные конструкции, выраставшие, тем не менее, из того же истока – руссоизма, который в применении к Украине получил к началу XIX века два извода. Первый имел предтечей полонофильскую просветительскую литературу, в особенности «Соображения об образе правления в Польше» (1771) Ж.Ж. Руссо и «Образ правления и законов Польши» (1782) Г. Мабли, где государственное единство Речи Посполитой, уничтоженное в ходе австрийско-прусско-русских разделов, трансформировалось в единство национальное, существующее как бы поверх политических институтов². Хранителем и выразителем его становилась знать и образованное общество, консолидирующее вокруг себя другие сословия. Перенос этой концепции с образа Польши на образ Украины – заслуга старшего поколения традиционалистов, в частности Г.А. Полетики, отстаивавшего идеи малороссийской шляхетской демократии в ходе работы Комиссии по составлению нового уложения. Этот комплекс идей наиболее полно сказался в «Истории русов», созданной на рубеже XVIII – XIX веков³, но в смягченном и ограниченном виде он определил и установки украинской историографии 1800 – начала 1820-х годов, сказавшись, при соответствующем идеологическом переосмыслении, и в использовании украинских исторических сюжетов в декабристской литературе (от Ф.Н. Глинки до К.Ф. Рылеева).

¹ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности. С. 128.

² См. подробнее: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 351-360.

³ См. подробный анализ «Истории русов» с данной точки зрения: Кравченко В.В. «Поема вольного народу» («Історія Русів» та її місце в українській історіографії). Харків: Основа, 1996.

Второй извод руссоизма сосредотачивался на крестьянстве как носителе естественности, близости к природе, патриархальности. Именно он определил образ «народа, поющего и пляшущего», служащего репрезентантом современной Украины в имперской словесности рубежа XVIII – XIX веков. В его содержании, однако, доминировали общие признаки, выражающие универсальные качества неспорченной цивилизацией человеческой природы. «Оставим различные состояния людей, – писал тот же А.И. Левшин, – забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах (т.е. сословиях – Т.В.), и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне – Т.В.)»¹. Взятый в сентиментально-филантропическом качестве украинский простолюдин, однако, в сущности своей мало отличался от русского и не мог выступать средоточием национального единства, по крайней мере, в том смысле, какой ему придавал трактат Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре». Этот крестьянский «народ», кроме того, оказывался еще и изъятым из истории: его сферой являлась природа, а не политика.

Тем самым оба варианта руссоизма вытесняли простонародье на периферию национального дискурса. В историографии это мотивировалось сословными установками и вело свой генезис от хроник XVII – XVIII веков, которые создавались представителями казачьей старшины, чаще всего связанными с гетманской канцелярией. Здесь нужно учитывать, что именно в данную эпоху в украинском обществе происходил интенсивный процесс сословного расслоения и, приближаясь по социальному статусу к российскому дворянству, казачья элита искала идеологическое обоснование своему привилегированному положению. Образцом выступала в первую очередь польская модель, возводившая происхождение шляхты от древних сарматов, что отличало ее от славянского и литовского простонародья. Элементы сарматизма и в целом шляхетской сословной идеологии могли заимствоваться напрямую и переноситься на казачью старшину (наиболее радикально – в «Истории русов»), но могли создаваться по аналогии, формируя мифологизированный образ казачества как особого этноса («казацкого народа»). Разделение казаков и украинцев, в связи с незавершенностью социальной стратификации, так и не приобрело устойчивого характера, однако явилось чертой и многих местных исторических описаний, с особым интересом комментирующих происхождение и особый статус казачества (от Самуила Велички до А.И. Ригельмана), и имперских трудов, в которых, напротив, образ казачества с середины XVIII века последовательно вытеснялся на периферию и заменялся образом идилических малороссиян.

¹ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. С. 65.

Эта традиция оказывала существенное влияние на украинскую историографию вплоть до начала 1820-х годов. Так, А.И. Мартос и Д.Н. Бантыш-Каменский сделали центром своих трудов именно казачество, а в его составе – казацкую старшину. Более того, А.И. Мартос, разделявший методологию А.Л. Шлецера, настаивал на последовательной критике источников и возможно полном учете иностранных свидетельств (Боплан, Шевалье, Шерер и др.), в свете которых даже авторы «казацких летописей» выступали носителями простонародно-архаической культуры и требовали проверки образованным взглядом. «Конечно, Клио не любит скрытности, – писал он в рецензии на «Историю Малой России», – но верны ли записки в манускриптах, доставшихся автору от грамотных простолюдинов?»¹ О конкретном содержании «Истории» А.И. Мартоса судить невозможно, поскольку она осталась неизданной², а рукопись ее утеряна, однако эпистолярные свидетельства говорят об организующей роли предводителей казачества в композиции и нарративе пятитомного труда:

По плану моей истории, она составитя из пяти томов, т.е. до уничтожения гетманства; пятая часть со всеми подробностями революции Мазепиной, извлеченная из источников верных, равномерно давно кончена, следовательно только переделываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержит ход происшествий всех гетманов от Богдана, столь противоположно описанных малороссиянами и хрониками польскими, но становится все занимательнее.³

Официально-академический характер «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского делал ориентацию на гетманов и казацкую элиту еще более заметной. Разделяя мнение казацких летописей, он возводил истоки самобытного общественного устройства Украины к XVI веку, времени правления Стефана Батория, придавшего казачеству регулярный характер и наделившего казацкую старшину особыми привилегиями:

Избранного козаками на его место предводителем князя Богдана Ружинскаго можно почитать первым малороссийским гетманом. При нем король Стефан Баторий даровал козакам, в 1576 году, полное войсковое учреждение, разделив их на полки и сотни, в которые действительно служащие козаки были записаны⁴

Примечательно, однако, что история Запорожской Сечи, сохранившей сугубо военную организацию и тем отделившаяся от украинского казачества в целом, расценивается Д.Н. Бантыш-Каменским негативно. Запорожцы, преследуя свои цели, часто выступают зачинателями смут, переходят на сторону врагов, вносят политическую дезорганизацию.

¹ <Мартос А.И.> История Малой России со времени присоединения к Российскому государству... С. 135.

² За исключением трех отрывков из третьего тома, напечатанных в «Северном архиве» (1822. № 13. С. 1-18; № 14. С. 99-125; 1823. № 6. С. 461-479).

³ Письмо И.Р. Мартосу от середины 1822 г. Цит. по изд.: Лазаревский А. Препежные изыскатели малорусской старины (А.И. Мартос) // Киевская старина. 1895. Т. 48. Февраль. С. 178.

⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Ч. 1. С. XVII.

Реестровое же казачество и близкая к нему по статусу православная шляхта, глубоко интегрированные в общественную систему, рассматриваются как единственный легитимный источник власти, способный защищать страну и принимать правильные политические решения, одним из которых становится договор с Московским царством и, в дальнейшем, верное служение ему:

С сего времени козаки занимают первое место в Истории Малороссийской. Распространяясь на родине своих праотцев, откуда властолюбие принудило их сначала удалиться, они посредством мужества приобрели себе независимость и соделались страшными даже для самых повелителей своих. Между тем как несчастные жители отторженных от России областей, управляемые литовскими законами, стонали под владычеством польских воевод, каштелян и других урядников, поселившиеся на свободных землях козаки судились между собою от своих старшин и имели свои уряды.¹

Основная часть «Истории Малой России» описывает в первую очередь деяния гетманов, смена которых определяет композицию самого труда (ряд от Богдана Хмельницкого до К.Г. Разумовского). Вторжение в события рядового казачества или крестьянства немногочисленны и чаще всего деструктивны, связаны с бунтами («недовольные <...> малороссияне сначала роптали, потом вышли из повиновения, умертвили многих помещиков, ограбили сборщиков податей»²). За исключением казацкой верхушки население Украины описывается Д.Н. Бантыш-Каменским как слабо дифференцированная социальная масса, способная выступать лишь фоном для героев из элиты.

Вытеснение простонародья из исторического дискурса, характерное для украинской историографии 1800-1810-х годов, часто оборачивалось у имперских авторов образом народа без истории. Для целого ряда русских путешественников-археологов, заинтересованных, однако, только в сведениях о древнерусском прошлом, удивительным становилось «беспамятство» простонародья, не сохранившего никаких воспоминаний о местных достопримечательных местах и событиях. Так, А.И. Ермолаев в ходе экспедиции 1810 года сетовал своему начальнику А.Н. Оленину, директору Императорской Публичной Библиотеки:

Писать почти совершенно нечего. Мы путешествуем в стране плодородной, изобильной хлебом, но не древностями; здесь все новое. Этот край долгое время принадлежал Польше или составлял нашу Украину и беспрестанно был подвержен набегам татар, которым не учиться было грабить и жечь, разорять. О древних памятниках ранее Петра Великого и говорить нечего³.

Столь же досадным это представлялось и А.И. Левшину, заметившему при описании Переяславля:

Если бы все предания, переходящие из рода в род, сохранялись между жителями здешними, ежели бы малороссияне были более любопытны, то урочища, могилы и бугры, которых здесь бесчислен-

¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. XIX.

² Там же. Ч. 3. С. 10 (о реакции на выбор гетманом Ивана Мазепы).

³ Документи першої історико-археологічної експедиції в Україну // Київська старовина. 1998. № 3. С. 179.

ное множество, могли бы открыть нам изобильные источники для исторических разысканий и показать истину, опровергнуть многие места в летописях наших, основанные на одних только догадках, часто пустых и нелепых¹.

Подобный разрыв создавал существенную проблему для набирающих силу украинофильских тенденций, вынужденных идти по пути специфического «очищения» исторических первоначал от народного забвения или искажающих наслоений. К этому методу вынужден был прибегнуть в качестве оправдания, например, А.П. Павловский, создатель первой малороссийской грамматики, представляя ее на суд Императорской Академии Наук в 1805 году:

Я слышал вопрос: *«К чему пригодна может быть предлагаемая мною грамматика малороссийского наречия»*. Признаюсь, что вопрос сей для меня тягостен. Филолог <...> захочет в нужном случае употребить малороссийское наречие к разысканию некоторых исторических истин <...>. Читая Историю летописца российского преподобного Нестора, я во многих местах чувствовал, что надобно бы знать язык малороссиян. <...> кто же нам тогда покажет истинный образ наших предков в прошедших временах, если мы не сохраним настоящего образа их мыслей и наречия?²

За «прикладными» мотивациями изучения малороссийской культуры как средства реконструкции древнерусского прошлого чувствовались, тем не менее, уже новые интенции, придающие самостоятельную ценность знакам национального колорита:

Вопрошают: *„нужно ли сохранять различные наречия, которых во всяком языке находится не малое количество? или предать все оные забвению?“* Решительно отвечаю: *нужно сохранять все наречия, сколько бы их ни нашлось, в каком бы ни было, а тем более в нашем отечественном, языке* (здесь и выше курсив автора. – Т.В.).³

Трансформация украинского историко-этнографического дискурса оказалась возможна именно благодаря распространению подобных гердеровских по происхождению идей, переоценивших роль простонародья в создании, сохранении и исторической трансляции национальной культуры, зафиксированной в языке, фольклоре и обрядности. Они отражали некий постоянный, не зависящий от перемены политических обстоятельств народный характер. Через крестьянскую культуру можно было восстановить, а по сути, сконструировать заново сущность этого национального характера и через него национального единства. Это тонко почувствовал Адам Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), призывавший в конце 1810-х гг.:

Необходимо снизойти под кровлю селянина в разных отдаленных краях; надо поспешить на его пир, забавы и различные события жизни. Там, в дыму, носящемся над головами <т.е. в избах, топя-

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 43.

² Павловский А.П. Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1818. С. 112-113.

³ Там же. С. 113-114. См. подробнее о «Грамматике»: Бучко Д.Г. «Словарь малоросійського нарѣчія» О.Павловського // 3 історії української мови: До 150-річчя «Граматики» О. Павловського. Київ: Наукова думка, 1972. С. 91-115.

щихся по-черному. – Т.В.>, витают еще старинные обряды, распеваются древние песни и среди пляски народной слышатся имена забытых богов¹.

Интенсивно развивающаяся в этом направлении малороссийская этнография и археология помогала, в том числе, преодолеть разрыв с историографией, переосмыслив ее в контексте истории не только шляхетской элиты, но народа. Именно поэтому «открытие» в конце 1810-х годов Н.А. Цертелевым исторических песен и дум², репрезентирующих народную версию истории, явилось первым заявлением зрелого имперского украинофильства.

Методологический переворот Ходаковского предполагал выход из узкой сферы документальных источников, связанных с историей и культурой, в пространство фольклорно-языковых и археологических свидетельств. Сам ученый, прежде всего, интересовался древним дописьменным этапом в истории славянства, который в историографии XVIII – начала XIX века, в том числе у Н.М. Карамзина, представал эпохой «баснословной», поскольку летописи или иностранные источники давали о нем отрывочные и разноречивые сведения. Однако именно этот начальный период этногенеза позволял подвести прочный базис под утверждение общности славянских народов. Критика «Истории государства Российского», которую предпринял Ходаковский в ряде печатных трудов (в «Разысканиях касательно русской истории», «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории», «Исторической системе Ходаковского»), заключалась как раз в указаниях на проигнорированный Н.М. Карамзиным этнографо-топографический материал. Собранный в разных районах Украины, Белоруссии, Северной России, он свидетельствовал о целой системе культурно-языковых пересечений, о совокупном славянском космосе. Благодаря ему можно было модернизировать «великий нарратив» имперской истории, включив в него историю славянства в целом – от Вислы до Ладоги. Этот посыл хорошо вписывался в идеологию формирующегося панславизма, разные варианты которого предлагали в политической плоскости официозные установки Священного Союза и федеративные проекты декабристов. Историческому разделению народов (Польша vs Россия) он противопоставлял глубинное этническое единство, средоточием которого оказывалась как раз Украина, славянский «Полдень». Более того, носителем и хранителем

¹ «О славянщине до христианства» (1818). Цит. по кн.: *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. III. Этнография малорусская. С. 74.

² Их активно собирал в этот же период З. Доленга-Ходаковский, однако его записи остались неизданными и были опубликованными лишь в XX веке: *Українські народні пісні в записках Зоріана Доленги – Ходаковського / Упоряд. та передмова О.І. Дея.* Киев: Наукова думка, 1974. См. о раннем собирательском этапе украинской фольклористики: *Дея. О.І.* Сторінки з історії української фольклористики. Київ: Наукова думка, 1975; *Кирдан Б.П.* Собиратели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в. М.: Наука, 1974; *Кирчів Р.* Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) // Народна творчість та етнографія. 2006. № 1. С. 58-64; № 2. С. 27-36.

славянских начал, его древней мудрости, выступало простонародье, не затронутое европейской космополитической культурой:

Что нынешним озарением <т.е. просвещением. – Т.В.> нашим обязаны мы чрезмерному, быть может, подражанию Европе, из того еще не следует, чтоб и наши предки подлежали тому правилу и все чужое имели. Откуда наши добрые ратаи имеют по старым преданиям столько названий разных растений, даже и звезд, чего не имеется и в диалекте нашей учености? Кому ж мы обязаны сокровищем языка нашего; в чем он был прежде попечении, пока вошел, и то не совсем, в известные книги? Если б мы менее руководствовались модою и дворянством, наблюдаемым и в сих отношениях, а заглядывали под соломенную крышу поселянин, которые не изменили столько своим предкам, то наверно ожидать можно, что сокровище мовы нашей более б умножилось¹.

В своих странствованиях Ходаковский на деле воплотил призыв войти в курные избы крестьянства, предвосхитив идеалы будущего народничества, как украинского, так и русского. Для имперской публики 1810 – начала 1820-х годов значимее, однако, был не столь радикальный мотив знакомства с народной жизнью, встречи образованной, но потерявшей корни элиты, с архаичным и сохранившим этническую и нравственную оригинальность простонародьем. В этом плане пафос Ходаковского хорошо вписывался в декабристские поиски народности, в открытие «умного, бодрого нашего народа» (А.С. Грибоедов). Ситуацию такой встречи рисовало и предисловие Н.А. Цертелева к «Опыту собрания старинных малороссийских песен» (1819):

Случай, помогавший многим открытиям, был виновником сего опыта. Нечаянно попался мне слепой бандурист, который подобно древним рапсодам, переходя из одного места в другое, воспевае подвиги отечественных героев. Я описал все, что он знал, и с удовольствием увидел шесть старинных песней, к которым, впоследствии, присоединив и еще четыре таковых же, принял намерение издать оные².

Подразумеваемый коллективный автор «старинных песен», также как и анонимный бандурист у Н.А. Цертелева еще не выступал самоценной фигурой. В предисловии он рисовался вполне стилизованно и реализовал популярную аналогию «Украина – Греция», восходившую к И.Г. Гердеру и И.Х. Энгелю («*Commentatio de republica militari seu comparatio Lacadaemoniorum, Cretenaium et Cosacorum*», «*Geschichte der Ukraine und der*

¹ Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 20. С. 282.

² Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссийских песен. СПб.: Типография К. Крайя, 1819. С. 1. Подобный образ певца или рассказчика из народа неоднократно будет возникать и впоследствии, например, у Н.И. Гнедича в предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» (перевод сборника К.-Ш. Фориеля, СПб., 1825): «Посещавшие полуденную Россию также знают, что не на одной ярмонке, не на одном приходском празднике можно встретить и у нас *слепых нищих* с кобзою за спиною <...>; что песни эти суть не простые, общенародные, или не одни духовные, так называемые народом *псалмы* <...>, но какие-то особенные, в роде большею частию повествовательном, исторические, довольно длинные песнопения. <...> Оставив Малороссию в детстве, я, однако, имел случай слышать пение таких слепцов, и, сколько помню, в песне одного из них, очень длинной, часто упоминалось о *Черном море* и о каком-то *Царе Иване*» (курсив автора. – Т.В.). Цит. по изд.: Гнедич Н.И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 215.

ukrainischen Kosaken») и широко распространившуюся в украинских травелогах. В ее свете малороссийские песни являлись подобием «Илиады», созданным первоначально представителями элиты, но, в отличие от греческого памятника, не сохранившимся во всей полноте содержания и чистоте стиля, а приспособившимся с течением веков к вкусам простонародья: «Правда, что сии памятники народного гения, сохраняясь столь долгое время в изустных преданиях, много испорчены <...>. Это безобразные развалины, свидетельствующие о красоте разрушенного здания!»¹. Смягчая «грубую» стилистику, Н.А. Цертелев опубликовал не аутентичный текст песен, а, по сути, их литературную обработку, нацеленную на то, чтобы передать «пиитический гений народа, дух его, обычаи описываемого времени и, наконец, ту чистую нравственность, которою всегда отличались малороссияне и которую тщательно сохраняют по сие время, как единственное наследие предков своих, уцелевшее от жадности народов, их окружавших!»²

Сам народный взгляд на прошлое для фольклориста уходил на второй план, он сомневался, что «стихотворения сии могут служить объяснением малороссийской истории», для него они являлись скорее образцом «поэзии безыскусственной, естественной»³. Однако подбор текстов говорил и об иной тенденции, согласующейся с декабристским стремлением отыскивать в истории и народной поэзии сюжеты гражданственные, патриотические:

Невозможно, думал я, что бы живое воображение малороссиян не воспламенилось чудными переворотами претерпенными отечеством их; невозможно, чтобы люди умеющие ценить прелесть спокойствия, не были поражены буйством татарских набегов. Предметы ужасные всегда поражают нас ранее приятных; эпохи бедствий и кровопролитий предшествуют истинной славе народов.⁴

В результате в сборник были включены, прежде всего, думы и исторические песни с героическими сюжетами, живописующие события военных походов («О походе гетмана Богдана Хмельницкого в Молдавию»), стоическую смерть защитника отечества («О смерти Ивана Коновченка или о походе козаков против Татар», «Смерть козака Федора Безродного») или подвиги казаков («О побеге трех братьев из города Азова»). Их дополняли рефлексии на политическую историю Гетманщины, связанные с ее центральными персонажами – Богданом Хмельницким и Иваном Мазепой («О хитрости употребленной Богданом Хмельницким к открытию сношений Барабаша с Поляками», «О смерти Гетмана Богдана Хмельницкого и избрании в гетманы сына его Юрия», «О измене гетмана Мазепы»). Песни лирического характера представлены всего тремя текстами «О Алексее Поповиче или о буре претерпенной козаками в Черном море», «Тоска сестры в разлуке с братом»,

¹ Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссийских песен. С. 5.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 2.

«Отъезд козака из родины», тоже имевшими патриотический подтекст, демонстрировавшими переплетение интимных чувства с тяготами военной казацкой жизни, с любовью к родине и тоской по ней.

Тем самым этнографическое стремление передать народный колорит, «дух народа», соединилось в «Опыте собрания старинных малороссийских песен» с историческим началом, с образом «казацкого народа», вполне сохранившим память о своем прошлом. Более того, Н.А. Цертелев, подобно Ходаковскому, этот народно-исторический субстрат попытался включить в последующих своих разысканиях в общерусский («Взгляд на старинные русские сказки и песни», «О произведениях древней русской поэзии», «О стихосложении старинных русских песен» – все 1820; «О народной поэзии», 1823), а затем и общеславянский контекст. В 1824 году им была помещена в «Северном архиве» рецензия на сборник славянских песен Ф.Л. Челяковского «*Slowanskè narodni Pìsnè*» (Prague, 1822), где Н.А. Цертелев особо отметил лакуны в материале, свидетельствующие о недооценке роли украинцев в славянском мире:

Странно, что отделение сие столь бедно тогда, когда оно могло быть одним из богатейших, ибо ни одно, может быть, из наречий языка славянского не имеет столько разнообразных прелестных стихотворений, как наречие малороссийское¹.

Для фольклориста это было принижением и российского начала, мыслящегося как объединяющее, «старшее»:

Нам русским, старшим потомкам славян, стыдно уступить в любви к народной славе сербам и богемцам, стыдно не заботиться о памятниках слова дедов наших и имея еще возможность передать внукам и правнукам своим дух народной поэзии, с каждым днем более и более умирающей, совершенно не радеть о том².

Эта борьба за «главенство» в славянском мире, проецируемая на различные стороны культуры – от системы образования и книгоиздательской практики до истории и этнографии, являлась частью идеологических полемик 1800 – начала 1820-х годов, глубоко повлиявших на образ Украины в имперской словесности и требующих отдельного рассмотрения.

¹ Цертелев Н.А. Славянские песни различных наречий // Северный архив. 1824. Ч. IX. № 2. С. 111.

² Там же. С. 112.

2.3. «Певец! издревле меж собою враждуют наши племена»: образ Украины в контексте культурно-идеологического соперничества Польши и России

2.3.1. Польский ассимиляционный проект и образ полонизированной Украины в русской литературе первой четверти XIX века

На рубеже XVIII и XIX века успешная интеграция Малороссии в социально-политическое и культурное пространство империи оказалась существенно проблематизирована новыми обстоятельствами – присоединением Правобережной Украины в ходе разделов Речи Посполитой 1792 и 1795 годов. Тем самым Левобережная Украина, прежний рубеж Российской империи, превратилась во внутреннюю область, что усиливало объединяющие связи и делало эфемерной надежду на восстановление автономии. Но, с другой стороны, Малороссия теперь должна была выполнять роль культурно-политического посредника, своеобразного буфера в отношениях империи с еще не ассимилированным и, более того, сопротивляющимся русификации населением. Так, вроде бы уже снятый «украинский вопрос» соединился с «польским вопросом» и вызвал к жизни целый ряд новых проблем, существенно сказавшихся на образе Малороссии.

Прежде всего, это была проблема польского наследия в истории, социально-политической организации, культуре. Его оценка и характеристика находилась в тесной зависимости от двух конкурирующих идеологий – имперской и польской, вступивших в своеобразную борьбу за Украину. Суть их обозначилась уже в ходе разделов Речи Посполитой, где Екатерина II явилась в роли защитницы православного населения (диссидентов) и апеллировала к единству украинских и русских земель со времен Древнего Киева: «<...> ни одной пяди земли “древней”, настоящей Польши не взяла и не хотела приобретать <...>. России <...> населенные поляками земли не нужны»¹. Акт аннексии воспринимался в подобном контексте как восстановление исторической справедливости и, более того, как своеобразная месть за польскую интервенцию Смутного времени. Эти мотивы были развиты, в том числе, в многочисленных одах, посвященных разгрому восстания Т. Костюшко и взятию Варшавы А.В. Суворовым («На взятие Варшавы» Г.Р. Державина, «Солдатская песнь на взятие Варшавы» Н.А. Львова, «Эпистола на взятие Варшавы» Е.И. Кострова, «Пean, или Песнь на победы <...> над мятежниками польскими <...>» Г.Р. Рубана, «Ода на покорение Польши» А. С. Шишкова, «Глас патриота на взятие Варшавы»

¹ Цит. по кн.: *Тарле Е.В.* Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. М.: [б.и.], 1945. С. 19-20. См. подробный анализ российской дипломатии разделов и ее идеологических обоснований: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002; *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756 – 1768 гг. М.: Индрик, 2004.

И.И. Дмитриева и т. д).¹ Характерный образец здесь – «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи» И.И. Дмитриева (1795):

Всяк подвиг божеству возможен,
Бессмертна! нет тебе препон!
Еще венец к венцам приложен,
Еще возвысился твой трон!
Брать крепки грады россам мало, —
Рекла — и царства вдруг не стало!
<...> Но что? И ты, страна блаженна,
С цветущих двинских берегов,
Венком оливным увязенна,
И ты среди твоих сынов
Чело покорное склоняешь?
И ты, Курляндия, желаешь
Екатерины дочерью быть?
О радость! о восторг! о слава!
Красуйся, Росская держава!²

Канонический вид «польскому» идеологическому комплексу (древнее единство, конфессиональная и этническая общность, воздаяние за интервенцию) придал Н.М. Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине Великой» (1802), где нарисовал образ деградирующей от анархического республиканства Речи Посполитой и противопоставил ей мощную государственность России, правомочного владельца незаконно отторгнутых («давно ли она, пользуясь его (Российского государства) изнеможением, хищною рукою хватала в свое подданство целые княжества российские?³»), находящихся в небрежении и, более того, дискриминируемых украинско-литовских земель: «Монархиня, взяла в Польше только древнее наше достояние, и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством. <...> Полотск и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостью возвращаются в недра счастливого родительского семейства»⁴.

«Возвращенные» провинции необходимо было интегрировать в имперское пространство. В реализации этого проекта на стороне России была политическая сила, этно-религиозное родство, привлекательность ассимиляции, открывающей дворянской элите Правобережной Украины новые социальные перспективы. Но и у разделенной Польши были свои возможности, которые поддерживала давняя историческая близость, многочисленность и национальная мобилизованность шляхты (5% населения против 1% в Велико-

¹ См. о них: *Хореев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. С. 35–38.

² *Дмитриев И.И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. С. 313-314.

³ *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 290.

⁴ Там же. См. подробнее о карамзинской концепции: *Nowak A.* Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kракув: Wydawnictwo Arcana, 2004. P. 70-76; *Аржакова Л.М.* Этатизм и ранняя российская полонистика // Власть и культура / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 211-243.

россии¹), энтузиазм в проведении полонизации. Последний вырос из идеологии Речи Посполитой, в последний период существования искавшей пути внутренней интеграции, создания из полиэтничного населения (поляки, литовцы, украинцы, белорусы и др.) единой нации. Деятели польского Просвещения, в том числе Т. Костюшко и Г. Коллонтай, неременной предпосылкой для создания нового демократического общества считали распространение польского языка и культуры².

Основой этой идеологии выступала мысль о национальной одноприродности «крегов» (этнических провинций) и Коронной Польши, после разделов превратившаяся в разветвленную мифологию, питательную почву польского украинофильства, с образом идиллического единства культур в центре. Как констатировал А.И. Миллер, «украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой, а украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключаящая Украину из польского мира»³. Одним из ранних воплощений подобной мифологии выступили многоязычные «Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сарматии и славянах» (1795) Я. Потоцкого, где, в том числе, обосновывалось общее скифско-сарматское происхождение украинцев и поляков и их отличие от русских, и статья «О названии Украина и зарождении казачества» («О nazwisku Ukrainy i początku kozaków», 1801, опубл. 1843) Т. Чацкого, в которой общий этногенез возводился к племени укров, переселившихся в VII веке из-за Волги. В какой-то степени Т. Чацкий выступил учителем А. Чарноцкого (З. Доленга-Ходаковского), отказавшегося от сарматской теории, но развившего концепцию общего славянского мира с генетически единым языком, мифологией, культурой (см. выше). По пути А. Чарноцкого пошло со второй половины 1820 – 1830-х годов целое поколение польских украинофилов – Д.И. Зубрицкий, К. Бродзинский, В. Залесский, Ж. Паули, Л. Голембовский и др., занявшихся собиранием и публикацией фольклорно-этнографического материала⁴.

¹ См. данные, приводимые в ст.: Кабузан В.М., Троцкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 164.

² См. подробнее о политике Речи Посполитой в Правобережной Украине в конце XVIII в. и социально-политических процессах в среде местной шляхты, мещанства и крестьянства: Яковенко Н.М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Генеза, 1997. С. 308-345. См. также о языковой стратегии в регионе: Остапчук О.А. Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII – первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: [б.и.], 2005. С. 53-92.

³ Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина 19 века). М.: Алетей, 2000. С. 53.

⁴ См. обзор польско-украинской фольклористики: Азадовский М.К. История русской фольклористики. С. 278-288; Юзвенко В.А. Українська народна поетична творчість у польській фольклористіці XIX ст. Київ: Вид-во АН УРСР, 1961; Болтарович З. Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст.; Дем'ян Г. Українська фольклористика в Галичині кінця XVIII – початку XIX ст. Львів: Видавнича фірма «Афіша», 2004.

При том, что в свое время планомерную полонизацию «кресов» Речи Посполитой провести не удалось, они представляли собой чрезвычайно специфичную социокультурную систему, по сути, гибридную. Так, основное население Правобережья составляли этнические украинцы, главным образом крестьяне, которые в сословной иерархии занимали самое низкое место и не имели собственной национальной идентификации. Ее заменой выступал культурный консерватизм – приверженность традиционной вере (православию и униатству, воспринятому в большинстве поверхностно, на уровне внешней обрядности¹), языку и обычаям, проводившая социальные границы с элитой и питавшая часто бунтарские настроения (гайдамаки, Колиивщина), но не имевшая сепаратистских акцентов.

Заметим, что, несмотря на идеологию защиты этнически близкого украинского населения, заявленную в ходе разделов, после присоединения к России социальный статус крестьянства остался неизменным, также как и его идентичность. Не приобрел существенного развития и посыл о защите «народного» православия, в том числе отмена унии. Так, в 1794 году Н.Н. Бантыш-Каменский получил от Екатерины II поручение собрать необходимые документы об истории униатства, но после разделов этот материал, также как и «Дипломатическое собрание дел между российским и польским дворами, с самого оных начала по 1700 г.», составленное еще в 1780-х годах, остался политически невостребованным и был издан лишь в 1805 году.² В свой труд помимо исторического описания ученый включил обширное приложение с «Перечнем обидам, насильствам и мучительствам, чинимым в Польше и Литве греко-российского исповедания людям от римлян и униатов с 1700 года», «Реестром монастырей и церквей греко-российской веры, в разные времена в унию насильно отнятых» и «Запиской, учиненной пр. Георгием Конисским, архиепископом Могилевским о отнятых во время его тамо епископства и обращенных в унию церквях с показанием, каким именно насилем и коварством оное последовало отнятие». При столь мощном обосновании после первой волны возвращения униатов в православие сразу после разделов последовательной политики в этом направлении не велось и, более того, специально защищались права католиков³.

Колоритный пример подобной католической экспансии попался на глаза И.М. Долгорукому во время его путешествия 1817 года:

Польская шляхта, присоединенная к Киевской губернии, задумала построить костел, т.е. своего католического исповедания церковь, и посвятить ее Александру Невскому, которого у них и в святцах

¹ См. подробнее: *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. С. 337-341. Ср. также: *Огієнко І.І.* Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви: У 2 т.: Т. 1-2. К.: Україна, 1993. Т. 2. Гл. XII, XIII (первое издание: Прага, 1942).

² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной через два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении <...>. М.: В Синодальной типографии, 1805.

³ См. о религиозной политике 1800-1820-х гг. в Правобережной Украине: *Романчук А.* Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы. URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/553--xix-.html> (19.03.2014).

нет. <...> прочие обыватели Малороссии, владеющие именем в Киевской губернии, должны были дать, что назначено с души, на постройку костела. Роптали, но платили <...>. Вот до чего дошла в наш век препрославленная терпимость, что уж христианин греческой церкви должен поневоле вспомоществовать построению чужого храма <...>.¹

Распространенность католичества и униатства отмечал И.М. Долгорукий и ранее, иронически преподнося это как результат толерантности нового века, хотя она была следствием вполне очевидной правительственной установки на поддержание status quo в отношениях с местной элитой:

Чем ближе мы подъезжаем к Киеву, тем более находим разноверцев. Все приобретенные от Польши губернии наполнены униатами и католиками разных орденов, все они по-своему кланяются творцу и нам не препятствуют то же делать. Счастливые плоды терпимости, которыми род человеческий обязан просвещенному нынешнему веку!²

Правобережная элита в лице многочисленной шляхты, основной адресат имперской политики и второй компонент гибридной социокультурной системы, в начале XIX века была на 90% польской и определяла уклад общественной жизни. Идеалы дворянской демократии и самоуправления, польские формы социального поведения, проникнутые духом сарматизма, польский язык и искусство, в том числе литература, являлись для шляхты элементами региональной самоидентификации, органичной для «кресов» Речи Посполитой. Подобный этос, широко представленный, в том числе, в воспоминаниях украинских шляхтичей конца XVIII – первой половины XIX века (Г. Олизара, М.С. Чайковского, П.Д. Селецкого и др.³), выразительно охарактеризовала Н.Н. Яковенко:

Безсумнівною престижністю користувався «ставропольський» тип шляхтича – втілення чеснот справжнього сармата – хороброго воїна, вірного сина вітчизни, безхитрісного адепта *золотих вольностей*, якого з рештою шляхти єднають ідеали рівності й *братерства крові*. <...> тут панують однакові стандарти вартостей, серед яких головна роль відведена чоловічим забавам – полюванню, пияцтву і *політиці*, тобто участі в сеймикових з'їздах, головних осередках провінційного публічного життя. Інший же бік сарматських чеснот являв собою наївну Глорифікацію старовини, загумінковий консерватизм і загальнокультурну обмеженість, надійно відгороджену від світу схоластичною риторикою єзуїтської шкільної освіти <курсив автора. – Т.В.>.⁴

Приверженность польскому, заметим, не мешала многим шляхтичам, в том числе магнатам, исповедовать казацкий дух и вольности, показательный образец чего предлагают, например, воспоминания М.С. Чайковского о своем деде Михаиле Глембоцком: «Он

¹ Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1870. Кн. 2. Отд. 2. С. 138.

² Там же. С. 75-76.

³ Олизар Г. Мемуары графа Олизара. Пер. с польск. А. Копылова // Русский вестник. 1893. № 8. С. 1-41; № 9. С. 101-132 (Оригинал: Olizar G. Pamiętniki. 1798-1865. Lwow, 1892); Чайковский М.С. Записки. Пер. с польского Турцевич и В.В. Тимошук // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 161-184; № 12. С. 149-187; 1896. Т. 85. № 1. С. 163-176 и далее в следующих номерах; Селецкий П.Д. Записки. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкаго, 1884.

⁴ Яковенко Н.М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. С. 319.

относился к казакам как грозный шляхтич, к ляхам – как гордый казак; к русским и немцам – как непримиримый поляк»¹. Подобная многовекторная идентичность вполне способна была примениться к российским условиям, что определяло в целом лояльное отношение польско-украинской элиты к империи. Так, Станислав Щенсны Потоцкий, неофициальный глава Тарговицкой конфедерации и один из идеологов польского раздела, писал в конце 1790-х годов: «Не стану больше говорить о прежней Польше и поляках. Исчезло и это имя, как исчезло столько других в истории, я уже чувствую себя навсегда русским»². Это мнение, кто добровольно, а больше поневоле, могли высказать многие шляхтичи, вынужденные принять российское доминирование – в обмен на определенные преференции власти, имущественные, карьерные, социальные.

За первые десятилетия XIX века гибридная социокультурная ситуация, сложившаяся еще в составе Речи Посполитой (украинское крестьянство / полонизированная шляхта), мало изменилась, свидетельствуя о своеобразной консервации этно-сословных разделений с их сложившимися идентичностями, что констатировал А.Г. Глаголев в 1823 году, проезжая через Правобережье по пути в Европу:

Народонаселение Волыни и Подолии преимущественно состоит из трех племен: русских (в их число автор включал и украинцев. – Т.А.), поляков и евреев. Каждое из них исповедует особую веру и, что всего примечательнее, занимает особую степень в гражданском обществе. Все, называющие себя поляками <...>, находятся в шляхетском или духовном звании; евреи составляют среднее сословие, т.е. купечество и мещанство; а русские <...> принадлежат к низшему разряду общества: к крестьянам и вообще черни. Нельзя не заметить в этом следов политики прежнего польского правительства <...>.³

Это социокультурное наследие составило серьезную проблему для империи. Ее решение не вылилось в системные усилия по ассимиляции, как было во второй половине XVIII века с Гетманщиной, и представляло собой до событий 1830-1831 годов ряд отдельных социально-политических мероприятий, главным из которых являлось уже испытанное средство. Взамен лояльности представители польской шляхты получали возможность войти в состав дворянской элиты империи, а также право принимать участие в административно-политической деятельности – как местной, так и общероссийской. Последним активно воспользовались многие выходцы из шляхетских семей, тесно связанных с Россией еще со второй половины XVIII века (блестящая петербургская карьера Адама и Константина Чарторыйских, Яна, Станислава и Щенсны Потоцких, М. Огинского, Ф.К. Браницкого и др., в культурной сфере – живописца А. Орловского, композитора Ю. Козлов-

¹ Чайковский М.С. Записки // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 162.

² Цит. по изд.: Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 76-77.

³ Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год. Ч. 1. Россия. Австрия. СПб.: В типографии Императорской Российской Академии, 1837. С. 122-123.

ского, пианистки М. Шимановской и пр.)¹. Кроме того, российское правительство брало на себя обязательство защиты земельных владений польской шляхты, контроль над подчинением крестьян (указы от 27 сентября 1793 года, 20 октября и 14 декабря 1794 года) и сохранение местных сословных прав и свобод, реализуемых, в том числе, через систему дворянского самоуправления в виде шляхетских собраний, совмещавших судебные и управленческие функции (их деятельность регламентировалась указом от 3 марта 1805 года). Подобный отказ от глубокой русификации поддерживал влияние польских социокультурных форм, распространенных не только в Правобережной Украине, но и в пограничных регионах, в особенности в Киевской губернии, где по переписи 1811 года жило 1172 русских и 43 тысячи польских дворян².

Польский облик региона фиксировали имперские путешествия. Так, И.М. Долгорукий поражался в 1810 году многочисленности и амбициозности польских помещиков в Киеве:

Все знают, что такое Контракты: они начинаются в генваре и продолжаются недели три. В эту бешеную пору <...> поляки наезжают кучами отвсюда для своих продаж, разменов, аренд и откупов. Из карманов их посыплются кучи золота, и я видел такие дома, которые невероятный дают хозяину доход <...>.³

Не укрылось от его внимания и фактическое отсутствие мер русификации в среде шляхты: («Я не утаю примечания, общего между помещиками русскими, что поляки детей своих не учат по-русски и, кажется, будто местона начальники на это смотрят но»⁴), что, впрочем, путешественник извинял сложностью управления многонациональным регионом:

Губерния наполнена всяким народом: в ней поляки, малороссы (хохлы) и россияне; разность прав, нравов и обычаев каждого из них наносят служащим большие хлопоты и затруднения⁵.

В 1817 году, после второго путешествия в Украину, И.М. Долгорукий высказался более определенно, сетуя на «странную» политику правительства, не идущего по пути унификации, а, наоборот, оставляющего полякам слишком большие свободы – в ущерб малороссийской элите, мыслящейся уже как русская:

Прежде отторженные провинции польские вступали в права и преимущество и под закон той державы, которая их к себе присоединила: ныне, напротив, не только оставлены права и законы тем об-

¹ См. о столичных карьерах поляков в первой трети XIX века: *Bazyłow L. Polacy w Petersburgu*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984; *Chwalba A. Polacy w służbie Moskali*. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999; *Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax ; Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000.

² Такое соотношение – результат причисления в 1796 г. к Киевской губернии «достаточного количества душ» (Подольские епархиальные ведомости. 1875. № 4. С. 133) с территории новоучреждаемых Подольской и Волынской губерний.

³ *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 3. Отд. 2. С. 262.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Там же. С. 261.

ластям, в коих одни живут поляки, но и в самой древней российской провинции, Киевской, введены польские суды, статуты и язык, потому только, что несколько поветов вошли в состав ее из земель польских, и вместо того, чтоб заставить поляков плясать по дудке русской, россияне, живущие здесь вместе с ними, должны подлаживаться под их учреждения и обучаться их языку, когда, как выше сказано, поляк по-русски не хочет и говорить.¹

Даже запоздалые усилия по русификации западных губерний, в том числе пограничных территорий Левобережной Украины, начавшиеся после польского восстания 1830-1831 годов, мало сказались на их социокультурном облике. Выразительную картину Киева в этом контексте оставил С.А. Маслов, ученый, секретарь Императорского московского общества сельского хозяйства и учредитель «Земледельческого журнала»:

Станным однакож показалось мне смешение русских с поляками; даже и на гулянье заметно, что между ими еще не совершилось однородного сродства. Вообще Киев в гражданском быту носит на себе отпечаток польских нравов <...>. Между жителями чаще слышится польский, нежели русский язык, и не будь в Киеве русской святыни, которая в нем владычествует и привлекает к себе сердца россиян, тогда это был бы не более как завоеванный от Польши город².

Меры правительства по интеграции Правобережья не стоит, однако, преуменьшать. Их наиболее наглядную картину создал в ряде исследований Даниэль Бовуа, проанализировавший шаги имперской администрации по контролю над местным дворянским самоуправлением, проекты по включению многочисленной малоземельной и безземельной шляхты, специфически польского феномена, в российскую сословную структуру, усилия по реорганизации помещичьего землевладения. В итоге, резюмировал французский ученый, «несмотря на существование определенного диалога <...> необходимо признать, что в целом на протяжении всего периода с 1793 по 1830 г. шляхта на Украине была скорее объектом манипулирования со стороны российских властей и не выступала в качестве политически активного субъекта»³.

Вытеснение из политики не означало, однако, ухода из украинского социокультурного пространства. Главным орудием полонизации выступила система образования, получение которого для польской шляхты, также как и для бывшего малороссийского казачества, было и элементом престижа, и – в случае мелкого и безземельного дворянства – едва ли не единственным социальным лифтом. Общность интересов способствовала в 1800-1810-х годах развитию школ, где образование проходило на польском языке и с набором дисциплин и программ, утвержденных еще Эдукационной комиссией (1773-1776). Знаменательно, что идеологом полонизации выступал тот же Гуго Коллонтай, после освобождения

¹ Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1870. Кн. 2. Отд. 2. С. 150-151.

² Маслов С.А. Путевые заметки при поездке из Москвы в Киев, Харьков и Воронеж // Земледельческий журнал. 1839. № 4. С. 61.

³ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793-1914. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 249.

дения из австрийской тюрьмы поселившийся в Волыни и активно переписывавшийся с Т. Чацким. С его точки зрения, образование должно было укреплять польскую идею не только в среде шляхты, но и формировать соответствующую идентичность в низших сословиях:

Języka rossyjskiego nie umieściam w szkole parafialnej, bo pospólstwo tego języka nie potrzebuje w sposób uczony, w sposób zaś wulgarny posiada go tyle że się może rozmówić z rodowitym Rossyanem. Gdybyśmy zaś chcieli dawać książki dla nauczyciela i ludu w tym języku, nie rozumielibyśmy się ani z ludem, ani z nauczycielem, nie rozumielibyśmy książek <...>; prócz tego na co się zda, żeбу lud nas, a my ludu nie rozumieli¹.

Империи, только приступившей к реформе образования и, по сути, пошедшей по пути Речи Посполитой, на определенном этапе выгоднее было принять польское наследие в готовом виде, создав единый Виленский учебный округ (Подолье, Волынь, малороссийские, белорусские и литовские губернии) под попечительством А.Е. Чарторыйского и инспектированием неутомимого ревнителя польского просвещения Т. Чацкого². Благодаря его усилиям и поддержке польской шляхты как в Петербурге, так и на местах, вскоре были открыты новые учебные заведения (Волынская гимназия в Кременце, мужская Подольская гимназия и др.). В них, также как и в старые школы, не исключая русские гимназии и Харьковский университет, пришли многие преподаватели из Вильно и из присоединенного позже Царства Польского, откуда доставлялась, кроме того, литература, формировались библиотеки. Увеличилось и количество ординарных польских школ (в Бердичеве, Меджибоже, Клевани, Теофильполе и др.). Этой образовательной экспансии правительство стало противопоставлять ограничительные меры лишь к началу 1820-х годов, а к решительной русификации образования приступило только после событий 1830-1831 годов.

Польский облик украинских школ и гимназий отразился в художественной прозе и путешествиях 1800-1820-х годов.³ Этот элемент образа Украины стал настолько устойчи-

¹ Русский язык я бы не давал в приходской школе, простонародью этому языку не надобно учиться, он его знает настолько, что сможет объясниться с коренным русским. Если же давать книги учителям и люду на этом языке, то мы не сможем понимать ни люда, ни учителей, не поймем мы и этих книг <...>; к чему это приведет, если люда нас, а мы люда понимать не будем? (Hugona Kołłataja korespondencya listowna z Tadeuszem Czackim, wizytatorem nadzwyczajnym szkół, w guberniach wołyńskiej, podolskiej i kijowskiej, przedsięwzięta w celu urzędzenia instytucyj naukowych i pomnożenia oświecenia publicznego w trzech rzeczonych guberniach. Kraków: Drukarnia Uniwersytecka, 1844. Т. 2. S. 334; письмо от 1 февраля 1804 г.)

² См. об их деятельности подробнее: *Ролле М.* Афины Волыньские: Очерк по истории образования в Польше. Киев, 2007 (репринт изд: *Rolle Michał.* Ateny Wołyńskie. Szkic z dziejów oświaty w Polsce. Wyd. II. Lwow; Warszawa; Krakow, 1923); *Zawadzki W.H.* The Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795-1831. Oxford: Clarendon, 1993; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. С. 249-294; *Булкина И.* «Известная фамилия»: польский патриот граф Фаддей Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia.* XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 250-264.

³ Более всего в дневнике И.М. Долгорукого, оставившего колоритное описание ряда учебных заведений: Каменецкой гимназии (*Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года. С. 244-245), гимназии в Каневе (*Долгорукий И.М.* Дневник путешествия в Киев 1817 г. С. 70) и др.

вым, что бурсак или студент воспринимался в качестве неперменного персонажа, черты местного колорита. Одним из первых для имперской публики его подробно разработал В.Т. Нарезный в авантюрной повести «Бурсак» (1822, опубл. 1824), действие которой отнесено к эпохе Богдана Хмельницкого («Гетман, согласясь с послами царя российского, положили неперменную обязанностью освободить Малороссию из-под ига польского»¹), но весь бытовой фон и социокультурные обстоятельства являлись, по сути, современными, о чем говорит хотя бы то, что дьячок Варух отправляет своего сына Неона в Переяславский коллегиум (позднее Полтавско-Переяславский), основанный в 1738 году. Там отец оставляет его, «снабдя <...> соломенным мешком и какою-то латинскою книгою на польском языке и благословя гривною денег» (С. 11). Вскоре Неон начинает обучение:

Меня отвели в надлежащий класс, где и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менее нежели в час прозорливый учитель, католический монах, догадался, что я церковные книги читал столько же проворно и внятно, как стихарный дьячок, а посему дальнейшее в сем упражнении признано излишним, а советовали мне всеми силами налечь на изучение языков латинского и польского (С. 13).

После нескольких лет учебы и смерти родителя Неон, оказавшийся на самом деле подброшенным шляхтичем (как рассказал ему Варух: «Под подушкой в корзине нашел я записку, не знаю, на латинском или на польском языке, и более ничего, что бы могло обнаруживать о происхождении младенца» (С. 37), оказывается в столь же полонизированной обстановке. Его возлюбленной становится «молодая вдова Неонилла, воспитанная в Киеве на польский образец» (С. 53), его покровителем является Мемнон, «мужчина лет под пятьдесят в дорогом польском платье» (С. 43), а окружение составляют дочь последнего Мелитина, которая «играла на лютне и пела прелестно на малороссийском и польском языках» (С. 48), и другие шляхтичи, толпящиеся, в том числе, в приемной гетмана, где Неона, желающего послужить отчизне, поначалу принимают презрительно:

– Это, – сказал пожилой польский сановник, – по-видимому, какой-нибудь малороссийский шляхтич, который приехал ко двору предложить посильные услуги, лишь бы его одели, дали клячу и – кусок черного хлеба (С. 145).

2.3.2. Борьба за «кресы» в российском художественно-публицистическом дискурсе александровской эпохи

Конкуренция двух социокультурных проектов, польского и русского, совершалась в условиях, не благоприятствовавших мирному соревнованию. Наполеоновские войны выступали постоянным фоном польского вопроса и оказывали влияние не только на поли-

¹ Нарезный В.Т. Избранные сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 65.

тические процессы на Правобережье, но и на образ Украины в имперском общественном сознании и словесности. В Польше Наполеона приветствовали как освободителя, поскольку обещания французского императора соответствовали чаяниям местных патриотов. После образования в 1807 году Великого Герцогства Варшавского, утверждения его конституции и избрания парламента эти надежды, казалось, начали воплощаться в жизнь, став источником польского мифа о Наполеоне¹. Как отмечал польский историк С. Меллер, «польское участие в борьбе Франции и России полно парадоксов, <...> поляки пошли не столько за самим Наполеоном, сколько за Наполеоном, сражающимся с Россией, – в надежде, что его победа позволит вернуться к прежнему государству и обществу, объединенному независимой Речью Посполитой»².

Российское правительство вынуждено было включиться в борьбу за лояльность недавно присоединенных подданных Правобережья, которые в противном случае могли активно поддержать наполеоновскую армию, как это случилось в самой Польше, выставившей 83,5 тысяч солдат, в том числе 37-тысячный Пятый армейский корпус под командованием Ю. Понятовского³. Частично это и произошло: многие выходцы магнатских семей с личным ополчением, а также представители мелкой шляхты Волыни и Подолья отправились в Герцогство Варшавское и приняли участие в военной компании 1812 года. Ответом на политику Наполеона явились как репрессивные меры, конфискация имений перебежчиков, волнами проходившая с 1809 года и закончившаяся только в 1813 году, после победы, усиление полицейского контроля, высылка неблагонадежных лиц, увеличение российского военного корпуса, так и попытки укрепить лояльность, распространяя уверенность в будущем восстановлении Польши. Публичные заявления М.И. Кутузова и манифест Александра I «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России» от 12 декабря 1812 года опирались на ряд проектов еще предвоенного и военного времени о восстановлении польской автономии и, в том числе, возвращении в состав Польши украинских земель (записки А. Чарторыйского, М.Б. Барклая де Толли, К. Фуля, М.К. Огинского)⁴.

¹ См. его анализ в ст.: *Мусиенко С.Ф.* Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004. С. 190-204; *Гончар С.В.* Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. Гродно: ЧПУП «Издательство «Ламарк», 2010. С. 99-107; *Фалькович С.М.* Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 74-77.

² *Meller St. Rok 1812 – polska data // Mowią wieki. Kampania rosyjska Napoleona. Ow rok 1812. Numer specjalny.* Warszawa, 2002. S. 7.

³ Данные, приведенные в ст.: *Неуважный А., Васильев А.А.* Польские войска Великой армии // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 579-580.

⁴ См. их обзор: *Лукашевич А.М.* Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810-1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы международной научной

Подобная борьба за лояльность ошутимо сказывалась на спектре тем и образов, связанных с Украиной, причем не только Правобережной, польской. Одним из индикаторов здесь являлись оды, посвященные украинскому / польскому ополчению и победам той или иной стороны в войне 1812 года. Н.М. Филатова приводит целый ряд стихотворных откликов, опубликованных в центральной прессе Герцогства Варшавского, в частности, в «Gazety Warszawskiej». Среди них «Ода по случаю провозглашения Польши 28 июня 1812 г. в Варшаве» и «Стихи к Польскому войску по поводу начавшейся войны с Москвой» Ф. Венжика, «Ода по поводу торжеств Генеральной конфедерации 28 июня 1812 г.» и «К литвинам» К. Тымовского, «Военная песня, спетая 28 июня в театре» Ю.У. Немцевича, «Радость гражданина, еще находящегося под российской властью, при полученной вести о воссоздании Королевства Польского» и др.¹ Непременным мотивом их является напоминание о прежнем величии Речи Посполитой, которое можно восстановить общей борьбой поляков, литовцев, украинцев против враждебной России («Соединяйтесь, брат с братом», «В ожидании вас, братья, / Литва раскрыла свои объятия» (Ф. Скарбек); «Ваш родич из своей неволи вам руку дружбы подает» (Ю.У. Немцевич). Характерный образец здесь – анонимная «Военная песнь литвинов в 1812 г.» с образами совместно торжествующего белого Орла и Погони (гербы Коронной Польши и Великого Княжества Литовского):

Orły białe czarnych gonią.
Litwini! Bądźmy Pogonią!
Patrz! Na skrzydłatym piorunie
Złoty ptak zwycięski leci.
Wrog pod gromem jego runie...²

В этих текстах, также как и в публицистике («Литовские письма» Ю.У. Немцевича), формируется идеологический комплекс, зеркально отражающий российскую риторику времени разделов. В центре его – образ древнего, исконного единства Речи Посполитой, представление об этнорелигиозном родстве ее народов и, конечно, сюжет исторической мести за суворовскую резню в Праге, за оккупацию – сюжет, воскрешающий воспоминания о превосходстве Польши в 1612 г. и оправдывающий участие в наполеоновской кампании. Эту зеркальность точно заметил впоследствии А.С. Пушкин в незавершенном послании «Графу Олизару» (1824), где воспроизвел топику своего и чужого дискурсов:

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То [наша] стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

конференции. Минск: «Адукацыя і выхаванне», 2002. С. 46-59; Макарова Г.В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // Славяноведение. 2012. № 6. С. 47-59.

¹ Филатова Н.М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // Славяноведение. 2012. № 6. С. 60-73.

² Gazeta Warszawska. Прил. к № 66. S. 1241–1242.

И вы, бывало, пировали
Кремля [позор и] плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.¹

Вне данного идеологического комплекса не осталась и Малороссия, с тем отличием, что место событий Смутного времени и взятия Варшавы здесь заняла эпоха Богдана Хмельницкого. Воспоминания о ней были актуализированы в ходе наполеоновских войн и русско-турецкой кампании 1806–1812 годов, когда после долгого перерыва было создано украинское ополчение и восстановлены казачьи войска². Это послужило поводом для реабилитации казачьего наследия, столь долго вытесняемого из малороссийского дискурса. В ходе Отечественной войны 1812 года казаки, как донские, так и малороссийские, стали одним из символов побеждающей империи, приняв активное участие в боях тарутинского периода, контрнаступления и зарубежного похода³. Поэтическим отзывом на возрождение казацкой тематики и, как следствие, антипольских исторических реминисценций, выступили оды 1807-1814 годов, часть из которых были написаны на украинском языке – хотя и предназначалась имперской публике: стихи некоего «запорожского казака Твердовского», «Мысли украинского жителя о нашествии французов. Малороссийская ода» неизвестного автора, «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения». Г. Кошиц-Квитницкого, «Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году» П. Данилевского, «Песня старого русского солдата на разбитие французов» П.Ф. Калайдовича, оды и песни И.А. Кованько («Солдатская песня», «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, непрерывными поражениями его армии сопровождаемое» и др.), ряд стихотворений В.В. Капниста («Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня», «Ода на всерадостное известие о покорении Парижа»).

Казачество в этих текстах, отражавших регионалистское сознание («Е в нас батько царь наснійшій / <...> / Мы божылысь для іюго / <...>/ Колы треба бороныты / Руського

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 334.

² См. подробнее: *Стороженко Н.В.* К истории малороссийских казаков в конце XVIII и в начале XIX в. К., 1898 (Оттиск из журнала «Киевская старина»); *Антонович В.* Про козацькі часи на Україні. Київ: Дніпро, 1991. С. 200-207; *Абалихин Б.С.* Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 87-118; *Лейберов О.* «Одушевляясь любовью и усердием к народу и отечеству...»: ніжинські ополченські полки в наполеонівських війнах // Нежинская старина. Вып. 3 (6). Нежин, 2007. С. 52-60.

³ См. анализ этого материала в контексте формирования «казачьего мифа» новой Украины в монографии, посвященной «Истории русов»: *Plochy S.* The Cossack myth: history and nationhood in the age of empires. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

царя своего»¹, П. Данилевский), представало как феномен общей русско-украинской истории, воплощение этноконфессионального родства. С ним связывался и мотив исторических обид, польских притеснений, исток многочисленных казацких войн и набегов на «ляхов», породивший в итоге хмельничину. События 1807-1814 годов, прославившие казаков на весь мир, в русле подобного прецедентного дискурса рисовались возмездием не только Наполеону, но и Польше, вновь собравшейся «полонить Украину». В комическом виде такая аналогия, в частности, возникала у «запорожского казака Твердовского», сравнившего французского императора и Т. Костюшко:

Колысь такий же був Костюшка
Скавав, пурхав мов тоби птушка...
Деж вин тепер? ты сам збагнешь!²

Осмеяние планов польского завоевания присутствовало и у Г. Кошиц-Квитницкого:

Бонапарте самый старшій
Вашой атаман орды,
Гроши с Пруса обибравши,
Подобрався и сюды?
Хоче в нас ляхив отняты?
Биса визме, сын проклятый <...>³

Характерный образец сплава данных мотивов (русский регионализм, исторические обиды, слава казаков, возмездие) предлагало неопубликованное стихотворение Н.И. Гнедича, отрывок из его задуманной комедии о запорожских казаках:

Ой наши козаки рубили ляхив, <...>
От их запорозьких шаблей и спысив
Носился над полем кровавый лишь пар! <...>
Кутузов козакив як птыц окрылив
И ими французив як громом губя,
На вики прославыв и их и себя!
На вик не погине всеобщий сий глас:
Кутузов Смоленскій отечество спас!⁴

При столь мощном взлете развитие зеркально повторяющих друг друга польского / российского / украинского конфронтационных дискурсов в послевоенные годы оказалось не столь актуальным и, более того, идущим вразрез имперской политике, стремившейся восстановить спокойствие на западных окраинах, укрепить лояльность новых подданных и, по возможности, снять синдром насилия. Уже 12 декабря 1812 года Александр I публично даровал прощение перебежчикам с Волыни и Подолья, высказав родственную заботу о заблудших соплеменниках:

¹ Данилевский П. Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1813. С. 4.

² Дух россиян, или Сердечные чувства сибирского плавильного мастера Усердова и запорожского казака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1807. С. 13.

³ Кошиц-Квитницкий Г. Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения // Вестник Европы. 1807. Ч. 33. № 9. С. 41.

⁴ Цит. по ст.: Кибальник С.А. «Афинская звезда»: Николай Гнедич в Петербурге // Белые ночи: очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л.: Лениздат, 1989. С. 234.

Между тем надеемся, что наше чадолубивое прощение приведет в чистосердечное раскаяние виновных, и всем вообще областей сих жителям докажем, что они яко народ издревле единоплеменный и с россиянами, нигде и никогда не могут быть толико щастливы и безопасны, как в совершенном во едино тело слиянии с могущественной и великодушной Россией (манифест «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России»)¹.

Акты высочайшего благоволения демонстрировались и в дальнейшем: император специально останавливался в Киеве в 1816 и 1817 годах, заехал к престарелому Ф.К. Браницкому в Белую Церковь, в ответ на что тот проронил слезу при виде нового польского короля. Атмосферу этих визитов выразительно передал М.С. Чайковский:

Я не в силах описать энтузиазма, с каким принимали императора Александра. Каждый поляк готов был, по одному его мановению, пожертвовать жизнью, состоянием, всем, что имел, а польки сходили с ума по приветливом императоре.²

Ответом на политику примирения явилась и трансформация публичного дискурса, из которого, по возможности устранялись мотивы взаимных обид и претензий, поглощаемых блеском имперской славы. Одним из ярких образцов подобной риторики остранения являются записки К.Н. Батюшкова, проведенного вторую половину 1815 года в Каменец-Подольском в свите своего командира генерала А.Н. Бахметьева. Они последовательно отодвигают в далекое прошлое сюжеты исторических междоусобий, оставляя в настоящем воспоминания о милых друзьях, недавних победах русского оружия и впечатления живописной украинской природы:

Здесь, в Каменце, я вижу развалины замка и укреплений турецких, польских и русских; прогуливаясь по ветхим бастионам и замечаю их живописные стороны. <...> Несколько раз стены сии переходили из рук в руки. Турки брали их у поляков, поляки у турок, и, наконец, русские отбили их у гордых республиканцев. Повсюду древние следы войны и времени. <...> Укрепления сии часто были осаждаемы смелым и беспокойным Хмельницким, который, в смутные времена республики, внезапно являлся в Подолии, разорял цветущие села и плодоносные берега древнего Тираса, осаждал Каменец, грозил Варшаве и исчезал, как призрак. На дальних холмах, за рекою, стояло его войско, усиленное толпами татар. Сколько воспоминаний исторических!.. Правда! Но «мое воображение хозяин в доме», как говорит Монтань. Я забываю невольно и вождей польских, и гетмана, окруженного мурзами, и переносюсь в Богемию, в Теплиц, к развалинам Бергшлосса и Гайереберга, около которых стоял наш лагерь после Кульмской победы.³

Снятие идеологической конфронтации осложнилось, однако, планами правительства в Коронной Польше, вызвавшими, по мере их реализации, широкий общественный резонанс. Уже с января 1813 года, перехватив наполеоновскую инициативу, император,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649-1825). Т. 32. 1812-1813. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 25289. С. 482.

² Чайковский М.С. Записки // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 180.

³ Батюшков К.Н. Воспоминание мест, сражений и путешествий // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 395-396.

чи войска оккупировали территорию бывшего Княжества Варшавского, начал подготовку к восстановлению польской автономии – под российским контролем. На Венском конгрессе 1814-1815 годов этот проект реализовался в провозглашении нового унитарного государства – Царства Польского. 27 ноября 1815 года была подписана его конституция, по которой российскому императору как польскому королю, перешла в руки исполнительная власть, разделяемая с Сеймом, источником власти законодательной. Сам Александр I трактовал свои функции скорее как охранительно-координирующие, но особо подчеркивал неразрывную династическую связь Польши и России. В речи 15 (27) марта 1818 года, обращенной к вновь созванному польскому Сейму и опубликованной, в том числе, в «Украинском вестнике», император призывал принять эту связь как должную и необходимую:

Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною Хартиєю. Ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы¹.

Но если статус Царства Польского и его модель взаимоотношений с Российской империей были определены, то вопрос относительно «кресов» Речи Посполитой, полученных в результате разделов, оставался открытым. Правобережная шляхта чаяла воссоединения с Царством Польским и вдохновлялась самим фактом существования автономного польского государства. Александр I в течение 1815-1819 годов имел твердое намерение расширить его территорию путем присоединения «кресов» и в речи, обращенной к польскому Сейму, завуалировано намекал на подобную перспективу:

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне; покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.²

Эти планы вызвали бурную реакцию как консервативного, так и либерального лагеря имперской элиты³, став постоянным фоном образа Украины, причем не только Правобережной. Малороссии также пришлось искать свое место в отношениях Польши и России, актуализируя соответствующий историко-культурный контекст, в том числе приглашаемые в послевоенные годы воспоминания о взаимных раздорах и конфликтах. Значимость проблемы «кресов» подчеркивал даже спустя 25 лет Н.И. Тургенев, писавший в эмиграции:

¹ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в Варшаве // Украинский вестник. 1818. Ч. 10. Кн. 5. С. 174.

² Там же. С. 178.

³ См. обзор мнений, высказанных современниками, в кн.: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1898. С. 92-98.

<...> именно намерение включить прежние польские области в состав Царства Польского сделало все шаги Александра, предпринятые им во благо поляков, крайне непопулярными в России. Если бы не существовало опасений, что император действительно отдаст эти губернии, дарование полякам конституции никогда не вызвало бы в русском обществе такого раздражения и зависти.¹

Точку зрения консерваторов наиболее последовательно выразил Н.М. Карамзин, с которым император поделился своими «польскими» планами. Между ними 17 октября 1819 года состоялся разговор, в ходе которого историограф, дабы отговорить императора от опрометчивого шага, огласил свою записку «Мнение русского гражданина», где выразился категорически против возвращения «кресов». Показательно, что из записки исчезли несколько элементов прежнего антипольского дискурса, в первую очередь мотив этноконфессионального родства присоединенных земель. Националистическая риторика, столь укрепившаяся в пред- и послевоенные годы, здесь совершенно отсутствовала: писатель оперировал аргументами государственной целесообразности и выражал мнение не столько «русского», сколько «гражданина», точнее подданного. С позиции имперской, домодерной, целостность страны выступала результатом прежних завоеваний («Мы взяли Польшу мечем: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний»²) и не требовала национальной интеграции. Н.М. Карамзин отчетливо противопоставил эту логику современному принципу, из которого исходили польские патриоты и сочувствовавший им Александр I. С точки зрения историографа национальная близость частей бывшей Речи Посполитой (точнее, элит этих регионов), уже вполне осознанная имперской публикой, не имела решающего значения перед лицом самодержавно-династического принципа: «Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой империи Российской»³.

Редуцировался до одной фразы и контекст древнерусского единства («К тому же и по старым крепостям Белорусия, Волыния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России»⁴), его место занял анализ современной политической ситуации. Более того, привлечение исторических свидетельств осознавалось как аргумент в пользу федерализма, как актуализация прежнего национального статуса земель: «Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были бы восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и так далее»⁵. Ближайший же политический фон для историографа представляла эпоха Екатерины II и война 1812 г., продемонстрировавшие исконную враждебность Польши и России:

¹ Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирской. М.: ОГИ, 2001. С. 51-52.

² Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. С. 437.

³ Там же. С. 438.

⁴ Там же. С. 437 (курсив автора).

⁵ Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 437.

Скажут ли, что она (Екатерина II) незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглядить ее несправедливость разделом самой России. <...> восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу! Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России.¹

Последовательная имперская логика, игнорировавшая национальные аспекты и победившая в итоге в вопросе «кресов» (Александр под давлением общественного мнения вскоре отказался от своих планов), не могла, тем не менее, снять самой проблемы. Во второй половине 1810-х – 1820-е годы образ Украины, как Правобережной, так и Левобережной, отчетливо этнизировался, и национальное начало требовало определения своего места в культурном пространстве, в том числе политико-идеологическом. Попытки подобного осмысления, существенно трансформировавшие конфронтационный российско-польский дискурс, предлагали проекты декабристов. Они отразили влияние, с одной стороны, федералистских идей, а с другой – формирующегося панславизма.

Так, уже в 1816 году М.А. Дмитриев-Мамонов, создатель преддекабристского Ордена русских рыцарей, набросал «Краткий опыт», где предлагалось разделить России на территориальные образования, часть которых имела национальную окраску (Киевское, Казанское, Астраханское, Польское царства, Курляндия, Лифляндия, Финляндия, Грузия). Это не означало, однако, их автономии в составе нового государства, что в особенности касалось Польши. Одно из положений чуть более ранних «Пунктов преподаваемого во внутреннем Ордене учения» гласило: «Конечное и всегдашнее истребление имени Польши и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии Российские»². Сохранение национального своеобразия, польского или украинского, мыслилось М.А. Дмитриевым-Мамоновым только в аспекте общерусского регионализма.

Подобный территориальный подход еще более последовательно был воплощен в двух проектах конституции, предложенных Н.М. Муравьевым³. Согласно им в России выделялось тринадцать держав и две области, в число которых входили Западная со столицей в Вильно, Украинская со столицей в Харькове и Черноморская со столицей в Киеве.

¹ Там же. С. 437-438. См. подробнее о позиции Н.М. Карамзина, выраженной в записке: *Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy i Rosjanie. Warszawa: Biblioteka «Więzi», 2002. S. 21-34; Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос. Гродно: ЮрСаПринт, 2010. С. 371-384; Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции, Гродно, 29-30 октября 2009 г. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 95-103.*

² Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 145.

³ См.: *Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М.: Политкаторжанин, 1933. С. 303-355, 356-366.*

Они, соответственно, включали в себя территорию Царства Польского и бывших «кресов» Речи Посполитой, земли Гетманщины и Слободской Украины, а также Киевскую губернию, Новороссию и Крым. Знаменательно, что возвращение «кресов» сопровождалось у Н.М. Муравьева переносом столицы из Польши на Правобережье и снятием национального обозначения (Западная держава), а для Малороссии, мыслившейся уже как полностью русская земля, это оборачивалось вообще произвольным расчленением (Украинская и Черноморская держава).

Наиболее распространено о статусе Украины высказался глава Южного общества П.И. Пестель. В «Русской правде» он предлагал модель унитарного государства, учитывающего, однако, этнические реалии. Автор четко отделял, с данной точки зрения, народы, имеющие или имевшие в прошлом самостоятельную государственность, и народы малые, «не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельной политической независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств»¹. Такие этносы должны подвергаться последовательной ассимиляции: «<...> лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ»². К числу «исторических» народов идеолог безусловно относил поляков, что и оправдывало активные контакты с ними в целях изменения общественного строя:

Что же до Польши касается, то пользовалась она в течении многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий государственный состав все свои части, разобранные могущественными соседями. <...> Итак: по правилу народности должна Россия даровать Польше независимое существование <...>³.

Но украинцы для П.И. Пестеля не являлись самостоятельным политическим субъектом и, более того, не осмыслились даже как отдельный народ, а только как местный вариант народа русского, что относилось в равной мере к Малороссии и Правобережной Украине:

Племя славянское, коренной народ русской составляющее имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые россияне, населяющие губернии великоросские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской губерний называющие себя руссанами и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую губернии.⁴

¹ Восстание декабристов. Документы / Под ред. М.В. Нечкиной. Т. 7. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 123.

⁴ Дружинин Н. Указ. соч. С. 138.

В качестве показателей этнического единства здесь выступали язык, вера и схожая сословная организация:

1) Язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых великороссийских губерниях не везде одинаковы, да и нету того большого народа, коего бы язык не имел различных наречий; 2) Вера одна и та же православная во всех сих губерниях, как и в великороссийских, и хотя в некоторых местах унияство еще исповедуется, но оно ничто иное есть как слабый остаток соблазна, флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастныя те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся <...> и 3) Гражданское состояние в сих губерниях совершенно одинаково с таковым в великороссийских губерниях, ибо те же сословия с теми же правами существуют.¹

Вывод П.И. Пестеля был однозначен и определял судьбу Украины только как русскую:

Из сего явствует, что никакого истинного различия не существует между разрядами, коренной народ русский составляющими, и что малые оттенки замеченные должны быть слиты в одну общую форму. А по сему и постановляется правилом, чтобы всех жителей населяющих губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять.²

При том, что федералистские проекты декабристов базировались скорее на территориальном подходе, а в случае П.И. Пестеля предлагали вообще унитарную модель, они вынуждены были учитывать этническую составляющую, что в особенности касалось славянского мира. В немалой степени это объяснялось контекстом формирующегося панславизма, оригинальная версия которого распространялась в гибридной русско-польско-украинской среде. Как вспоминал М.С. Чайковский о своем пребывании в одесском лицее Вольсея (конец 1810-х годов.),

...это была мозаика из славян, но преобладал казацкий дух и казацкие традиции, так как профессора были завзятыми украинофилами <...>. Мне часто приходилось присутствовать при их спорах. <...> Пришли в конце к следующим выводам: <...> что Богдан Хмельницкий спяна, из корысти, под влиянием перенесенных обид, которые он слишком глубоко принял к сердцу, откопал старую Русь, которая, раз присоединившись добровольно к России и Литве, может существовать только под скипетром русского царя или польского короля. <...> Наконец, все согласились, что все зло можно исправить только всеславянством, столицей которого должен быть Старый Киев; кто будет им владеть и образует из него столицу, тот будет властелином ста миллионов славян³.

В этой борьбе за доминирование в славянском мире после победы над Наполеоном ощутимо побеждала Россия – источник надежд на освобождение славянских народов от турецкого и австрийского господства. Само возвращение Польше автономии воспринималось как поддержка российским правительством славянского возрождения. Но тем самым

¹ Там же. С. 139.

² Там же.

³ Чайковский М.С. Записки // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 170-172.

и Украина, «славянская Авзония», пространство, где сплелись разные культурные начала, приобрела особое символическое значение, что остро почувствовал, в частности, А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), сделавший малороссийский фольклорно-этнографический материал важнейшим полем реконструкции древнего восточнославянского единства, куда включалась и Россия, и Польша. В подобном контексте вопрос о статусе «кресов» лишился прежней остроты: не столь важно, кому будут административно принадлежать западные губернии, важнее, кто будет доминировать в общем славянском пространстве.

Политическое измерение такой подход приобрел в ходе контактов Южного общества декабристов с Польским патриотическим обществом и Обществом соединенных славян, основанном в 1823 году братьями П. И. и А. И. Борисовыми и польским дворянином Ю.К. Люблинским (Мотошновичем). Главной целью Общества стало объединение всех славянских народов в единую федерацию демократического, республиканского характера. В 1825 году о существовании «Общества соединенных славян» узнал один из руководителей Васильковской управы Южного общества М.П. Бестужев-Рюмин. После нескольких общих заседаний было принято решение об их слиянии¹. Контакты с Польским патриотическим обществом не увенчались подобным успехом: после ареста в 1822 году В. Лукасиньского и наиболее радикальных его сподвижников, ратовавших за полное восстановление Речи Посполитой, в обществе задавали тон умеренные реформаторы, не склонные к революционным методам южных декабристов². Тем не менее, в ходе общения с представителями двух организаций вопрос о «кресах» возникал постоянно и демонстрировал колебания директоров, склонявшихся, несмотря на последовательный пестелевский унитаризм, к возврату Правобережья в зону польского влияния. Об этом, в частности, в ходе допросов с возмущением говорил К.Ф. Рылеев:

О существовании тайных обществ в Польше слышал я от Трубецкого. Причем он говорил, что Южное общество через одного из своих членов имеет с оными постоянные сношения, южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции, Литву, Подолию и Волинь. Я сильно восстал против сего, утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия, что подобные дела должны быть решены на Великом Соборе. Говорил, что и настоящее правительство делает великую погрешимость, называя упомянутые провинции в актах своими польскими или вновь присоединенными от Польши и в продолжении тридцати лет ничего не сделав, дабы нравственно присоединить оные к России; что границы Польши собственно начинаются там, где кончаются наречия малороссийское, русское, или по-польски, холопское; где же большая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедают греко-

¹ См.: Горбачевский И.И. Записки декабриста. М.: Задруга, 1916. С. 52-54; Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. С. 104.

² См. подробнее: Baumgarten L. Dekabryści a Polska. Warszawa: Książka i wiedza, 1952; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

российскую или униатскую религию, там Русь, древнее достояние наше. Впоследствии о сношениях Южного общества с Польским и о сделанном условии касательно разделения границ, слышал я, но не обстоятельно, от Корниловича на пути к Трубецкому, по приходе к которому Корнилович отдал ему список с упомянутого условия и, как это было дня за два до 14-го декабря, то я и не успел узнать о содержании оногo.¹

В подобном духе перед следственной комиссией высказывался и В.Л. Лукашевич, заподозренный в организации «Малороссийского тайного общества» с планами, при польской помощи, восстановления самостоятельной Гетманщины:

<...> возможно ли поверить, чтобы малороссийские единоверцы и единоплеменные русским, один и тот же народ, согласились, отложась от России, подвергнуться старым своим гонителям – полякам, коих одно имя волнует кровь последнего казака! <...> Я объяснил им (директорам Южного общества. – Т.В.), что к Польскому обществу не принадлежу и считаю не по сердцу русского вступать с поляками в связи <...>²

Из этих реплик явственно ощущалось, что напряженное общественное обсуждение проблемы «возвращенных» провинций придало новую значимость образу Украины. Его принадлежность русскому миру вновь стала предметом рефлексии, что нацеливало не только на выявление общих черт, но и на актуализацию подразумеваемых различий, объяснявшихся имперскими (в том числе малороссийскими) авторами чаще всего прошлым влиянием Речи Посполитой. Подобные интенции присутствуют фактически во всех дискурсивных сферах, связанных с репрезентацией Украины. Их можно найти в оценках малороссийского языка, осмысляемого как диалект языка русского, но претерпевшего искажающее воздействие польской речи. Еще более обширное поле здесь предлагала историография. Так, создание первой полной версии украинской истории Д.Н. Бантыш-Каменским, состоявшееся по официальному заказу, невозможно воспринимать вне обсуждения проблемы «кресов»: «История Малой России» мотивировала включение региона в имперский исторический канон и актуализировала антипольские темы. В этот процесс включилась и харьковская журналистика 1816-1825 годов, исторические публикации которой посвящались, прежде всего, эпохе Богдана Хмельницкого и войнам казаков против Речи Посполитой (см. предыдущий раздел). Негативная оценка польского влияния, тем не менее, не устраняла его следов из украинской истории, а иногда и делала более отчетливым, как в археологических работах М.Б. Берлинского.

Не осталась в стороне и художественная словесность, где малороссийский материал, с одной стороны, выступал региональным вариантом русского, но с другой воплощал местную специфику, в том числе польское присутствие, о чем можно судить по уже упо-

¹ Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. С. 181.

² Восстание декабристов: Документы. Т. 19: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М., 2001. С. 391-392.

минавшемся «Бурсаку» В.Т. Нарезного и другим его повестям («Запорожец», «Два Ивана», «Гаркуша»). Литераторы-декабристы подчинили украинские сюжеты собственной историко-патриотической концепции, как в «Думах» и поэмах К.Ф. Рыльева, включив в нее и польский компонент¹. Ряд этих политических рефлексов, безусловно, можно продолжить – они предлагают отдельное поле исследования. В целом констатируем, что подобное настойчивое возвращение к чертам «инаковости», связываемым с польским влиянием, акцентирование особенности Малороссии создавало питательную среду для развития и укрепления местного националистического дискурса, вырвавшегося в полемики 1830-1840-х годов о степени самостоятельности украинского языка, истории и культуры.²

¹ См., в частности, о биографических и литературных связях К.Ф. Рыльева с польскими украинофилами: *Равита Ф. (Гавронский Ф.)* Фома Падурра (Критический очерк) // Киевская старина. 1889. Т. 26. № 9. С. 727-751; *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рыльева. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1912. С. 221-223 и др.; *Гермайзе О.* Рух декабристів и українство // Україна. 1925. Кн. 6. С. 25-38; *Гнатюк В.* Падура, Рилеев і декабристи // Записки Історично-Філологічного відділу ВУАН. Кн. XVIII. 1928. С. 113-128; *О'Мара П.* К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста / Пер. с англ. А.Л. Величанского. М.: Прогресс, 1989. С. 179-208; *Кирибаум Г.Э.* Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К. Ф. Рыльева // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 265-277.

² См. о них в сравнительном русско-польско-украинском контексте: *Bilenky S.* Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imagination. Stanford: Stanford University Press, 2012.

ГЛАВА 3.
КОНСТРУИРОВАНИЕ УКРАИНСКОГО
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КАНОНА
В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1810 – СЕРЕДИНЫ 1820-Х ГОДОВ

**3.1. «...назначить Украину средоточием просвещения»:
образ Малороссии в зеркале региональной литературы и журналистики**

*3.1.1. Бедекер с античным колоритом: репрезентация региона в местных травелогах
и краеведческих описаниях*

В начале XIX века украинская литература являлась интегрированной частью российской словесности, выступая, однако, как ее периферия, провинциальное ответвление с местным колоритом¹. Подобный взгляд разделяла и местная культурная элита, заинтересованная в широкой имперской аудитории и столичном признании. Малороссыяне активно участвовали в литературной жизни метрополии, внося существенный вклад в ее развитие, как В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свиньин, Н.А. Цертелев, О.М. Сомов и многие другие, менее известные². Однако до середины 1820-х годов, времени взлета российского украинофильства, интеграция в имперскую словесность обычно оборачивалась переключением с местного материала на общерусский. Эту лакуну, отражая потребности малороссийского регионализма, стремились восполнить харьковская журналистика и авторы-патриоты – краеведы, публицисты, писатели. Их первоочередной задачей было равноправное позиционирование Украины в имперском культурном пространстве.

На первый план для подобной словесности выдвигалась функция ознакомительная, нацеленная для «внешнего» читателя и описывающая местные реалии – природно-географические, исторические и археологические, культурные. Функцию бедекера выполняли художественные произведения целого ряда украинских авторов — И.И. Гуржеева, И.Ф. Вернета, О.М. Сомова, Н. Левицкого и др., печатавшиеся как в местных изданиях – «Харьковский Демокрит», «Украинский вестник» и «Украинский журнал», так и на страницах столичных периодических изданий. Это разнообразные варианты путевых записок, заметок, очерков, дневниковых записей, как правило, в духе сентименталистской традиции.

¹ Так определяли состояние украинской литературы, в частности, Д.И. Чижевский (Исторія української літератури: Від початків до доби реалізму. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956) и Г.Ю. Грабович (До історії української літератури: Дослідження, есеї, полеміка. Київ: Основи, 1997).

² См. подробнее: *Лосиевский И.Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993.

Подобные тексты словно проводили экскурсию по Украине. При этом набор туристических маршрутов выглядел стандартно и мало подвергался вариативности, ориентируясь на канон малороссийских путешествий В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина. Как правило, каждое произведение имело четкую пространственную привязку, акцентированную в заглавии текста и отдельных глав (напр., «Возвращение из Валок», «Выезд из Харькова», «Святогорский монастырь в Изюмском уезде», «Херсон» И.Ф. Вернета) или определявшуюся в самом тексте («Под селом Богородичным, где переправа через Донец...»; «Горы в деревне Маяках более занимали мое внимание...»¹, «Мы подъезжаем к Николаеву, везде белеют красивые опрятные деревушки...»² и т.п.). Нередко автор указывал на время и место своего пребывания обозначением после текста (например, «30 Апреля 1818. В саду моего друга Ив. Петр. Гильдебрандта»³).

Основными топосами местных путешествий выступали Киев, Харьков, Херсон и Полтава. Значительно реже встречались упоминания более мелких городов, деревень, местечек. Здесь можно обратить внимание на «Отрывки из путевых записок» Н. Левицкого, пестрящие упоминаниями сел близ Николаева и Херсона, что указывает на желание автора как можно более подробно обрисовать картину края, ориентированную на взгляд «извне». Описание центральных топосов отличалось высокой степенью детализации. Объектом внимания автора, как правило, становились история, архитектура, ландшафты, географическое расположение города и его крупные природные объекты. Нередко единственный предмет мог занять авторское внимание полностью. Так, например, в «Отрывках» Н. Левицкого почти вся глава «Николаев (на возвратном пути)» посвящена подробному описанию местной фабрики по обработке корабельных принадлежностей; расположение, внешний вид и история Святогорского монастыря Изюмского уезда составляли содержание одноименного произведения И.Ф. Вернета; описание измененной Полтавы, «облагорожденной попечениями князя А.Б. Куракина» — основной предмет внимания «Письма из Малороссии» И.И. Гуржеева:

Всего разительнее зрелище города с подъезду от так называемой Шведской могилы, где погребены тела шведов и россиян, убитых в сражении 1709 года июня 27 дня. Тут открывается совершенно новый город, представляющий вид полного круга, заключающего в себе величественные здания Присутственных мест и дома Губернаторския — среди сего круга возвышается монумент Великому Петру⁴.

Точностью и обстоятельностью описаний украинские писатели сближались с этнографами. Так, сентиментальная нравоучительность и тяга к абстрактным размышлениям не мешала И.Ф. Вернету, одному из самых активных авторов очеркового жанра, насыщать

¹ Вернет И.Ф. Святогорский монастырь в Изюмском уезде // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 5. С. 187, 189.

² Левицкий Н. Отрывки из путевых записок (в письмах) // Украинский вестник. 1818. Ч. 11. Кн. 8. С. 207.

³ Вернет И. Небольшая поездка моя по Змиевскому уезду // Украинский вестник. 1819. Ч. 15. Кн. 7. С. 63.

⁴ Гуржеев И.И. Письмо из Малороссии // Вестник Европы. 1809. Ч. 44. № 5. С. 37-38.

свои тексты массой фактографических сведений. Ярким примером служат «Мысли о Харькове»¹, где автор стремится описать город разносторонне: касается истории, приводит разъяснения этимологического характера, делает подробный обзор архитектуры города, достопамятных мест, ландшафтов, окрестностей и т.д. С не меньшей обстоятельностью и подробностью топографических описаний Николаева, Херсона и их окрестностей мы сталкиваемся и в «Отрывках из путевых записок» Н. Левицкого².

В ином виде ознакомительная установка проявилась в трудах краеведов, самым известным из которых было «Краткое описание Киева» М.Ф. Берлинского, опубликованное в 1820 году при финансовом содействии графа Н.П. Румянцева. По сути, книга являлась первой научной историей Киева, содержащей обширные и подробные сведения не только о прошлом города, но и о его современном облике. Степень полноты и подробности повествования вполне проявлена уже в начале: «Киев <...> стоит на правом берегу реки Днепра, почти на половине течения сея реки, под 50°27' широты и под 48°7'30" долготы, где должайший день бывает 16 часов, 11 минут и 30 секунд»³.

Автор делит повествование на несколько логических частей: «Историческая перечень сего города», «Показание достопамятностей и древностей города Киева», «Показание знаков древностей на плане города Киева», «Показание теперешних мест на плане города Киева». Примечательно, что параллельно с «Описанием» автором был создан «План древнего Киева», дополнявший теоретические изыскания. М.Ф. Берлинский знакомил читателя с историей города, начиная самых ранних времен, давал многочисленные этимологические разъяснения названий природных объектов, отдельных частей города, архитектурных сооружений, касался особенностей административного устройства Киева в разное историческое время (административно-территориального деления, описания прав и вольностей, коими владели киевские граждане, и т.д.), материального достатка, торговли, развития образовательной системы и прочего. Особое внимание автор уделял архитектуре города, как существующей ныне, так и известной благодаря сохранившимся источникам.

Описание при этом имело вполне системный характер, следуя логике последовательного ознакомления читателя с существующими и утраченными памятниками архитектуры в разных частях Киева, коих выделялись три основных – Киево-Печерск, Старый Киев, Подол. Примечательно, что в центр внимания выдвигались, прежде всего, православные памятники, не случайно труд М.Ф. Берлинского впоследствии именовали первым наиболее подробным описанием древних киевских церквей. Как правило, оно включало

¹ *Вернет И.Ф.* Мысли о Харькове // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 11. С. 184-194.

² Украинский вестник. 1818. Ч. 11. Кн. 8. С. 207-223.

³ *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. Содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. СПб: Типография Департамента Народного Просвещения, 1820. С. 3.

развернутую историю архитектурного сооружения с момента его основания, местоположение, внешний вид и внутреннее убранство, а также рассказ о его наиболее известных церковных деятелях, с ним связанных. Таково описание Киево-Печерской Лавры, Пустыно-Николаевского монастыря, Софийского собора, Крестовоздвиженской церкви, Десятинной церкви и многих других.

Помимо всего прочего, «Краткое описание Киева» содержало так называемую «Краткую ведомость, сочиненную в 1817 году о числе публичных мест и строений в городе Киеве, о заведениях промышленных, о числе партикулярных домов и жителей», в которой находим полный количественный реестр имеющихся в городе значимых объектов — мостов, площадей, монастырей, улиц, постоялых, молитвенных домов и т. д. (всего 87 наименований!). Подробным образом описана демографическая ситуация в Киеве на разных этапах его исторического существования, в том числе современного: приводится количество жителей, динамика прироста населения и смертности, количественное соотношение горожан по гендерному признаку, национальности и роду деятельности. М.Ф. Берлинский стремился опереться на максимальное количество источников, коими служили древнерусские летописи, Синописис, «История российская» В.Н. Татищева, воспоминания и сведения иностранных путешественников, начиная от древнегреческого историка Зонара. Таким образом, «Краткое описание Киева» давало фактически исчерпывающую информацию о городе даже для самого несведущего российского читателя, для которого и предназначалась книга.

Интерес к археологическим разысканиям был характерен для украинской литературы и журналистики начала XIX века. Местные историки, этнографы, археографы видели в изучении памятников прошлого возможность не только глубокого знакомства с культурой, географией и историей родного края, но и способ его возвышения как важного культурного центра империи: «Да и непростительно, кажется, не заниматься сведениями о той стране, где кто живет, — писал харьковский историк М.Е. Марков, — ежели хоть малую к тому возможность и способы иметь труды ученых-испытателей древностей, труды общих историков нашего Отечества неоспоримо достойны всякого уважения; но можно ли, — взяв во внимание обширность нашей Империи, так же великие перемены в древности, — можно ли и со всевозможным тщанием в точности все описать и означить без местных сведений и личного обозрения?»¹.

Местные памятники прошлого представляли в этом контексте манифестацией, с помощью которой «каждый город, каждая область, каждое государство» возвещает «грядущее»

¹ *Марков М.Е.* Письмо к одному из Издателей (Филомафитскому) // Украинский вестник. 1816. Ч. 3. Кн. 8. С. 122.

щим родам о имени и делах своих»¹. Каждая археологическая находка сразу становилась предметом оживленного обсуждения в местной журналистике. Так, в «Украинском вестнике» за 1819 год в разделе «Внутренние известия» помещена анонимная статья об обнаружении в Харькове потаенной кладовой с кипами бумаг и сундука «с надписью *по секрету*», также содержащего неизвестные документы. Автор жаждет разгадки «секретной находки» и сетует на вздорные предположения о ее содержимом. Сознание публики будоражит мысль о, якобы, спрятанных в «потаенной кладовой» сочинений какого-то древнего Архимандрита-Алхимика. Автор же, принимая в счет раннюю датировку найденных документов (XVII столетие), надеется на обнаружение в них, прежде всего, информации относительно исторического прошлого города: «Может быть в них скрыто основание Харькова, разряды и дела здесь в древности существовавших полков, даже исторические известия о всем здешнем крае; даже, как знать? и о древнейшем состоянии всей южной России...»².

В «Украинском журнале» за 1824 год была помещена любопытная статья М.Ф. Берлинского, представляющая собой обращение к ректору Харьковского университета В.Я. Джунковскому об обнаружении древнерусского клада на холмах Киева³. Археолог подробно описал обстоятельства находки, а также дал тщательную и высокопрофессиональную характеристику каждой найденной вещи, приложив к описанию свои зарисовки. Примечательно, что М.Ф. Берлинский не сомневался в греческом происхождении найденных памятников.

Последнее суждение чрезвычайно показательно для регионального культурного самосознания и образа Украины. Малороссия, по сути, объявлялась наследницей Древней Греции, что хорошо вписывалось в контекст российского неоклассицизма первой четверти XIX века, осуществляющего поиски своих героических истоков, своей античности – в лице Киевской Руси. Стилизованные определенным образом события и элементы древнерусской истории через античные параллели подключали Украину к европейскому культурному контексту.

Характерной приметой здесь выступал гомеровско-вергилиевский колорит, образцом которого являлось самое известное украинское произведение начала XIX века – «Энеида. На малороссийский язык перелицованная» И.П. Котляревского. Впервые «Энеида» увидела свет в 1798 году, когда украинским дворянином М. Парпуррой в Санкт-Петербурге были изданы три части без ведома автора. Авторское издание состоялось в

¹ Об изящных искусствах у Греков и влиянии их на нравственность // Украинский вестник. 1819. Ч. 16. Кн. 10. С. 4.

² Внутренние известия // Украинский вестник. 1819. Ч. 14. Кн. 5. С. 262.

³ Берлинский М.Ф. Описание найденных недавно в Киеве разных старинных золотых и серебряных вещей // Украинский журнал. 1824. Ч. 2. № 12. С. 332–338.

1809 году и содержало четыре части. Завершенная поэма из шести частей была издана уже после смерти автора.

Сюжет Вергилия И.П. Котляревским был перенесен на местную культурную почву, оригинально соединив эпическое звучание и античную атмосферу с реалиями малороссийской казачьей жизни и комической стихией. Как справедливо указывал Д.И. Чижевский,

«Энеида» — не только первый широкий словарь украинского народного языка, но и первая энциклопедия украинской этнографии. Народный материальный быт, жилье и одежда, блюда и напитки, музыка и танцы, игры и повседневная жизнь, поверья и церковный обиход – все – в свете языкового богатства «Энеиды» – проходит перед глазами читателя¹.

Автор «Энеиды» оказал существенное влияние на творчество своих современников, не случайно в историю украинской литературы прочно вошло понятие «котляревщина», обозначающее последователей И.П. Котляревского в области низовых комических жанров – Я.Г. Кухаренко, В.А. Гоголя, П.П. Гулак-Артемовского, Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Е.П. Гребенки и др.

Примечательное культурно-идеологическое развитие параллель античной и украинско-русской мифологии нашла у В.В. Капниста, малороссиянина с греческими корнями. В 1815 году он опубликовал в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» занимательную и необычную статью под названием «Краткое изыскание о Гипербореях и коренном российском стихосложении», где выдвигал новую теорию происхождения славян, согласно которой, их предками был древний таинственный народ — гиперборейцы, жившие на Севере. Главный идейный посыл В.В. Капнист обозначил уже в заглавии: «Рассуждения и изъяснения баснословия разных народов: индейцев, египтян и, особенно, греков, получивших свое начало от Севера. Также ясные доказательства, что ход просвещения распространился на всю землю от Севера». С точки зрения автора, изначально культ бога искусства Аполлона господствовал в стране гипербореев, а уже затем греки заимствовали его, равным образом, как и «науки свои, музыку и стихотворство»². Таким образом, существование в далеком прошлом гипербореев становилось веским основанием для сближения греков и славян. Развитием этих идей стали позднейшие статьи В.В. Капниста – «О восстановлении первых шести песней Одиссеи в первобытный их порядок»³ и «Мнение о том, что Улисс странствовал, не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях»⁴.

¹ Чижевський Д.І. Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. С. 343.

² Капніст В.В. Збірник творів: В 2 т. М.: Видання АН СРСР, 1960. Т. 2. С. 170.

³ Капніст В.В. О восстановлении порядка песен Одиссеи // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № 40. С. 50-54.

⁴ Капніст В.В. Мнение о том, что Улисс странствовал, не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях // Сын Отечества. 1819. Ч. 56. № 38. С. 193-213. См. подробнее: Майофис М.Л. Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В.В. Капниста // Русская филология – 8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 59-66; Она же. Воззвание к

Римско-греческий фон местной литературы и журналистики проявлял себя разнообразно, причем не только в оригинальных текстах, но и в переводах, которыми изобиловали украинские журналы первой четверти XIX века. Так, распространенным оказывается, во-первых, прямое введение в тексты развернутой информации о Древней Греции и Древнем Риме, а также сочинения полностью или частью посвященные истории античных государств («Об истории», «Сражение при Фермопилах», «Катакомбы», «Отрывки из книги: Путешественник во Иерусалим. Сочинение Шатобриана»), развитию искусств («О мозаике», «Греки и римляне на поприще наук и искусств», «О философии» и т.д.), об открытиях в области наук («Который час?», «О календаре»¹ и др.).

Большое значение для выстраивания «античного текста» украинской литературы имело комментирование тех или иных греческих реалий: географических (Афины, Спарта, Дельфы, Олимп), мифологических (имена греческих и римских богов, героев: Аполлон, Вакх, Амур, Венера, нимфы, Эней, Одиссей, Креонт, Тесей, аргонавты), греческих и римских государственных деятелей, законодателей (Солон, Клисфен, Цицерон, Гай Юлий Цезарь), выдающихся поэтов, художников, скульпторов, философов Древней Греции и Рима (Гомер, Вергилий, Тибулл, Поликлет, Демокрит)².

Мощное присутствие античного начала чувствуется в местной периодике. Так, в публикациях «Украинского вестника» за 1816 год упоминание тех или иных греческих реалий, в том числе и само слово «Греция», а также производные от него, встречается только в названиях статей не менее двадцати раз. Например, раздел «Живописная проза» за февраль содержит подряд три публикации, погружающие читателя в греческое пространство: «Греческая весна», «Боги Греции», «Аполлон Бельведерский»³. Многочисленными оказываются переводы с греческого, коими изобилует традиционный раздел «Укра-

Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 384-390.

¹ Об Истории // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 10. С. 3-28; Кн. 12. С. 279-299; Сражение при Фермопилах // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 12. С. 300-305; Катакомбы // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. Кн. 8. С. 38-52; Отрывки из книги: Путешественник во Иерусалим. Сочинение Шатобриана // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. Кн. 9. С. 306-327; О мозаике // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 3. С. 314-318; Левшин А.И. Греки и римляне на поприще наук и искусств // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. Кн. 8. С. 139-151; О Философии // Украинский вестник. 1819. Ч. 14. Кн. 6. С. 285-329; Который час? // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 5. С. 215-222; О Календаре // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 5. С. 145-150.

² Умиравший лебедь // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 3. С. 321-323; Гонорский Р.Т. Темпейская долина // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 48-49; Черты греческой мифологии // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 51-53; Вид страны Лациума в то время, когда прибыл туда Эней // Украинский вестник. 1817. Ч. 5. Кн. 3. С. 319-324; Боги Греции // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 185-186; Стиллс Х. О величине лиц, изображаемых на картинах разного рода // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 163-174; Гонорский Р.Т. О музыке // Украинский вестник. 1816. Ч.1. Кн. 1. С. 22-34; Кн. 2. С. 157-163; Гомер, северный писатель природы // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 12. С. 308-310.

³ Гонорский Р.Т. Греческая весна (из Бартелеми) // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 183-185; Боги Греции // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 185-186; Аполлон Бельведерский (из Винкельмана) // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 187-190.

инского вестника» под названием «Стихотворения», при этом переводы из Вергилия и Горация занимают преимущественное положение.

Ведущим в этих текстах оказывается мотив «греков-учителей» и Украины-наследницы их достижений. Древняя Греция мыслится колыбелью наук и искусств, источником их распространения по всему миру:

Драматическая поэзия достигла в Греции того совершенства, до которого многие новейшие народы при всех своих усилиях едва ли могли довести ее... Философия, особенно нравственная, обработанная и доведенная до некоторой степени совершенства в Греции... Любовь Римлян к славе и великие дела возвысили Историю их до того свойства, которое ни прежде, ни после она не достигала нигде... В Истории искусств, говорит знаменитый Эшенбург, первое место бесспорно принадлежит грекам. И действительно, отличное уважение, которым пользовались художники, награждения, которые поощряли труды их, слава, подстрекавшая их, правительство, благоприятное для них, возвели в Греции почти все искусства на высочайшую степень совершенства¹.

История Римской империи наиболее заслуживает наше внимание; поелику Римляне были властелинами и законодателями нашими. Законы их еще и до ныне существуют в силе своей у большей части Государств; язык их еще во всеобщем употреблении...²

Искусство Греции совершенно, и тем почетнее мыслить себя его преемником; исторический путь, законотворчество и патриотизм римлян восхищает – и тем приятнее стараться следовать за ними.

Еще один аспект, указывающий на всячески постулируемую связь Греции и Украины – религия. Причем Византия, под влиянием которой Древняя Русь приняла православие, здесь оказывается на периферии, а на первый план выходят параллели между античной и славянской мифологией. В этом отношении представляет особый интерес обширная статья «Славянская мифология, или о богослужении Русском во язычестве» И.Е. Срезневского, который прямо указывал на связь между многобожием греков и славян:

Хотя исторически нам неизвестно, откуда к Славянам и прочим северным народам зашло многобожие, но кажется позволительно думать, что это Греческие и Римские боги на севере приняли другие имена и другие виды: ибо мы увидим, что Славянские боги имели почти все свойства богов Греческих и Римских³.

Далее автор приводил доказательства своего предположения путем соотнесения греческих, римских и славянских богов друг с другом, образуя своеобразные тройки с сопутствующим каждому божеству описанием: Зевс – Юпитер – Перун, нимфа – дриада – русалка, Афродита – Венера – Лада и т.д. Выведенные таким образом генетические связи богов служили еще одной нитью, связывающей Грецию с Украиной.

¹ Левшин А.И. Греки и римляне на поприще наук и искусств. С. 143, 145, 146, 148.

² Об Истории. С. 22.

³ Срезневский И.Е. Славянская мифология, или о богослужении Русских во язычестве // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 8.

Введение греческих названий, реалий (географических, мифологических и др.), а также прямое именование Украины «новой Грецией» — весьма частое явление и в жанре сентиментальных путешествий. Показательно для подобной стилистики, например, философское рассуждение рассказчика о переменчивости как законе природы и души человеческой в очерке «И только три переезда» И.Ф. Вернета, где олицетворение через героев греческой мифологии помогает автору добиться наибольшей яркости и выразительности:

Переменчивость есть душа жизни, цвет удовольствия, закон природы. Весною Флора полными руками сыплет из своей корзинки цветы на землю; летом Церера украшается златовидными класами; в осень Помона и Вертумн преклоняют главы отягченные плодами — и веселый румяный Вахх вливает радость в унылые сердца самых угрюмых¹.

Идея просвещения и образ Малороссии как достойный пример ее благотворного влияния — характерная примета местной публицистики, сталкивающей Украину прошлого, порабощенную и отсталую, и Украину настоящего — царство процветания, расцвета наук и искусств. Примечательно, что во благо повсеместного просвещения региональная элита готова поступиться предрассудками сословности. Так, автор проекта об учреждении в Харькове отделения Вольного экономического общества считает ученое сословие и помещиков ближайшими сотрудниками в деле развития края:

Ученые, а особливо упражняющиеся в Натуральной Истории, Физики, Химии и Медицине сделают ему (экономическому сословию. — Т.В.) великое пособие своим соучастием: ибо если не будут заниматься практикой, то, по крайней мере, своим умозрением будут разрешать недоумения и объяснять новые явления при экономических производствах часто встречаемые².

Украинские общественные деятели выражают надежду на преодоление преград на пути к просвещению низших слоев, выступают за общедоступность образования: «Не все могут достигать одинаковой степени образования <...>. Но равная степень познаний <...> приятная мечта! Она стоит того, чтобы дать ей действительное бытие; она есть и будет предметом наших желаний и она исполнится!»³ Кроме того, предлагается уничтожить гендерные преграды к образованию. В этом отношении любопытна «Речь о необходимости воспитания девиц», автор которой, обосновывая значимость знаний для блага государства, выражает сожаление по поводу недостаточного просвещения женщин и надежду на скорейшее изменение ситуации:

Нет сомнения, что благосостояние в обществе живущих народов зависит от нравственного и политического образования их, — и что чем более народ просвещен, тем более сила и могущество его

¹ Вернет И.Ф. И только три переезда // Украинский вестник. 1819. Ч. 14. Кн. 4. С. 76.

² Мысли об учреждении экономического сословия в виде Отделения Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, предложенные суждению Господ Помещиков Слободско-Украинской губернии (продолжение) // Украинский вестник. 1818. Ч. 10. Кн. 5. С. 148.

³ Гонорский Р.Т. Речь, говоренная в Торжественном собрании Слободско-Украинской Гимназии учителем Разумником Гонорским // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 6. С. 351.

возрастают <...>. Девичьих Народных Училищ имеем мы весьма мало; хотя оне по мнению моему столь же необходимы, как и заведения для мужского пола...¹

Своеобразной кульминации идея благодатного просвещения, призванного уравнивать Украину с европейскими странами, достигает в патетической речи почетного смотрителя училищ Щигровского и Тимского уездов надворного советника С. Исакова «при случае публичного испытания учеников Курской Гимназии». Организующим центром выступления становится мысль о движении по пути просвещения как смысле существования государства и каждого отдельного человека. Естественной целью «человеческой мысли, желания и всех его (человека. – Т.В.) действий»² оратор видит благополучие, достигнуть которого можно лишь через «благодать Всевышнего» и разум. «На сих двух началах основано истинное просвещение», – заключает он. Автор рисует утопический образ Украины, достигшей вершины просвещения. В ней нет общепользных заведений, нуждающихся в чем-либо, здесь ищут службы не во имя гордости и не из-за «алчности к стяжанию», а руководствуясь бескорыстным желанием «сделать пользу согражданам — воздать должное Отечеству». Здесь даже письменные законы оказываются излишни, поскольку «закон справедливости неизгладимо врезан в сердце каждого». Наконец, в финале мечта достигает апофеоза: «Здесь все граждане соединены узами любви и доброхотства друг к другу — все граждане управляются единомыслием <...>. И все сие есть плод истинного просвещения!»³. Таков образ лелеемого будущего Украины, выстраиваемый местными публицистами первой четверти XIX века.

3.1.2. Формирование регионального культурно-исторического пантеона

Одной из важнейших задач регионального сообщества является формирование собственного культурно-исторического пантеона. В условиях глубокой имперской интеграции он, с одной стороны, должен был состоять из лиц, как-либо связанных с историей метрополии, а с другой – включать фигуры самобытные, демонстрирующие значимость местных культурных традиций. На эту роль по рождению подходили многие деятели, однако не все, как М.М. Херасков, сохранили связь с отечеством, на что сетовал А.И. Левшин, описывая Переславль: «Однако ж, беспристрастно судя, надобно сказать, что малороссияне почти справедливо жалуются на бессмертного певца “Россиады” за то, что он не обессмертил и даже забыл место своего рождения»⁴.

¹ Речь о необходимости воспитания девиц // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 5. С. 151-155.

² Исаков С. Речь, при случае публичного испытания учеников Курской Гимназии <...>, произнесенная Почетным Смотрителем училищ Щигровского и Тимского уездов Надворным Советником С. Исаковым // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 11. С. 147.

³ Там же. С. 159-160.

⁴ Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков: В университетской типографии, 1816. С. 45.

В литературном плане такой личностью стал И.П. Котляревский, постоянный житель Полтавы, заслуживший известность после столичной публикации «Энеиды». Его имя, в частности, упоминал А.И. Левшин, приводя в пример удачное обращение к возможностям украинского языка: «Он, хотя и не имеет правил, однако ж немногие ученые малороссияне употребляют его в сочинениях. “Перелицованная Энеида”, – прекраснейшее в сем роде произведение, служит тому доказательством»¹. В «Грамматике малороссийско-го наречия» А.П. Павловского «Энеида» также фигурировала в качестве образцового сочинения:

Подобно действительно желающим сделать услугу Отечеству сочинителям за потребное почел я заметить в “Грамматике малороссийского наречия” несколько мне известных <...> малороссийских сочинений. Оне суть: напечатанная и публикую с удовольствием принятая Перелицованная Вергилиева Энеида...²

Скромная и нечиновная фигура И.П. Котляревского и его поэма³ выступили своеобразной визитной карточкой современной украинской литературы, хотя более широкая известность пришла к автору в 1820 – 1830-е годы, время взлета российского украинофильства. Как свидетельствуют сохранившиеся письма и свидетельства первого биографа С.П. Стеблин-Каминского, в этот период в полтавском доме поэта были Н.А. Мельгунов (1827), Тимко Падуря (1829), М.П. Погодин и М.С. Щепкин (1829), П.П. Свиньин (1830), В.В. Пассек и И.И. Срезневский (1837), а многие – Н.И. Гнедич, Ф.М. Глинка и другие – поддерживали эпистолярное общение. Знаменательно, что в 1821 году И.П. Котляревский был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности, в чьей деятельности участвовал заочно⁴. По словам С.П. Стеблин-Каминского, «всі майже мандрівники і літератори, що відвідували Полтаву, бували в нього»⁵.

В первые десятилетия века известность И.П. Котляревского была скорее региональная, зато привлекавшая едва ли не всех местных литераторов: его дружбой и советами пользовались В.В. Капнист и Н.А. Цертелев, П.П. Гулак-Артемовский и Е.П. Гребенка, Д.Н. Бантыш-Каменский и О.М. Сомов. В «Украинском вестнике» появилась и первая краткая заметка о писателе. Егор Акимов в отзыве на посещении Полтавы великим князем Николаем Павловичем с удовольствием констатировал, что он «многих удостоил обеща-

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии .С. 78.

² Павловский А.П. Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1818. С. 110-111.

³ См. подробнее: *Волинський П.К.* Іван Котляревський: Життя і творчість. Київ: Дніпро, 1969; *Кирилюк Е.П.* Іван Котляревський: Життя і творчість. Київ: Дніпро, 1981; *Нахлік Е.К.* Творчість Івана Котляревського: Замовчувані інтерпретації. Дискусійні проблеми. Спроба нового прочитання з погляду літературних напрямів і течій. Львів: Олір, 1994.

⁴ См.: *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск: Изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 410.

⁵ Иван Котляревський у документах, спогадах, дослідженнях. К.: Дніпро, 1969. С. 109.

ний высокого покровительства своего, особливо известного дарованиями своими автора *Виргилиевой Энеиды* наизнанку на Малороссийском языке капитана Котляревского, и изъявил желание иметь у себя два экземпляра оной»¹. Через год анонимный рецензент, оценивая фарс А.А. Шаховского «Казак-стихотворец», выведивший украинцев в утрированно смешном виде, также противопоставил ему знаменитую поэму: «Читая в объявлении о представлении оного, я воображал увидеть что-нибудь похожее на несравненную малороссийскую Энеиду <...>, однако ж я едва мог дослушать конец»².

Схожая ситуация сложилась вокруг еще одного автора, в отличие от И.П. Котляревского уже ушедшего из жизни и потому более подходившего для конструирования образа классика. Именно в 1810-е годы формируется местный культ философа-богослова, поэта и баснописца Г.С. Сковороды, на рубеже 1820 – 1830-х годов перешедший в имперскую романтическую словесность³. Его начало дала статья, помещенная в «Украинском вестнике» — «Сковорода, украинский философ», распадавшаяся в композиционном отношении на три части⁴. В качестве введения выступала биография Г.С. Сковороды, составленная Густавом Гесс де Кальве, доктором философии Харьковского университета. Откровенно идеализируя своего героя, ученый осветил основные вехи его жизни – детство, обучение в Киевской академии, путешествие по землям Польши, Пруссии, Германии и Италии, возвращение на родину. Гесс де Кальве выдвигал на первый план черты демократического персонажа: обретение мудрости и любви народной через испытания, непонимание (изгнание из Академии, годы странствий, потеря близких и проч.), бескорыстие, скромность, человеколюбие и непритязательность («Малейший вид награждения огорчал его благородную душу»; «Летом ночевал в саду под кустарником, зимой в конюшне», «враг пышности и многолюдства»⁵). При этом биограф намеренно нейтрализовал моменты, способные ввести читателя в заблуждение, нарушить образ гениального мудреца. Лейтмотивом жизнеописания становится мысль о космополитизме Г.С. Сковороды, чуткости к античной и новоевропейской культуре, но и неистребимой любви к Украине: «<...> обогатившись нужными познаниями, Сковорода желал непременно возвратиться в свое отечество»⁶.

¹ Украинский вестник. 1816. Ч. 3. Кн. 7. С. 93.

² Харьковский театр // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 12. С. 366.

³ См. о рецепции творчества и личности Г.С. Сковороды в романтический и постромантический период: *Бабраш Ю.Я.* «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. М.: Художественная литература, 1989. С. 11-37, 177-184, 235-242, 294-327; *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. С. 261-264; *Геник-Березовська З.* Григорій Сковорода і російська література // *Геник-Березовська З.* Грані культур. Бароко, романтизм, модернізм. Київ: Гелікон, 2000. С. 72–86; *Вакуленко С., Ушкалов Л.* Александру Хиждеу та його розвідки про Григорія Сковороду // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства /Харківський державний педагогічний університет; Харківське історико-філологічне товариство.* Харків, 2002. Т. 9. (Нова серія). С. 233-254.

⁴ *Гесс де Кальве Г., Вернет И.Ф.* Сковорода, украинский философ // Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 105-125. Третью маленькую часть составляли несколько писем Г.С. Сковороды.

⁵ Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 114, 112, 117.

⁶ Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 110. См. подробнее о статье: *Воздвиженский В.* Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс-де-Кальве – первый венгерский биограф Г.С. Сковороды // *Toronto Slavic Quarterly.* 2010. № 31 (режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/voszdvizhensky31.shtml> [06.01.2013]).

Своеобразной антитезой панегирику Г. Гесс де Кальве выступила краткая заметка И.Ф. Вернета, лично знавшего Г.С. Сковороду. Вернет не отказывал герою в недюжинном уме и талантах («Он был муж умный и ученый»¹), но подходил к нему с просветительской критичностью. По его мнению, излишняя идеализация украинского мыслителя – следствие увлечения. В поступках и суждениях реального человека он находил черты, несвойственные истинному философу – эгоизм, самолюбие, непримиримость к чужому мнению. И.Ф. Вернет сравнивал Г.С. Сковороду с «необделанным дорогим камнем», нуждающимся в огранке умелого художника: «Он был вспыльчив и пристрастен, слишком следовал силе первых впечатлений, переходил от одной крайности в другую, он любил и ненавидел без достаточной причины»².

Любопытна параллель в статье Г. Гесс де Кальве и воспоминаниях И.Ф. Вернета, указывающая на прямой диалог – это суждение о способности Г.С. Сковороды к поэзии и сравнение его с древнегреческим философом-циником Диогеном, прославившимся своим нестандартным поведением. В статье Гесс де Кальве упоминание имени Диогена возникает как будто случайно и служит для подчеркивания разницы между ними: для одного «странный» образ жизни — естественное отражение внутренней позиции, лишенной ориентации на внешний мир, для другого — чудачество как самоцель и выражение протеста («Диоген в гордых своих лоскутках, конечно, устыдился бы пред нашим чувствительным Сковородою»³). В интерпретации И.Ф. Вернета Сковорода и Диоген – «одного поля ягоды»: «Он (Сковорода. – Т.В.) своими поступками и нравом мог бы играть в Греции блестящую роль во время Синопского чудака: Диоген из всех Греческих народов одних Спартанцев почитал только людьми; Сковорода преимущественно любил Малороссиян и Немцев»⁴. Что касается поэтических талантов украинского мыслителя, И.Ф. Вернет отзывался о них более, чем сдержанно («Его духовные канты мне нравятся, но стихи его вообще противны моему слуху»⁵), отказывая Сковороде в поэтическом вкусе, равным образом как и в тонкой душевной организации, в то время как Гесс де Кальве наделял его поэтические творения статусом народных.

По этой микрополемике можно почувствовать, что образ Г.С. Сковороды выступал носителем противоречивых начал – элитарной образованности и демократичности, космополитизма и народности, философского и поэтического видений, скептицизма и чувствительности, что и позволило позднее, произведя определенную селекцию, сделать его в романтическую эпоху одной из важнейших фигур украинского культурного канона.

¹ Украинский вестник. 1817. Ч. 6. Кн. 4. С. 121.

² Там же.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же.

Если говорить о пантеоне историческом, формируемом региональной словесностью начала XIX века, то излюбленными его героями являлись «славный» Богдан Хмельницкий и его антипод «изменник» Иван Мазепа. Именно их имена вспомнил, например, И.М. Долгорукий, пересекая границу малороссийских губерний в ходе своего путешествия 1810 года: «Наконец въехали мы в пределы Украины. Зачал приходить мне на память пан Хмельницкий и Мазепа»¹.

Образ Хмельницкого можно назвать одним из центральных в украинской литературе эпохи, не случайно первый номер «Украинского вестника» (1816) начинался со статьи анонимного автора «Гетман Хмельницкий», где с первых же строк задавался масштаб оценки малороссийской истории:

Летописи Украины и Малороссии столь же любопытны, как и История древних республик. В них, как в летописях древности, видим мы общества, образуемые воинским духом, и дух сей поддерживаемый частными правильными учреждениями. Граждане сих обществ были воспитываемы подобно Спартанцами и всегда вооружены, как Римляне. Они не стремились, подобно сим последним, покорить всю тогда известную землю; но храбро защищали свои жертвенники и дома...²

Деяния казаков напрямую соотнесены со знаменитыми подвигами древних героев: «Не видите ли вы в каждом истинном казаке Геркулеса?»³. В отличие от воинственных спартанцев, они, однако, более просвещены и менее кровожадны, являясь примером гармоничного развития: «Добрый гений народов дал умам другое направление: он восхотел, чтоб крепкий дух казаков смягчился добродетелью наук – и Малороссия озарилась светом учения»⁴.

Хмельницкий рисуется лучшим представителем казачества. Автор старается отыскать достойное место украинскому гетману в пантеоне всемирно известных героев и «вписать таким образом украинскую историю в глобальный исторический контекст»⁵. Великие деяния Хмельницкого становятся примером истинного патриотизма, беззаветного служения родине и призваны вечно вдохновлять украинцев на новые подвиги, которые не ограничены лишь прошедшими временами. Здесь автор вспоминает ополчение 1812 года и роль восстановленных казачьих полков во время войны с Наполеоном: «И в новом положении вещей казаки явили себя достойным своих предков. Недавно видели знамена их развевающиеся на берегах кичливой Сены»⁶.

¹ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2. Отд. 2. С. 46.

² Гетман Хмельницкий // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. С. 7.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Журба О.І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002. № 1-3. С. 61.

⁶ Гетман Хмельницкий // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. С. 11.

В дальнейшем имя гетмана встречается на страницах украинских периодических изданий не единожды и всякий раз его образ сопровождается комплексом сходных авторских оценок, равно как выбор исторических эпизодов и фактов биографии, выстраивающий исключительно положительный образ малороссийского Героя. Это именование, зачастую с заглавной буквы, фактически становится синонимом Богдана Хмельницкого, и перестает требовать уточнения. Как правило, в источниках особо подчеркивается принадлежность гетмана к малороссийскому казачеству (он – истинный казак, а не, скажем, россиянин или польский пан), его патриотизм и безграничная любовь к Отечеству, подкрепленная не только словом, но и делом, «великий ум», а также ряд черт характера национального героя – смелость, благородство, дальновидность, но, вместе с тем, простота и сердечность. Таким образом, собирательный «портрет» его можно охарактеризовать несколькими ключевыми фразами: «Хмельницкий имел наружность истинного казака и ум, обогащенный многими познаниями», «он выступает на своем поприще, забывая даже о славе...», «сей храбрый воин грудью встретил войско неприятеля», «редкие из людей великих сделали столько добра своей отчизне, сколько сделал он...»¹ и т. д.

Следует заметить, что типичная оппозиция образов Б. Хмельницкого и И. Мазепы на страницах периодических изданий Украины первой четверти XIX века лишается напряжения, но не за счет «реабилитации» последнего, а из-за редких упоминаний о нем. Возникает ощущение, что представители малороссийской культурной элиты настойчиво желают стереть из исторической памяти даже имя И. Мазепы. Не случайно в статье И.И. Квитки «О Малой России», в одном из текстов, ориентированных на последовательное выстраивание истории Украины, период гетманства Мазепы, равно как и все его деяния, опущены, а сам факт исключения их из ткани повествования отчетливо мотивирован:

Его жизнь, отличенная примерным вероломством, очень известна по истории войны между Петром Великим и Карлом XII Королем Шведским; а потому опустить покрывало на его Гетманство — будет простительно...².

Освещение соответствующего периода в другой программной исторической статье «Исторические замечания о Малороссии» М.К. Грибовского сводится лишь к небольшому по объему отрывку, рисующему портрет алчного и трусливого изменника, не ведающего о понятиях чести и благородства:

В 1708 году Мазепа, забыв истинную пользу Отечества, и помышляя лишь о своей выгоде, изменил Царю и пристал к стороне Карла XII. Единственно ненасытная алчность властолюбия влекла его к тому; и вместе худая его политика...³.

¹ Украинский вестник. 1816. Ч. 1. С. 13-14.

² Квитка И.И. О Малой России // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 3. С. 310-311.

³ Грибовский М.К. Исторические замечания о Малороссии от смерти Гетмана Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения (окончание) // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 6. С. 293.

Если эпитетом Хмельницкого становится «Герой», то к Мазепе намертво пристаёт наименование «гносного предателя». Так, автор статьи «Харьковский театр», рассуждая о малороссиянах, замечает вскользь, что «называть Мазепой Малороссиянина обиднее для него, нежели как было некогда название Самарянина для Иудеев»¹.

Возвращаясь к образу Хмельницкого, заметим, что помимо устоявшихся элементов в начале XIX века он ассоциируется еще и с польским контекстом. Будучи, согласно наиболее распространенной версии, родом из православной шляхты Речи Посполитой, украинский гетман получил начальное образование в Киеве, а затем продолжил обучение в Львовском Иезуитском коллегиуме, однако остался приверженцем православной веры. Начав военную карьеру с польско-турецкой войны 1620-1621 годов, Хмельницкий пользовался уважением при дворе короля Владислава IV. Согласно Летописи Самовидца, Хмельницкий принимал участие в осаде Смоленска силами Речи Посполитой в 1634 году и впоследствии был жалован польским королем за военные заслуги золотой саблей². В дальнейшем украинский гетман не раз вступал в сношения с польской стороной, будь то военное противостояние, заключения перемирия, попытки дипломатических переговоров и прочее. В обстановке активного обсуждения польской проблемы и возможности возвращения «кресов» Царству Польскому, под коими подразумевалась территория западной Украины, Литвы и Белоруссии, отношения Хмельницкого с Речью Посполитой приобретали особую значимость.

Мнение украинских историографов в этом вопросе оказывается далеко не единым. Так, на страницах «Украинского вестника» разворачивается полемика между И.И. Квиткой и М.Е. Марковым, известными харьковскими историками. В основе статьи «О Малой России» И.И. Квитки лежит официальная теория об искусственном отторжении территории Малороссии в начале XIV века и ее закономерном «возвращении» впоследствии:

Летописи времен протекших свидетельствуют, сколь было пагубно разделение Российского Государства на удельные Княжения. <...> Итак Малая Россия с Украиной быв около 330 лет под чужим владением <...> присоединены опять к Царству Российскому — прежнему своему Отечеству³.

Автор часто упоминает «притеснения и обиды», наносимые поляками малороссиянам на протяжении всего существования под владычеством Речи Посполитой. Это время И.И. Квитка называет самым печальным в истории Украины.

Несколько иной взгляд предлагает М.Е. Марков в статье «Введение в Малороссийскую историю, или Краткое описание Южной части Российского государства во времена древние: как находилась она под владением Литвы и Польши, как возвратилась России и

¹ Харьковский театр // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 12. С. 367.

² Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти / Под ред. О.М. Бодянского. М.: В университетской типографии, 1846. С. 4-152.

³ Квитка И.И. О Малой России // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 2. С. 145, 155-156.

получила название Малороссии». Автор прослеживает исторический путь славянских народов с древнейших времен и далее подробно останавливается на истории малороссийского края. При этом явные отсылки к официальной концепции Российской империи относительно исторического пути Украины отсутствуют. Для М.Е. Маркова «отличное» положение Украины, ее своеобразие, самобытность определяются историей славянских народов. Он подчеркивает обособленный характер их поселений, но главное, противопоставляет «северных» и «южных» славян, что дает основание говорить об их природном различии:

Когда Северные Славяне, в окрестностях озера Ильменя и по обеим сторонам западной Двины обитавшие, предались с некоторыми соседственными им Финскими племенами под управление Варяга — русского князя Рурика; когда они во второй половине девятого столетия положили основание Русскому Государству; тогда на землях ниже сего озера к Югу обитали племена Славянского же поколения. Они занимали пространство между реками Бугом, впадающем в Вислу, и верхними водами Оки и Донца <...>. Они были частью ни от кого независимы, частью же находились под игом Козар¹.

Таким образом, их дальнейшее объединенное состояние стало результатом постепенного подчинения, «собирания» отдельных славянских племен под властью единого правителя, но это не было естественным, «природным» единством, не случайно автор акцентирует особое внимание на факте переноса столицы из Новгорода Великого в Киев во времена правления Олега, тем самым, как будто, обнажая механизм объединения «южных» и «северных» земель.

Еще одна сторона дискуссии И.И. Квитки и М.Е. Маркова — этимология именованной «Малороссия» и «Украина». Начало ее связано с опечаткой, допущенной И.И. Квиткой в очерке «О Малой России», где автор по ошибке отнес название Малой России к Правобережной Украине. По утверждению А.И. Журбы, «джерельна база, на яку спирався в цій дискусії М. Марков, значно більша і достовірніша, ніж у його опонента. Це дало йому можливість розгорнути перед читачем справжнє дослідження української історико-географічної термінології»². Действительно, М.Е. Марков опирался на польские историографические, документальные, картографические источники, что позволило ему сделать вывод о непольском происхождении названия «Малороссия»:

Сколько я не видал грамот Польских Королей от самого времени соединения Литвы с Польшей и сколько не читал их разных конституций, нигде не встречал онаго, равно как ни в летописях ни в

¹ Марков М.Е. Введение в малороссийскую историю // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. Кн. 9. С. 249.

² Журба О. І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002. № 1-3. С. 64.

землеописаниях. Почему и заключаю, что Поляки вышеозначенные все наши области называли вообще просто Русью, а частно по воеводствам¹.

Начало же употребления названия «Малороссия» автор сочинения, опираясь на ряд документальных источников, склонен связать с периодом восстания Б. Хмельницкого:

Мы название сие находим у них (поляков. – Т.В.) уже после того времени, как известный славный Гетман Украинских и Запорожских Казаков Богдан Хмельницкий решился свергнуть с себя и с них иго Польши в Универсале своем к ним в 1648 году писанном, возбуждая к поголовному ополчению и призывая под Белую церковь, – земли их назвал Украиной Малороссийскою и их также народом Малороссийским. Он же ища покровительства Царя Алексея Михайловича, по нескольким сношениям в 1653 году называл уже и Его обладателем Малой России...².

По замечанию М.Е. Маркова, изначально именование «Малороссия» распространялось на оба берега Днепра и лишь впоследствии, после Андрусовского перемирия (1667) закрепилось за Левобережьем. Что касается термина «Украина», автор связывает его с возникновением и дальнейшим процессом расселения казаков, что относит к началу XVI века:

Козаки Малороссийские начало свое восприяли около 16 столетия от Российских переселенцев к нижним странам Днепра и к рекам Бугу и Днестру, которые переводимы были туда из бывших под властью Литвы и Польши наших областей; и которых Поляки заставляли занимать тут пустые и разоренные места с тем, дабы они некоторым образом прикрывали их границы <...>. Почему и кажется, что название Украины могло произойти само по себе тогда, как показались Казачьи селения в пустых местах у края Государства, – без всяких о том актных распоряжений³.

Возвращаясь к характеристике украинского исторического пантеона, заметим, что в путевых записках весьма частотны упоминания российских государственных деятелей: как русских государей, известных полководцев, так и правителей Малороссии — ставленников империи. При этом особенно устойчивой оказывается ассоциация их имен с мотивами освобождения и созидания. Так, в контексте описаний борьбы с внешними врагами, строительства новых православных храмов и восстановления старых, благоустройства городов, мы обязательно встречаем имя Петра I, Екатерины Великой, Александра I, А.В. Суворова, П.А. Румянцева, А.Б. Куракина и других малороссийских генерал-губернаторов. Этот момент становится общим местом для произведений, выполняющих функцию ознакомления с малороссийским краем (очерки И.Ф. Вернета, Н. Левицкого, И.И. Гуржеева и пр.). Кроме того, в местной периодике обязательно сообщалось о посещении Украины высочайшими особами и сановниками («Ода на приезд Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича в Харьков» И.И. Срезневского, «Записка о приезде и пребывании в городе Харькове Его Императорского Высочества

¹ *Марков М.Е.* Замечания на статью о Малороссии, помещенную во 2-й и 3-й книжках Украинского вестника // Украинский вестник. 1816. Ч. 3. Кн. 8. С. 130.

² Там же. С. 131-132.

³ Там же. С. 135.

Государя Великого Князя Николая Павловича», «Пребывание его Императорского высочества Великого Князя Николая Павловича в Полтаве» Е. Акимова, «О пребывании Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Михаила Павловича в Екатеринодаре» и др.¹). Подобный набор лиц, попадающих в центр авторского внимания, указывает на стремление украинских писателей подчеркнуть интегрированность региона. При этом образ того или иного имперского героя предстает как «свой», близкий. Так, в «Письме 8-м в Херсон» Е.М. Филомафитского описано пребывание Александра I, а затем Великого Князя Михаила Павловича в ряде городов Украины и, в частности, в Харькове и переданы чувства, испытываемые малороссиянами:

Мы, читая радостные известия, жителями матери градов Российских Москвы нам сообщаемые, казалось, или находились среди стен ея – или не разлучались еще с Царем своим: и среди нас Он провозжал сквозь ряды победоносных войск своих; среди нас благословляем был народом, почитающим за первое на земле благо – видеть Его...².

Таким образом, культурно-исторический пантеон, созданный старанием региональной литературы и журналистики, выполнял несколько функций, ориентированных как на «внешнего», так и на «внутреннего» читателя: с одной стороны, он знакомил с важнейшими историческими лицами и культурными деятелями малороссийского края, одновременно его прославляя и возвышая; с другой – он играл роль объединяющую, формируя сферу идеалов, общих для местной культурной элиты.

3.1.3. Образы новых «культурных гнезд»

Эти интенции в полной мере ощущаются и в еще одной важной составляющей регионального имиджа – образах «культурных гнезд», возникших в Украине в недавнее время и свидетельствующих о ее новом имперском и европейском уровне. Во-первых, это Харьковский университет, основанный в 1805 году указом императора Александра I. Главную роль в открытии университета сыграла деятельность В.Н. Каразина, который смог заложить материальную базу для крупнейшего учебного заведения Малороссии. С судьбой университета В.Н. Каразин связывал самые светлые мечты и смелые чаяния относительно будущего Украины:

<...> я смею думать, что Губерния наша предназначена разлить вокруг себя чувство изящности и просвещение <...>. Я полагал, что от нас Империя будет заимствовать златоустых наставников в Слове Божьем и нравах <...>; что мы посадим мудрость в судах <...>; что от нас изыдут Витии, Стихотворцы, прославить добродетель и благословенное нынешнее правление; что мы наставим воспитателей Российскому юношеству, что мы умножим число Врачей <...>; что ученые, измеряющие те-

¹ Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 6. С. 331-334; Ч. 3. Кн. 7. С. 86-90, 90-97; 1817. Ч. 8. Кн.10. С. 104-112.

² Филоматитский Е.М. Письмо 8-е в Херсон // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 11. С. 223.

чение светил небесных и силу Природы, у нас будут образовываться <...>. Я смел еще мечтать, что изобилия и радость будут иметь у нас верное прибежище; что мы прославимся в единоземцах, друзьях, чадах, что мы покажем собою пример, который воспламенит к подражанию <...>. Самые сии мысли <...> обнаружил я и пред Августейшим Монархом. Исполнители Его человеколюбивых и мудрых велений уверили меня, что приятно Ему было назначить Украину средоточием просвещения, долженствующего излиться на сопредельные Губернии¹.

Масштаб задуманного В.Н. Каразиным поистине огромен, по его плану университет не собирался довольствоваться скромным положением провинциального учебного заведения, а должен был соответствовать уровню столичных, на что и настаивал малороссийского генерал-губернатора А.Б. Куракина:

Не стану указывать здесь, что учреждение сего рода никакой не принесет пользы, если оно не будет, сколь возможно, ближе к совершенству. Известно вам, милостивый государь, что провинциальные заведения обыкновенно в ничто обращаются заведениями в столицах, если оне очевидно не превосходят сии последние; чтоб победить предрасудок и прочия противоборствующие причины, надобно, чтоб сие превосходство было велико, неоспоримо...².

Харьковский университет привнес обновление в жизнь губернского города, не случайно И.Ф. Вернет в «Мыслях о Харькове» разделил его историю на период «до» и «после» основания, предоставляя более молодому и искусному перу право «изобразить перемены, случившиеся в Харькове со времени учреждения Университета»³. Город был основан в середине XVII века и не имел сколько-нибудь весомой в общеукраинском значении истории. Харьковские авторы отнюдь не игнорировали этот факт, с гордостью относя новый статус города к развитию культуры: «Харьков есть по древности не очень значительный город; ибо его основание едва ли простирается за полтора года лет перед сим <...>. Но Харьков обязан славою своей любви к просвещению и промышленности в его жителях...»⁴.

В местных журналах именно университет выступал основным поставщиком новостей, и его деятельность освещалась очень подробно, подчеркивая масштабы и размах просветительской деятельности. Так, в «Украинском вестнике» заметки под названием «Университет» имели постоянный характер в рубрике «Харьковские записки». Показательна первая из них в начальной книжке за 1816 год – своеобразная презентация университета и образец его описаний в следующих выпусках. Смысловый центр ее составляет

¹ [Каразин В.Н.] Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиным, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 15. С. 237-241.

² Письмо В.Н. Каразина к князю А.Б. Куракину о привлечении малороссийского дворянства к пожертвованию на Харьковский университет // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 11. Полтава, 1914. С. 180.

³ Вернет И.Ф. Мысли о Харькове // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 11. С. 187.

⁴ Харьковские записки // Украинский вестник. 1819. Ч. 15. Кн. 7. С. 81.

речь профессора И.П. Каменского, в которой «представил он обозрение настоящего состояния сего Университета». Оратор подробно осветил для широкой публики материальную базу, включающую разветвленный комплекс узкоспециализированных кабинетов согласно преподаваемым наукам (физический, минералогический, зоологический и проч.), несколько лабораторий, анатомический театр, так называемые, клинические институты, относящиеся к медицинской части, ботанический сад, библиотеку, «весьма достаточную и ежегодно пополняющуюся». Особое внимание он сосредоточил на типографии «для печатания сочинений на разных языках, издаваемых университетом и частными лицами»¹, что далеко не случайно. Для провинциального города она была своеобразным окном в широкий культурный мир, являя собой живой, осязаемый пример просветительской деятельности. Как справедливо констатировала А.И. Журба:

Професори, студенти, випускники Харківського університету склали коло освіченої публіки <...>. Вони, за сприяння університетського керівництва, використовуючи досить ліберальні цензурні умови, опираючись на ідеї просвітництва та романтизму, національно-культурного піднесення після війни 1812 р., міцні контакти зі столичним інтелектуальним середовищем, у перше десятиріччя вищого навчального закладу заснували наукове товариство, налагодили книговидавництво, розпочали видання журналів².

Еще одна важная составляющая университетского образа – комплекс преподаваемых наук, характеризующийся широтой и всеохватностью: отделение нравственно-политическое, медицинское, словесных наук, физических и математических наук, а также преподавательский состав, включающий, согласно Каменскому, «18 Профессоров, 9 Адъюнктов, 3 Лектора»³. Подчеркивается большое число учащихся, динамика их прироста: «Из следующего можно увидеть успехи учения в Университете, в коем с 1806 по 1815 года из учившихся произведено в Кандидаты 102, в Магистры 12, в Докторы 6, в Лекари 9. Учителями определено 97, в другие институты отправлено для усовершенствования 8. Из воспитанников Университета пять с честью занимают в Университете звание Адъюнктов»⁴.

Однако главное в имидже Харьковского университета – его практические успехи как центра просвещения в Украине: университетский округ охватывал девять губерний, под его эгидой находились порядка тридцати гимназий и уездных училищ. Это место собраний, приуроченных к торжественным датам, обязательный пункт хотя бы мимолетного пребывания «знатнейших посетителей», в том числе венценосных особ. Как правило, ни одна поездка представителей императорской фамилии по Украине, отраженная в тех или

¹ Университет // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 89.

² Журба О.И. Указ. соч. С. 58-59.

³ Университет // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 90.

⁴ Университет // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 90.

иных источниках, не обходится без упоминания университета. Например, в «4-м письме в Херсон» Е.М. Филомафитского¹ подробно описан визит Великого Князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, в Харьков, где он в числе наиболее значимых «достопримечательностей» города, таких как — военный госпиталь, Институт девиц, учрежденный Благотворительным Обществом, Егерский полк и проч. — посетил Харьковский университет. Исключение не составляли и другие имперские путешественники. Например, И.М. Долгорукий описывал Харьковский университет с особой тщательностью, оценив, исходя из собственных наблюдений, глубину познаний студентов, коснувшись его истории, преподавательского состава, описав отдельные кабинеты и классы, вызвавшие его особое удивление или высокую оценку².

В свою очередь университет «озаряет лучами просвещения» и весь Харьков. Некогда непримечательный провинциальный город постепенно стал в глазах украинцев культурной столицей края. Действительно, Харьков обладал всеми необходимыми составляющими для этого, что с завидной регулярностью подчеркивали местные журналисты. В первых, сердце города — университет, напрямую сравниваемый с прославленными древнейшими университетами Европы, и даже превосходящий их по части интенсивности развития:

Харьковский университет в прошедший Академический год имел 220 студентов, если же присовокупить 170 студентов, воспитывающихся в Харьковском Коллегиуме Богословским наукам <...>, если же сказать, что число жителей Харькова едва ли простирается до 20,000: то 400 Харьковских Студентов к 700 Берлинских перевес охоты к просвещению склонят конечно на нашу сторону³.

Не последнюю роль в выстраивании образа Харькова как культурной столицы Украины играли иные образовательные, общественно-публичные, социальные учреждения города: научное Филотехническое общество (1810-1819), харьковская гимназия, институт благородных девиц, коллегиум, уездное духовное и приходское училища и другие. Например, «Харьковские записки» за 1819 год содержали полный перечень подобных учреждений с подробным их описанием и статистическими данными результатов из деятельности⁴.

Особой достопримечательностью Харькова были пышные мероприятия, приуроченные к торжественным событиям, памятным датам, чествованию высоких гостей. В «Украинском вестнике» находим немало публикаций, описывающих подобные празднества. Каждое из них представало перед читателем как событие значимое, масштабное и

¹ Филомафитский Е.М. Письмо 4-е в Херсон // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 6. С. 359-378.

² Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2. Отд. 2. С. 48-53.

³ Харьковские записки // Украинский вестник. 1819. Ч. 15. Кн. 8. С. 82.

⁴ Харьковские записки // Украинский вестник. 1819. Ч. 15. Кн. 7. С. 81-102.

оригинальное. Для наглядности – несколько образцов. Первый, фрагмент из записок Харьковского общества благотворения – описание концерта, данного в честь великого поэта «лучшими здешними виртуозами и музыкантами». Второй – отрывок из «Письма 4-го в Херсон» Е.М. Филомафитского, посвященный балу в честь приезда великого князя Николая Павловича. Третий – еще одно описание местного бала, помещенного в обращении «К Издателям».

Г. Витковский, известнейший искусством своим на скрипке – ученик Гайдена, и Г. Шуман на виолончели – ученик также славного Ромберга, были первые в сем концерте <...>. Самый оркестр был не обыкновенный оркестр: он весь почти состоял из гг. Студентов здешнего Университета, кои всегда отличались благонравным поведением и вежливостью...¹.

Бал этот устроен был в доме Предводителя Дворянства – месте, которое на сей раз сделалось в тысячу раз прелестнее. Освещение рощи, сада, дома было великолепно. Ничего не было забыто искусством, чтобы увеличить красоты природы. Против окон залы стояла большая прозрачная картина, представляющая Государя Императора в победной торжественной колеснице <...>. Все редкости здешнего края собраны были на этом бале; зала украшена была гирляндами из дубовых листьев, роз и лилий – и роз не воображимых, а настоящих <...>. Невероятным покажется для жителей Севера, – что бы можно было собрать свежих едва распустившихся роз такое множество².

На досуге расскажу Вам о празднестве, которое видел я недавно <...>. 10я Артиллерийская бригада Полковника М-ка делала практическое учение в присутствии своих генералов <...>. К 9 часам вечера открыт бал. Тут-то при свечах, украшения залы имели отменный вид! Дубовые фестоны и гирлянды цветов, освещаемые ярким блеском огней, прельщали глаза гармонической смесью своих оттенков...³.

Однако особой гордостью Харькова был театр и балет. В статьях местных авторов театр, воплощение высокого искусства, оценивался как значимый показатель культурного прогресса: «Это верх тонкости и совершенство человеческих дарований, честь ума и вкуса народов, достигших высшей образности»⁴. В связи с этим неудивительна высокая, слегка комическая по своей крайности, патетика, с которой автор первого «письма в Херсон» сообщал своему собеседнику о появлении в Харькове театра и «даже балета»: «в Харькове есть театр и даже балет – редкость в провинциальном городе! <...>. Да, вообрази себе, здесь балет и балет такой, на который можно смотреть с величайшим удовольствием...»⁵.

¹ Харьковское Общество Благотворения // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 4. С. 109.

² Филомафитский Е.М. Письмо 4-е в Херсон // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Кн. 6. С. 371-372.

³ К Издателям // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 10. С. 124-125.

⁴ Богданович С. Нечто о Театре // Украинский вестник. 1819. Ч. 14. Кн. 5. С. 278.

⁵ Филомафитский Е.М. Письмо 2-е // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 117.

Если Харьков в региональном сознании начала XIX века выступал как столица нового просвещения, то статус культурных и, в том числе, литературных центров приобрели поместья местных меценатов и писателей.

В первую очередь, это имение Поповка Сумского уезда Харьковской губернии, принадлежавшее отставному адъютанту фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского Александру Александровичу Палицыну (1741-1816), практически безвыездно здесь проживавшему. А.А. Палицын, почетный член Харьковского университета (1810) и действительный член Филотехнического общества (1814), был широко известен своей бескорыстной благотворительностью, просветительской деятельностью, любовью к наукам и искусствам. Благодаря его пожертвованиям было построено несколько особняков и каменных церквей, одна из самых известных – церковь Иоанна Предтечи – была возведена по собственному его проекту и не уступала по величине и пышности другим храмам малороссийского края. Как писал В.Н. Каразин: «Действуя на богатых помещиков <...> он заохотил их к строениям, лучшему расположению домов, украшению их приличными мебелью, к заведению библиотек и т.п. Ему обязаны большею частию началами европейского быта в Украине»¹.

Поэтическое творчество А.А. Палицын начал еще во время службы в столице, где завязались его прочные контакты с В.И. Майковым, И.Ф. Богдановичем, Г.Р. Державиным, А.С. Шишковым, С.Н. Глинкой. После окончательного поселения в Поповке они остались его корреспондентами, а иногда были и гостями – как С.Н. Глинка, И.Ф. Богданович и В.В. Капнист. Оригинальное поэтическое наследие А.А. Палицына невелико – небольшие поэмы, стихи средних и малых жанров, совмещающие черты сентиментальной и неоклассицистской (в духе А.С. Шишкова) стилистик. Самое известное из них – «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» (1807) – является галереей писательских портретов от Феофана Прокоповича до И.И. Дмитриева. Более известен А.А. Палицын переводами, которым посвящал много времени и сил. Он перевел роман Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», поэму Ж. Делиля «Сады» и его «Дифирамб на бессмертие души», сочинения Р.Л. Жерардена «О составлении ландшафтов, или О средствах украшать природу округ жилищ, соединяя приятное с полезным», поэмы «Времен года» Ж.Ж. Сен-Ламбера и «Независимость писателя» Ш.Г. Мильвуа и ряд других произведений². В 1807 году в типографии Харьковского универси-

¹ Молодик на 1844 год. Харьков: В университетской типографии, 1843. С. 43-44.

² См.: *Кочеткова Н.Д.* Палицын Александр Александрович // *Словарь русских писателей XVIII века.* / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 2 (К-П). СПб.: Наука, 1999. С. 401-404.

тета вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве», первый в российской словесности и получивший высокую оценку современников¹.

Библиотека А.А. Палицына была огромна и насчитывала более десяти тысяч томов, а богатейшая коллекция графики и живописных полотен, привезенных из самых разных стран, включала более двух тысяч экземпляров. Дом А.А. Палицына со временем стал местом собрания культурной элиты: художников, архитекторов, писателей и просто образованных представителей дворянского общества, имевших интерес к наукам и искусствам, литературным новостям, вопросам просвещения и политики. Среди них – В.Н. Каразин, архитектор и гравер Н.Ф. Алферов, архитектор В.И. Ярославский, писатель Е.И. Станевич и другие. Впоследствии регулярно собирающийся кружок стал именовать себя «Поповской Академией». Примечательно, что А.А. Палицына нередко навещал знаменитый Г.С. Сковорода, а идея открытия университета в Харькове зародилась именно среди членов «Поповской Академии». Характеризуя деятельность А.А. Палицына, Н.Ф. Сумцов справедливо констатировал:

Очевидно, Поповская академия в свое время была для здешнего края просветительным учреждением, и до открытия в Харькове университета отчасти исполняла его роль высшего учебного заведения. Душой ее был Палицын, соединявший в себе разностороннее и широкое образование с мягко-сердечием, добродушием и с большой способностью сплачивать людей в интересах общественного преуспеяния, умственного и нравственного. В лице Палицына в Харьковском крае <...> явился рассадник западноевропейского просвещения, преимущественно просветительной и филантропической литературы прошлого (XVIII. – Т.В.) века.²

Еще одно известное дворянское имение в Малороссии, ставшее центром притяжения местных художников и литераторов и превратившееся в средоточие культурной жизни Полтавщины, – Кибинцы Миргородского уезда, принадлежавшие Д.П. Трощинскому.

Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754-1829), происходя из мелкой украинской шляхты, смог добиться впечатляющего карьерного роста, став одним из влиятельнейших государственных лиц Российской империи. Получив при Екатерине II орден Святого Владимира II степени, чин действительного статского советника, должность статс-секретаря и будучи пожалован особой милостью императрицы – землями в Киевской губернии, Д.П. Трощинский сумел сохранить свое высокое положение при Павле I, став сенатором и тайным советником. Головокружительная карьера этого незаурядного человека продолжилась и во времена царствования Александра I, отметившись должностью директора поч-

¹ См. о нем: *Шамбинаго С.К.* Художественные переложения «Слова» // Слово о полку Игореве. М.-Л.: Academia, 1934. С. 205-206; *Альциуллер М.Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26. С. 116-118; *Прийма Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980. С. 130-131.

² *Сумцов Н.Ф.* Культурный уголок Харьковской губернии (Поповская Академия). Харьков: Типография губернского правления, 1888. С. 12.

товых служб, главы Министерства уделов и членством в Государственном совете, а впоследствии и высочайшей должностью министра юстиции.

Окончательно переехав в Кибинцы в начале 20-х годов, Д.П. Трощинский посвятил себя филантропической и просветительской деятельности. Он был другом, помощником и надежным покровителем для многих украинских художников и литераторов, в том числе В.В. Капниста, В.Л. Боровиковского, В.А. Гоголя, а также его сына Н.В. Гоголя – сначала ребенка, потом начинающего писателя. Именно Д.П. Трощинский был одним из инициаторов первого издания «Энеиды» И.П. Котляревского.

Особняк хозяина, внешне не столь примечательный, но поражающий внутренним убранством, был сердцем Кибинцев. В «Воспоминаниях» С.В. Скалон содержится краткое описание дома Д.П. Трощинского: «Деревянный дом его, в Кибинцах, был в два этажа, снаружи он не казался великолепен, но внутри был богато отделан; в нем было множество картин, фарфора, бронзы и мрамора; тут же у него была и коллекция чудных золотых монет и медалей...»¹. Согласно сохранившимся сведениям, среди прочих редких, изысканных и дорогих предметов было несколько личных вещей королевы Марии-Антуанетты. Широкой известностью пользовалась богатая библиотека Д.П. Трощинского, пополняемая не только самим хозяином, но и многочисленными дарителями. Состав библиотеки был универсальным, включавшим книги из самых разных отраслей знаний на многих языках. Примечательно, что Д.П. Трощинского особенно интересовала украинская история, поэтому в его библиотеке особый раздел составляли краеведческие материалы как печатного, так и рукописного характера.

Дом часто, если не всегда, был полон гостей и просто посетителей. С.В. Скалон вспоминала: «Мы у него проживали часто по несколько недель: но главный праздник там был 26-го октября, в день его именин. К этому дню съезжались к нему родные, друзья и знакомые из разных губерний <...>. Театр, живые картины, маскарады и разные сюрпризы были приготовлены заранее»².

О театре в Кибинцах стоит говорить отдельно. Руководить им Д.П. Трощинскому помогал В.В. Капнист, охотно писавший для домашней сцены и столь же охотно примерявший на себя актерские роли. Помимо него в театре были постоянно задействованы дети Капниста, князь Хилков, имеющий дарования комического актера, его жена Надежда Дмитриевна, семья В.А. Гоголя-Яновского и многие другие, в том числе и крепостные актеры. Репертуар театра был разнообразен: ставили «Недоросля» Д.И. Фонвизина, «Подщипу» И.А. Крылова, нередко разыгрывались малороссийские сцены. Театр в Кибинцах,

¹ Скалон С.В. Воспоминания Скалон С.В. (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Май. С. 363.

² Там же.

как, впрочем, и богатая библиотека Д.П. Трощинского, оказали сильнейшее влияние на формирование личности Н.В. Гоголя. Ю.В. Манн замечал по этому поводу: «самые ранние театральные впечатления, которые, конечно, были и впечатлениями художественными в более широком смысле, закладывались у мальчика в трех-четырёхлетнем возрасте. И очень важно, что они неразрывно были связаны с обликом родных или знакомых людей, проникали в сознание действительно домашним, повседневным образом»¹.

Не менее оригинален был повседневный быт дворянской усадьбы. Большое внимание уделялось гастрономическим изыскам. Один из гостей, В.Я. Ломиковский, в дневнике 1822 года записал:

Могу сказать утвердительно, что гости <...> в три дня столько проглотили хлеба насущного, рыб, птиц и зверей земных, что если б во время оно припасы находились в Ноевом ковчеге, то весьма довольно было бы для всего семейства патриарха сего на все время плавания его поверх пучины².

Особой причудливостью отличались заведенные Д.П. Трощинским развлечения. В доме проживали шуты, в обязанность которых входило веселить хозяина в минуты апатии, шутодразнители, подстегивавшие последних, а также так называемые чтецы-сказальщики. За обедом непременно играл оркестр, певчими исполнялись песни под настроение Дмитрия Прокофьевича, в послеобеденное время всегда составлялась партия в шахматы.

Немаловажно, что по своему характеру Кибинцы имели ярко выраженную украинскую окраску, здесь часто пелись малороссийские песни, на домашней сцене ставились картины с украинским колоритом. Также интересен тот факт, что Д.П. Трощинскому посвятили свои основополагающие труды два выдающихся этнографа и любителя малороссийской старины – Я.М. Маркович и Н.А. Цертелев. В то же время Кибинцы поражали особой поликультурностью, в рамках которой органично сосуществовало русское, украинское и западноевропейское. Не случайно Н.В. Гоголь вспомнит позже, что домашний оркестр часто исполнял произведения Бетховена и Моцарта. Все это дало Ю.В. Манну право обоснованно утверждать, что «Кибинцы были не местным и этнографически ограниченным, а общекультурным центром»³.

Недалеко от имения Д.П. Трощинского располагалось родовое гнездо В.В. Капниста (1758-1823) – Обуховка, воспетая им в знаменитом стихотворении. Здесь было мало блеска и роскоши, но много природной естественности и красоты. Приехавший сюда впервые Г.Р. Державин (он приходился родственником Капнисту со стороны жены) «был в восхищении от Обуховки, несколько раз повторял, что он был бы счастлив, если бы мог

¹ Манн Ю.В. Украинские Афины // Педагогика искусства. 2009. № 4. С. 168.

² Ломиковский В.Я. Отрывок из дневника // Киевская старина. 1895. Т. 51. № 11. С. 239.

³ Манн Ю.В. Украинские Афины. С. 169.

жить в таком месте, где, по его мнению, все дышит поэтическим вдохновением»¹. Барский дом был расположен в красивейшем месте на правом берегу Псела, на уступе горы, покрытой живописным лесом. Вид, открывающийся отсюда, в красках сельской идиллии описала в своих воспоминаниях С.В. Скалон, дочь В.В. Капниста:

...из окон этого дома открывается даль верст на двадцать, покрытая лугами и селеньями. При восходе солнца или вечером при лунном свете этот вид бывал очарователен: особенно он был хорош, когда луна серебристым столбом блестела над рекой, в которую смотрелись покрытые густым лесом горы, при шуме мельниц, похожем на вечный шум водопада².

Поэтический образ имения, вошедшего благодаря «Обуховке» в культурную географию Украины, нарисовал сам хозяин:

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псёл, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес...³

Обуховка, как и Кибинцы, славилась своими семейными торжествами, пышными обедами без повода, развлечениями, широкий выбор которых нередко поражал посетителей – конные прогулки, продолжительные трапезы под открытым небом на воздухе, неспешные катания в лодках по реке, ночные гуляния с песнями и плясками – все это сопровождалось музыкой и дружескими беседами на самые разные темы.

Хозяин имения отличался глубокой любовью к родному краю, слыл истинным патриотом, он «страстно любил свою родину и готов был жертвовать всем состоянием для блага Малороссии»⁴. Капнист высоко ценил малороссийскую культуру и язык, в котором, как и многие другие любители малороссийской старины, видел яркое поэтическое начало.

Однако сущность Обуховки выражали не только живописная поэтическая природа, барский дом или дворянский быт, но и люди, проживающие, а также гостившие здесь – родные, близкие, друзья. Среди них – Г.Р. Державин со своей женой, В.А. Гоголь-Яновский, Д.П. Трошинский, братья Муравьевы-Апостолы, М.П. Бестужев-Рюмин и многие другие, «достоинейшие люди», как впоследствии будет вспоминать С.В. Скалон. Не случайно и сам В. В. Капнист в «Обуховке» описал родное имение не только как живо-

¹ Скалон С.В. Указ. соч. С. 360.

² Там же. С. 343.

³ Капнист В.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1973. С. 261.

⁴ Скалон С.В. Указ. соч. С. 344. См. подробнее о патриотической деятельности В.В. Капниста: Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 375-432.

писно-сказочный уголок для душевного отдохновения, но и как место встречи родных по духу людей – друзей и единомышленников:

Приютный дом мой под соломой
По мне, – ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок...¹.

Список «культурных гнезд» Украины был бы не полон без Диканьки, прославленной гоголевскими «Вечерами». Согласно источникам, имение это с конца XVII века принадлежало генеральному судье Запорожского войска Василию Леонтьевичу Кочубею (1640-1708), ведущему свой род от выходцев из Крымской Орды. О нем А.С. Пушкин в поэме «Полтава» писал:

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду, и под замками...².

При потомках «славного Кочубея» Диканька не только сохранила свой величественный вид, но и превратилась в богатое имение, славящееся своей архитектурой: «скромная Васильевка (имение В.А. Гоголя-Яновского, отца Н.В. Гоголя. – Т.В.) казалась маленькой перед лицом Диканьки, щедро раскинувшейся вдоль Зеньковского шляха, ведущего из Полтавы в Петербург, – писал И.П. Золотусский в гоголевской биографии. – Диканька была украшена двумя церквами и белыми каменными триумфальными воротами на въезде, которые воздвиг в честь визита царя Александра I хозяин усадьбы Кочубей»³.

Действительно, Диканька славилась, прежде всего, своими церквями, ставшими центром притяжения не только для местных прихожан, но и для гостей из соседних и даже отдаленных краев. Большой вклад в строительство храмовых объектов на территории Диканьки внес Павел Васильевич Кочубей (1738-1786), председатель Гражданской палаты Екатеринославской губернии, отличавшейся особой набожностью и построивший каменную Троицкую церковь. Развивалось строительство и при его сыне Викторе Павловиче (1768-1834), известном общественном деятеле времен Александра I и Николая I. Именно при нем архитектурный ансамбль Диканьки пополнился величавым дворцово-парковым комплексом, не уступавшим по красоте западноевропейским образцам. Примечательно, что на втором этаже дворца была расположена домовая церковь памяти Марии Египетской. Известна также Свято-Павловская церковь, возведенная, по данным источников, в

¹ Капнист В.В. Избранные произведения. С. 261.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 5. Поэмы, 1825-1833. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 19.

³ Золотусский И.П. Гоголь в Диканьке. М.: Алгоритм, 2007. С. 31.

1786 году недалеко от северо-восточного крыла дворца Кочубеев. Однако она прослужила недолго. По некоторым сведениям из-за ошибок в проектировании, по другим – по причине «отсутствия причета». Наибольшую известность приобрела Николаевская церковь, возведенная в 1794 году по проекту Н.А. Львова, чертежи которой, по воспоминаниям современников, были привезены из Италии. Церковь отличалась необычным внешним видом, напоминающим мечеть за счет купола в виде полушария. Славилась она особыми акустическими свойствами и богатым дубовым иконостасом¹.

¹ О деятельности Кочубеев как меценатов в области местной архитектуры и истории поместья в Диканьке см.: *Шевченко Л.* Духовні фундації родини Кочубеїв на Полтавщині // Українська академія мистецтва. Дослідницькі та наукові методичні праці. Збірник наукових праць, 2011. № 18. С. 229-239; *Скрипченко Н.* Диканський маєток Кочубеїв (II половина XVII – початок XIX ст.) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 2013. Випуск 4 (117). С. 58-61.

3.2. Художественные аспекты моделирования украинского культурно-исторического канона в русской литературе 1810 – середины 1820-х годов

3.2.1. «Любовь к стране своей родной и к притеснителям презренье...»: национализация древнерусского прошлого и проблема культурных границ

В первой четверти XIX века составной частью образа Украины в русской художественной литературе оставался образ Киевской Руси. Количественно поэмы и повести на древнерусскую тему превосходили обращения к малороссийскому материалу иных эпох, включая современную. Однако в интерпретации старокиевских времен наметился новый вектор, связанный с национализацией общественного сознания накануне и после Отечественной войны 1812 года. Если произведения 1770-1790-х годов оставались в пределах «баснословности» и были мало чувствительны к национальному колориту, обозначавшемуся в обобщенных патриотических формулах, то наступающая романтическая эпоха требовала большей исторической и культурной определенности, более тесной привязки к времени и месту. В результате мифологизация и адекватные ей жанровые конструкции «богатырской» сказки, комической оперы, героической повести или поэмы оказались ощутимо потеснены идеологической проблематизацией в рамках исторической повести, думы, поэмы¹. В обновлении поэтики сыграло свою роль и обращение к древнерусским источникам, прежде всего к «Слову о полку Игореве», первый полный художественный перевод которого выполнил, заметим, украинец А.А. Палицын в 1807 году². Подобная художественная национализация прошлого, вполне укладывавшаяся в схему имперского гранднарратива с его интегрированным видением окраинных культур, питала, однако, и региональное малороссийское самосознание, подспудно намечая силовые линии будущего национально-культурного разграничения.

Эту эволюцию наглядно показывает сравнение самого репрезентативного «древнерусского» цикла начала XIX века – «Славенских вечеров» украинца В.Т. Нарезного и произведений начала 1820-х годов, принадлежащих перу декабристов. Повести, вошедшие в «Славенские вечера» создавались В.Т. Нарезным в период с 1803 по 1819 годы, первая часть цикла вышла в 1809 году, самыми поздними стали повести «Игорь», «Любо-

¹ См. анализ жанровой эволюции: *Левкович Я.Л.* Историческая повесть // Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 108-134; *Архипова А.В.* Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX века // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л.: Наука, 1976. С. 30-84; *Архипова А.В.* Эволюция исторической темы в русской прозе 1800-1820-х гг. // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 215-236; *Державина О.А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М.: ИМЛИ, 1990.

² См.: *Шамбинаго С.К.* Художественные переложения «Слова» // Слово о полку Игореве. М.-Л.: Academia, 1934. С. 199-228; Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 14-79; *Прийма Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980.

слав» и «Александр» (1818-1819), а полностью он был опубликован в 1826 году, уже после смерти писателя. Основная часть цикла посвящена героям Киевской Руси, начиная с эпохи «баснословной», времени легендарных основателей государства (Кий, Славен) и первых князей (Святослав, Игорь, Ольга, Владимир) до монголо-татарского нашествия (повесть «Михаил»). Своеобразной кодой выступила повесть «Александр», посвященная событиям Отечественной войны и заграничных походов 1812-1814 годов. С ее помощью цикл обрел идейную законченность, основанную на непрерывности русской истории от древности до современности.

В интерпретации автора эпоха Киевской Руси – воплощение сакральных первоисточков, момент становления и первые вехи развития Российского государства. Историческая достоверность уходит на второй план, перевешиваемая героико-идиллическим образом прошлого. Как справедливо отмечал В.С. Киселев, «заимствуя из летописных и фольклорных источников основной материал своего рассказа, Нарезный создает, однако, не историческое повествование, а поэтический образ былых времен»¹. История определяет лишь каркас, раму повествования. Так, в повестях действуют реальные герои прошлого – воеводы, князья, татаро-монгольские ханы, предводители местных племен (Кий, Владимир Святославич, Игорь, Ольга, Святополк «Окаянный», Батый и др.), местом действия становятся узнаваемые топосы – берега Днепра, долины полян, Киев, Новгород. Текст изобилует наименованиями древнерусских городов (Искоростень, Туров, Муром), славянских и иных племен, известных по летописям (поляне, кривичи, древляне, косоги, печенеги), гидронимов (Днепр, Волхов, озеро Ильмень), часто упоминаются славянские языческие боги (Перун, Световид, Зимцерла, Лада). Однако В.Т. Нарезный не стремится придать изображаемому историческую и социально-бытовую конкретизацию, напротив, он охотно, следуя образцам повести XVIII века, обращается к вымышленным героям (повести «Славен» «Велесил», «Мирослав», «Рогдай», «Громобой», «Любослав») и любовно-авантюрным сюжетам. Главным отличием от поэтики В.А. Левшина, М.Д. Чулкова и М.И. Попова в этом плане становится равнодушие к сказочной стихии – ее вытесняет предромантический психологизм и образ чувствительного витязя-любовника:

«Воспой нам, — вещали они мне, — воспой нам песни о доблестях витязей и прелестях дев земли Русской во времена давно протекшие!» «Исполню желания ваши, — отвечивал я. — При закате солнца летнего в воды тихие приходите сюда внимать моему пению. Поведаю вам о подвигах ратных предков наших и любезности дев земли Славеновой»².

¹ Киселев В.С. Жанровые модификации конфликта в «Славенских вечерах» В.Т. Нарезного // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки (филология). 2005. № 6 (50). С. 22.

² Нарезный В.Т. Избранное. М.: Советская Россия, 1983. С. 26.

Следуя имперскому историческому нарративу, В.Т. Нарезный не разделял российскую и украинскую историю. События повестей разворачиваются в «русской земле», действуют «русские князья» и государство именуется «Российским», как и его народ:

Никогда, – рек Рогдай, – не отважу жизни своей для серебра и золота; и последнюю каплю ее цену дороже богатств всего света. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русской...¹

Теките с полей наших, безрассудные, и возвестите чадам своим, чего могут ждать неприятели на полях русских...²

Мятежи прекратились, спокойствие разлилось по челу России от пределов севера к югу и западу...³

Определение «русский» и его производные встречаются в тексте «Славенских вечеров» более двадцати раз, «российский» — около тридцати. Таким образом, украинский материал в цикле использовался на правах общероссийского и особое подчеркивание национальной специфики, как следствие, отсутствовало.

Наследуя традиции XVIII века, В.Т. Нарезный, тем не менее, существенно изменил акценты. Во-первых, значительная часть цикла посвящена нравственно-политической проблематике, прежде находившейся на периферии повествовательных жанров и разрабатывавшейся, скорее, трагедией. Повести «Кий и Дулеб», «Славен», «Любослав», «Игорь» сосредотачивали внимание на правителе и мотивации его поведения, в одном случае следующем личным страстям и желанию славы, а в другом – подчиненном общественному благу и интересам народа. В.Т. Нарезный прибегал к разным жанровым вариациям, используя то трагедийный конфликт, то форму философско-политической повести, то авантюрно-психологическую схему, что позволяло сделать цикл максимально насыщенным.

Так, в «Кие и Дулебе» центром становилось различие князей: Кий, глава полян, воплощал силу и мудрость нового растущего государства, поддерживаемого народом, Дулеб – воинственность и анархизм своего дикого племени, желающего сохранить самостоятельность:

Народы иноплеменные, дикие и грозные толпы, скитавшиеся среди гор Днепровских, познали благо общежития и покорили умы свои Киею, мудрому князю Полянскому. Он дал им мир и суд, – и сердце его веселилось их счастьем. Один Дулеб, бурный вождь и князь свирепых племен, носивших имя его, не познал силы его оружия, не вкусил сладости в повиновении владыке мудрому.⁴

В «Славене» возникали образы благородного Славена, предводителя славянского народа, и варяжского князя Радимира, жаждущего личной власти и крови. В «Любославе» главный герой, туровский князь, под влиянием дурного наставника Гломара становился

¹ Нарезный В.Т. Избранное. С. 39.

² Там же.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 26.

все более властолюбивым и воинственным и затевал распрю с соседним Муромом. Как замечает В.С. Киселев, «страсти князя оказываются удовлетворены, жажда побед насыщается народными хвалами, но отчуждение от людей не только не уменьшается, а все более увеличивается, питаюсь чувством совершенного преступления – нарушения союзного договора, убийства и обмана собственных подданных»¹. Во второй части повести Любослав под влиянием любви к Гликерии, дочери муромского князя Миродара, преображается и обретает истинную государственную мудрость. Эта проблемная линия доходит до финальных произведений цикла – «Игорь», где вдова княгиня Ольга объясняет смерть мужа неумеренным честолюбием, и «Александр» с образом российского императора, взвешивающего на побежденный Париж, символ разрушительного политического эгоизма Наполеона.

В контексте эпохи Отечественной войны повести В.Т. Нарезного, достаточно традиционные, обращали читателя к проблемам государственного строительства и рисовали поэтический образ становления империи – через собирание различных племен, князья которых оказывали сопротивление россам-цивилизаторам, через преодоление распрей удельных княжеств («Мирослав», «Любослав»), через сопротивление врагам-завоевателям («Рогдай», «Михаил») к обретению подлинного единства и мощи, возвысивших современную Россию («Александр»). Автор в «Славенских вечерах» продолжал мыслить вполне этатистскими формулами, но само выведение на первый план различных начал, из которых складывалась империя, вносило в ее облик дифференцированность, лишало нерифлексируемой монолитности.

Потенциальные культурные границы намечал и возросший интерес к национальному началу, акцентированному уже заглавием цикла. Примечательно, что русское здесь становилось не полным синонимом славянского. Как объясняла повесть «Славен», центральную часть которой занимал рассказ Добромысла об исходе скифов из предгорий Кавказа и основании ими нового государства под водительством Росса (Славена), русское обозначало, прежде всего, государственное, в то время как славянское (славенское) – этническое, вобравшее в себя покоренные племена полян, касогов, дулебов и других, включая варяжский элемент. Далекий от какой-либо достоверности подобный образ этногенеза позволял осмыслить славянство как широкую стихию, допускавшую внутренние различия по местности и ее обитателям – в том числе разделение на северную (Славен, скифы) и южную (Кий, поляне) ветвь:

Тут нашли мы народ дикий, живущий без законов. Своенравие управляло делами каждого. Звериная ловля и хищничества продолжали жизнь их. Долго вели мы брани с сим народом; наконец кротость

¹ Киселев В.С. Жанровые модификации конфликта в «Славенских вечерах» В.Т. Нарезного. С. 24.

и мудрость Россова победили их, когда оружия не сильны были учинить того. Мало-помалу они умирялись, преклоняли выи свои под кроткий скипетр Россов и дивились, находя его орудием их счастья. <...> Мир и доверенность водворились; два народа соединились в один, – и по истечении полвека никто не помнил прежнего своего состояния, – скифы, что бы они когда-либо вели брани с своими хозяевами; сии – что бы когда-нибудь могли дикостью и зверством раздражать Росса и богов небожителей. Соседи и народы отдаленные редко дерзали возмущать тишину нашу, ибо видели внутри нас мир и дружелюбие. В противном случае бедствие и раскаяние были их неминуемым уделом. Наконец все страны, ближние и дальние, пораженные удивлением к добродетелям и доблестям Росса, единодушно и единогласно нарекли его Славеном – и народ его славенами, любимцами славы. Росс, соглашаясь с волею богов, принял имя сие и град свой на берегах Ильменя нарек Славенском.¹

В.Т. Нарезный не был одинок в нравственно-политической и национальной проблематизации древнерусской истории, различные ее грани высвечивали повести «Рогнеда, или разорение Полоцка» Н.С. Арцыбашева, «Повесть о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском» П.Ю. Львова, «Рогнеда на могиле Ярополковой» Ф.Ф. Иванова, «Рогдай» и «Святослав» С.Г. Саларева, «Отрывок из повести о князе Мстиславе, великом победителе половцев» Н.М. Кугушева, «Мстислав Мстиславич» П.А. Катенина и другие произведения, однако новое качественное развитие они нашли в творчестве писателей-декабристов, в чьем органе, «Соревнователе просвещения и благотворения», были напечатаны последние из текстов «Славенских вечеров». «Обращение Нарезного к славянской истории и мифологии, – отмечал Н.Л. Степанов, – свидетельствовало о росте национального самосознания и не случайно, что героическая и патриотическая тематика «Славенских вечеров» оказалась близка патриотически-гражданственным «думам» поэтов-декабристов»².

Происхождение и этническое родство славян интересовало и декабристов, в чьем мировоззрении проблема народности занимала важное место. «Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные, – утверждал в «Мнемозине» В.К. Кюхельбекер, – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности»³. Перекликаясь с руссоистско-гердеровским пониманием нации как коллективной нравственной личности, декабристы сводили народность к эссенциалистски интерпретированному национальному характеру, выражать который должна была, в том числе и литература. Истоки его и одновременно сакральный субстрат сохраняла история и древняя словесность⁴.

¹ Нарезный В.Т. Избранное. С. 35-36.

² Степанов Н.Л. Нарезный // История русской литературы: В 10 т. Т. V. Литература первой половины XIX века. Часть первая. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 278.

³ Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 458.

⁴ См. о проблеме народности у декабристов: Лотман Ю.М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПб», 1997. С.

В результате, по справедливому замечанию В.Е. Гусева, в этнографических воззрениях Н.М. Муравьева, распространенных и среди других представителей тайного общества, «с аналитическим и в ряде случаев трезвым подходом к проблеме этногенеза славян <...> сочетается романтически восторженная характеристика древних славян как единого народа»¹. «Видишь перед собою народ, какого еще не бывало в истории, – отзывался Н.М. Муравьев о карамзинской «Истории государства Российского», – погруженный в невежество, без писем, без правительств, но великий духом, предприимчивый»². Мысли о «прежнем величии славянских народов»³ находим и у Ф.Н. Глинки в «Письмах русского офицера».

Как свидетельствовали проекты конституции М.А. Дмитриева-Мамонова, Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля (см. раздел 2.3.2), декабристы не рассматривали Украину в качестве «исторической» нации и включали ее население в состав великорусской народности, обоснованием чему служила, в том числе, общность древней истории. Для членов тайного общества Киевская Русь, слабо отграничиваемая от позднейшей Московской Руси, была единым государственным целым, что позволяло, по принципу метонимии, использовать любой сюжет ее истории как репрезентацию извечных нравственно-политических проблем. В этом контексте различие Новгорода и Киева, севера и юга, на чем будут настаивать украинофилы 1830-1840-х годов, представлялось несущественным – хотя и ощущалось авторами гораздо глубже, чем у В.Т. Нарезного с его сквозным северно-оссианическим колоритом⁴.

Унитарное имперское видение переносило акцент с этнокультурной неоднородности на политические разделения, представавшие в виде княжеских усобиц – важной и частотной темы декабристов. Действия удельных князей, связанных узами кровного родства, но идущих на поводу низменных страстей – тяги к власти и богатству, неизменно осуждались. Так, в думе «Михаил Тверской» К.Ф. Рылеева описаны последние дни жизни тверского князя Михаила, ставшего жертвой интриг его племянника – Георгия Даниловича, князя Московского. Георгий в борьбе за великокняжеский престол, принадлежавший

292-325; Гинзбург Л.Я. О проблеме народности и личности в поэзии декабристов // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.-Л.: ГИХЛ, 1960. С. 52-93.

¹ Гусев В.Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. С. 89.

² Муравьев Н.М. Мысли о Истории Российского государства (продолжение) // Декабристы-литераторы. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 595.

³ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год: В 5 ч. М.: Типография «Русского», 1870. С. 290.

⁴ Как замечал Ю.Д. Левин, «“Славенские вечера” явились, по-видимому, последним значительным произведением в жанре русской исторической прозы, связанным с оссианической традицией» (Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1980. С. 85). Ср. также: Гуськов Н.А. Оссиан и Нарезный // Язык и культура кельтов. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1999. С. 4-11.

по праву Михаилу, прибегнул к помощи хана Узбека, который вызвал тверского князя в Орду, где после долгих истязаний умертвил. Лейтмотивом думы служат слова Михаила о гибельности княжеских раздоров:

До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор, —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!¹

Героем другой думы К.Ф. Рылеева выступала не жертва междоусобиц и трагических обстоятельств, но сам злодей – Святополк, захвативший великокняжеский престол и умертвивший трех своих братьев Святослава, Бориса и Глеба. Также как в «Михаиле Тверском» автор взял лишь небольшой эпизод из жизни Святополка Окаянного – его мучения и припадки ужаса во время скитаний в пустынях Богемии, результат низменных страстей, ставших причиной преступления:

Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстреей
От преступленья к преступленью².

На первый взгляд может показаться, что отстаивание республиканских прав, характерное для новгородско-псковских сюжетов декабристов³, противоречит столь решительному осуждению усобиц, часто затеваемых в стремлении к независимости от «тиранства» великого князя киевского или московского. Так, Михаил Тверской и Вадим, герои одноименных дум, выступают как жертвы междоусобиц и ее инициаторы. Однако мотивы их поведения близки – это желание национального единства, препятствием которому является несправедливая центральная власть:

До какого нас беславия
Довели вражды граждан!
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!⁴

Своеобразным совмещением мотива княжеских междоусобиц и идеализации республиканства выступает поэма А.А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», выстраиваемая как заочное состязание удельного князя Андрея и Всеволода – «обладателя Руси целой», разворачивающееся в сознании Романа – посланника великого князя к переяславскому двору. Роман прибывает в Переяславль с единственной целью – склонить Андрея к объединению с Всеволодом:

Князь! Всеволод, Олега сын,
Великий князь и властелин,

¹ Рылеев К.Ф. Думы. М.: Наука, 1975. С. 41.

² Там же. С. 22.

³ См. о них подробнее: Петрунина Н.Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров // Русская литература. 1978. № 1. С. 26-47; Прийма Ф.Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 100-138.

⁴ Рылеев К.Ф. Думы. С. 111.

И обладатель Руси целой,
Тебе, как брат, любовно шлет
В моем поклоне свой привет!
Он хочет знать, зачем с Дуная
Тобой одним до сей поры,
Обычай предков презирая,
К нему не посланы дары?
<...> Чтоб удалить сии напасти,
Князей смирить и умирить,
Он хочет Русь соединить
Под крыльями верховной власти¹.

Князь переяславский отказывается внимать призывам Романа, и, памятуя о некогда бесчестном поведении Всеволода, признавать предлагаемый союз, «в союз не веря». Автор показывает как постепенно, под влиянием доводов Андрея, его поступков (эпизод на княжеской охоте) – меняется позиция Романа, который начинает смотреть на переяславского князя как на мудрого заботливого повелителя, не желающего добиваться мимолетной славы за счет народных жертв:

Достойно ль жаждать славы сей,
Подруги смелого порока,
Невольницы хотений рока,
Случайной прихоти людей!
Не ей – общественному благу
Я посвятил мою отвагу².

Переосмысливая идеальную систему правления как республиканскую, мотивированную общественным благом и способствующую рождению подлинного национального единства, декабристы на ином полюсе открывали возможность сопротивления тиранической центральной власти, а тем самым потенциально реабилитировали и сепаратистские устремления. В плане революционной тактики это реализовалось в наведении контактов с польскими освободительными организациями вроде Польского патриотического общества и Общества соединенных славян (см. раздел 2.3.2), в художественном плане это послужило мостиком от патриотических дум К.Ф. Рылеева к его украинским поэмам о Мазепе с неоднозначным образом героя-рenegата (см. следующий раздел).

Переходным вариантом может служить дума «Рогнеда», где автор, не затронув фанбульную сторону предания, изменил мотивы главной героини. Согласно трактовке Н.М. Карамзина в «Истории государства Российского», Рогнеда попыталась убить супруга из-за ревности и затронутого женского самолюбия: «Рогнеда, названная по ее горестям Гориславою, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца свое-

¹ *Бестужев-Марлинский А.А.* Андрей, князь Переяславский // Марлинский А. Полное собрание сочинений: В 12 ч. Ч. XI. Стихотворения и полемические статьи. СПб.: Типография III отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1838. С. 62-63.

² Там же. С. 91.

го»¹. Рылеев сместил акценты, превратив Рогнеду из ревнивой жены в мстительницу за угнетенную родину. Не случайно автором в монолог героини был введен ретроспективный эпизод жесткого разорения Полоцка Владимиром, отличающийся особой экспрессией:

«Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груды...»².

В характере Рогнеды на первый план выходит не обида за погранные любовные чувства, но пламенная любовь к малой родине и ненависть к угнетателям, которую она стремится передать сыну:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пуская оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенья,
Любовь к стране своей родной
И к притеснителям презренья...»³.

Возможность реабилитации сепаратизма кроме абсолюта общественного блага обеспечивал еще и перевес имперских категорий над национальными. В произведениях декабристов национальный характер выступал, по сути, производным государственной идентификации⁴, что лишало сепаратизм этнической окраски, в свете которой сотрудничество с польскими освободительными движениями означало акцент не на польском, но на освободительном начале, а патриотизму придавало универсальное звучание, актуальное на фоне противостояния внешним врагам или славных завоевательных побед, вроде походов князя Олега и Святослава на Византию («Олег Вещий», «Святослав») или подчинения племени косогов («Мстислав Удалый») в «Думах» К.Ф. Рылеева. Автор здесь выступал обычно певцом имперской мощи, как Боян в думе «Рогнеда»:

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его о Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,

¹ Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 1. История государства Российского. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. С. 256.

² Рылеев К.Ф. Думы. С. 30.

³ Там же. С. 24-25.

⁴ Ср. в «ливонских» повестях А.А. Бестужева, Н.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера легкий перенос места действия в Прибалтику, мыслящуюся региональным измерением имперского пространства и, соответственно, имперской истории: Исаков С.Г. О «ливонских» повестях декабристов (к вопросу о становлении декабристского историзма) // Ученые записки Тартуского университета. 1965. Вып. 167. Труды по русской и славянской филологии. № 8. С. 33-80.

И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя.¹

В этом контексте стремление объединить нацию превращалось в борьбу за укрепление и реформирование империи². Как точно определила Л.Я. Гинзбург:

Начала эти сопряжены в неразрывное единство, поскольку свобода мыслится непременно в форме национального возрождения, а народность включается в круг освободительных идей. Декабристская народность – это национальная самобытность и в то же время гражданственность. Декабристская личность – это гражданин, являющийся носителем национального самосознания и патриотического воодушевления.³

Если же учесть вполне обозначившуюся чувствительность к этнокультурным границам, то подобное разновекторное целое являлось взрывоопасным источником, породившим на следующем этапе литературного развития целый ряд новых явлений, в том числе, взаимоисключающих. Национализация древнерусского прошлого, интенсивно проводившаяся российской словесностью первой четверти XIX века, не сняла, как могло показаться, но придала смысловую насыщенность культурным различиям, важным для конструирования образов имперских окраин. В итоге с образом Украины оказался связан в итоге комплекс особых мотивов – этническая неоднородность, сложный процесс составления империи, борьба с внешними врагами, противостояние республиканской свободы и тиранического самодержавия, усобицы и сепаратизм.

3.2.2. «И двух славянских поколений сердца враждою распял...»: типология украинских исторических героев в творчестве декабристов

Имперская художественная словесность начала проявлять устойчивый интерес к истории Украины со второй половины 1810-х годов, что обуславливалось рядом факторов: возрождением казачьих войск, сыгравших важную роль в ходе Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, ростом регионального патриотизма малороссиян, активных участников русского литературного процесса, актуальностью польского вопроса и проблемы «кресов», формированием панславизма и борьбой за главенство в славянском мире (см. главу 2). Особая роль здесь принадлежала украинской историографии в лице М.Ф. Берлинского, Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Мартоса, харьковских историков, открывшей широкой российской публике богатство исторических сюжетов и героев. Освободительная борьба и патриотический подъем, казачье свободолюбие и местный колорит делали их привлекательными для литературы эпохи «гражданственной экзальтации», а в

¹ Рылеев К.Ф. Думы. С. 27.

² См. о декабристской версии имперской модернизации в ее соотношении с версией умеренного либерализма: Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 311-373.

³ Гинзбург Л.Я. О проблеме народности и личности в поэзии декабристов. С. 59.

ее контексте – для демонстрации двух типов политического поведения, наиболее ярко воплощенных в личности Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы. Оба они действовали из патриотических побуждений, желая общего блага, но один апеллировал к мощи рождающейся империи, другой – к сепаратизму, возможность реабилитации которого демонстрировала декабристская интерпретация древнерусских сюжетов.

Более однозначным и, соответственно, ранним стало обращение к образу Богдана Хмельницкого в романе Ф.Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1816, отд. изд. 1819), одновременном историческим публикациям «Украинского вестника» и повести Р.Т. Гонорского «Козаки и Богдан Хмельницкий» (1818, в составе «Опытов в прозе»)¹. Роман не был историческим в точном смысле, используя биографический сюжет как повод для нравственно-патриотических размышлений и увлекательных картин в духе героической повести, о чем автор предупреждал заранее:

"Вильгельм Тель" Флорианов, "Батавцы, или Освобождение Голландии" Битобей и прочие в сем роде сочинения всегда, если не ошибаюсь, приносили большое удовольствие читателям. Я не смею и думать сравняться в прелести слога и красоте вымысла с известным Флорианом и прочими ему подобными, но при несравненно меньших способностях и способах, восхищенный изящностию предмета моего, невольно отважился вступить на одинакий с ними путь².

Как замечал В.Ю. Троицкий, Ф.Н. Глинка «творит свою историю, выдуманную, легендарную, возвышенную, хотя и не лишенную примет времени»³. Так, селекции подверглась сама биографическая канва, из которой был опущен целый ряд эпизодов, лишних для героической версии. Объектом изображения стали молодые годы будущего украинского гетмана – не период его громких подвигов, но лишь время их «предчувствия», когда юный герой, воспламеняясь славой предков и бунтуя душой против угнетателей родины, жаждет действия, устремляется в земли татар, желая заручиться их поддержкой и освободить Малороссию от гнета литовцев и поляков. Мысль о бездействии ненавистна ему:

Я полечу под знамена одного из соседственных государей; буду сражаться, как лев, и пролитием крови и слез испрошу одной милости, чтобы освободить хотя малейший кусок поработанного Отечества. Он, верно, не откажет мне в этом, и тогда все пусть вокруг меня пресмыкается в тине рабства!.. Жизнь независимого процветет в сладком дыхании Свободы, и кости мои уснут мирно в земле неподвластной⁴.

¹ На помощь харьковских историков Ф.Н. Глинка ссылался во вступлении к роману: «С благодарностию должен сказать, что недавно получил я от любителей своей родины – почтенного В.И. Григоровича и М.К. Грибовского – важные рукописи» (*Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Декабристы: Антология: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1975. Т. 2: Проза. Литературная критика. С. 106*).

² Там же. С. 106-107.

³ *Троицкий В.Ю. Предисловие // Предслава и Добрыня. Исторические повести русских романтиков. М.: Современник, 1986. С. 15.*

⁴ *Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. С. 112.*

Читатель предвидит великую и славную будущность Хмельницкого через мудрые речи старца Филомара, откровения Вассияна, наконец, благодаря монологам самого героя, его видениям и пророческим снам:

Нет, я чувствую, что не умру рабом!¹

Кровь предков играет в жилах его, – говорил Филомар про себя, – та же пылкость, то же стремление к подвигам².

Белобрадные старцы, прозирающие в таинство судеб, заключили, что жизнь твоя будет бурна, мятежна, но... <...>. Она озарится наконец славою!³.

В начале романа Хмельницкий предстает юношей двадцати лет, повествование обрывается на эпизоде заточения героя в подземелье Чаплинским. Причем даже в этих узких хронологических рамках Ф.Н. Глинка многое опускает, а ряд эпизодов подвергает вольной перестановке. Общая логика изменений заключается в подчеркивании лояльности русскому царю, в помощи которого нуждается Хмельницкий для освобождения Украины, и в исключении любых фактов сотрудничества с Речью Посполитой, способных нарушить целостный патриотический образ, внести неоднозначность в трактовку его поступков. Так, выпущены события турецкого плена, служение при дворе Владислава IV, осада Смоленска на стороне поляков, война против Османской империи на польской стороне и т.д., при этом семейная трагедия Хмельницкого, связанная с обидой, нанесенной ему паном Чаплинским, в реальности разыгралась ранее переговоров с крымскими татарами. Перестановка сделана не случайно, а с целью высветить в качестве главной мотивации поступков героя не личную месть, а гражданские чувства.

Персонаж декабристов обычно выражает себя через слово, выступает рупором авторской идеологии, чему не чужд был и Ф.Н. Глинка. «Тираноборческий пафос, – справедливо констатировал А.Е. Ходоров, – выражен в речи центрального персонажа, эта речь – средство обрисовки характера героя-гражданина»⁴. «Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» в этом плане напоминает драматургический текст, настолько он насыщен диалогами и монологами: это пространные беседы Хмельницкого и Филомара, Хмельницкого и Вассияна, наконец, Хмельницкого и юноши Аглаима, в которых главный герой напрямую выражает свою позицию. Так, будущий украинский гетман, видя благородство и чистоту души Аглаима, беседует с ним о свободе, истине, значении гражданского порядка и законодательном основании власти, о судьбах народов, их «сожителстве», а также о «тайнах счастья народного», при этом монологи главного героя, звучащие очень по-гердеровски, всегда содержат сентенции, выводы, вскрывающие его позицию:

¹ Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. С. 112.

² Там же.

³ Там же. С. 120.

⁴ Ходоров А.Е. Зачинатель декабристского эпоса // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. С. 146.

«Свобода, разумеется, законная, благоразумная, есть одна из главнейших составных частей счастья народного. Она столь же необходима для государства, как свет для целого мироздания и воздух для земли нашей»¹.

Для более рельефного высвечивания образов положительных героев писатели-декабристы используют метод контрастного противопоставления персонажей. У Ф.Н. Глинки главный герой – патриот и беззаветный тираноборец – противопоставлен хитрому и трусливому пану Чаплинскому. Показательна сцена встречи героев в замке Чаплинского: Хмельницкий предлагает польскому пану равный бой, но он, воспользовавшись появлением дочери, завладевает мечом противника:

«Но ты первый должен принять мзду от руки мстителя Малороссии: извлекай меч и защищайся!...». Чаплинский испустил вопль отчаяния и оцепенел от страха. Хмельницкий блеснул мечом... как вдруг жалобный крик остановил его <...>. Но малодушный соперник коварно пользуется минутой; он хватает лежащий меч и предается подлому бегству, громко скликая рабов своих².

Примечательно, что мотив меча как символа дворянской чести стал основным и в более поздней версии сюжета – в думе К.Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий» (1821), где событийный ряд сжат до освобождения героя из темницы влюбленной в него женой Чаплинского и речи перед битвой на Желтой Воде. «Вершинная» конструкция думы позволяла опустить весь неоднозначный биографический материал, в том числе личную обиду Хмельницкого, и представить его как идеального патриота, жаждущего отомстить за страдания отчизны:

«Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей врагов

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!
Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.³

Противостояние украинцев и поляков интерпретируется К.Ф. Рылеевым в духе столкновения казачьей свободы и тирании, легко укладываюсь в идеологическую схему декабризма («И с яростью вступили в бой // С тиранством бодрая свобода»⁴), однако, в

¹ Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. С. 140.

² Там же. С. 149.

³ Рылеев К.Ф. Думы. С. 74.

⁴ Там же. С. 76. Дополнительную сложность антипольскому пафосу думы придает опора на польский претекст, установленный В.И. Масловым (*Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1912. С. 221–223), – «Украинскую песнь о Богдане Хмельницком, переложенную на польский стих» (*Piosenka ukraińska o Bohdanie Chmielnickiem, przełożona na wiersz polski*, 1820) Леона Рогальского (Leon Rogalski).

отличие от Ф.Н. Глинки мотив службы русскому царю и необходимость внешней защиты отсутствует, хотя и составляет подразумеваемый фон, слитый с образом современной идиллической Малороссии:

И воцарилась свобода
С тех пор в украинских степях,
И стала с счастьем народа
Цвезть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — Богом данным
Народа общий глас назвал.¹

В целом же можно согласиться с Х. Лембергом, что подобное использование сюжетов украинской истории, ослаблявшее культурно-политические различия, давало Ф.Н. Глинке и К.Ф. Рылееву «идеализированные <...> абстрактные театральные подмости для представления былой гражданской и национальной свободы»². Очевидно, более широкое развитие образ Богдана Хмельницкого должен был найти в задуманной К.Ф. Рылеевым одноименной трагедии³ (позднее поэмы в 6 песнях), предысторией которой выступали события казачьего восстания Наливайко 1594-1596 годов, ставшие сюжетом незаконченной поэмы. Последняя, в частности, отразила гораздо более глубокий интерес к местному колориту, предваривший установки зрелого российского украинофильства.

Как предполагала А.В. Архипова, обзревая сохранившиеся отрывки и общий план поэмы,

«это был замысел большого эпического повествования, с обширными отступлениями исторического и этнографического характера, описаниями природы, городов и крупных событий (походы, сражения, казнь героев). Вероятно, гораздо больше места <...> Рылеев предполагал уделить здесь изображению фона, что повлекло бы за собой и большее число действующих лиц, и более подробное описание народных масс»⁴.

Последнее замечание имеет особенно важный характер. Декабристы, по сути, реабилитировали для российской публики украинское казачество, образ которого настойчиво игнорировался во второй половине XVIII – начале XIX века (см. главу 1). Актуализация республиканских тем придала новую ценность казачьей вольнице. Роль казачества не преминул, в частности, подчеркнуть Ф.Н. Глинка во вступлении к «Зинобию Богдану Хмельницкому»:

¹ Глинка Ф.Н. Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. С. 77.

² Lemberg H. Die Nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Gologne / Graz: Bohlau Verlag, 1963. S. 146.

³ См. анализ сохранившихся материалов: Цейтлин А.Г. Творчество Рылеева. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 156-170; Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816-1825). Куйбышев: КГПИ, 1968. С. 254-263; Архипова А.В. Литературное дело декабристов. Л.: Наука, 1987. С. 77-79; О'Мара П. К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста / Пер. с англ. А.Л. Величанского. М.: Прогресс, 1989. С. 200-207.

⁴ Архипова А.В. Литературное дело декабристов. С. 77.

Всем известно, что малороссийские и украинские казаки, хотя и отделены от донских по теперешнему их местному положению, но происходят от одного колена и по близкому сходству образа жизни, обычаев и нравов составляют и поныне один народ. <...> Кто исчислит все подвиги и заслуги жителей Дона и Малороссии на поприще воинском и гражданском?.. Сколько знаменитых мужей породили счастливые страны сии под ясным небом своим, мужей, которых имена живут в потомстве и будут сиять немерцаемым блеском и в позднейших летописях наших!¹

Вместе с тем, в раннедекабристских текстах изображение казачьей стихии как таковой отсутствовало, субститутом ее выступал главный герой, репрезентировавший лучшие качества национального характера – свободолюбие, патриотизм, храбрость в защите от врагов². Подобную узорность репрезентации призваны были преодолеть эпические замыслы К.Ф. Рылеева, где в идейном плане контекстом образов Хмельницкого и Наливайко выступал уже не образ идеального патриота, а личность неоднозначного героя – изменника-ренегата, заявленная в думе «Петр Великий в Острогжске» и поэме «Войнаровский».

Соединительным звеном здесь как раз и выступала амбивалентная казачья масса, с которой прочно ассоциировались не только вольнолюбие, но и склонность к бунту. В случае Хмельницкого и Наливайко это был бунт против поляков, демонстрировавший тягу к свободе и «извечную» враждебность двух народов, в случае же Мазепы и Войнаровского – заговор против России, питаемый анархическими устремлениями казаков. Знаменательно, что в отрывках из поэмы «Наливайко» и «Песне сторонников Мазепы» К.Ф. Рылеев использовал схожие мотивы для описания казаков и их настроения:

Исповедь Наливайки

Тогда объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред Ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным:
Козак в союзе с Ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но все исчезло, как призрак.
Уже давно узнал козак
В своих союзниках тиранов.
Жид, Униат, Литвин, Поляк —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет...³

Песня сторонников Мазепы

С самопалом и булатом,
С пылкой храбростью в сердцах,
Смело, други, брат за братом,
На лихих своих конях!
Смело грядем за свободу,
Оградив себя крестом, —

¹ Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. С. 105-106.

² См. о дальнейшей эволюции образа Хмельницкого в русской словесности 1820-1840-х годов: Марченко Т.М. Образ Богдана Хмельницкого в литературе русского романтизма. Донецк: Норд-Пресс, 2009.

³ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. М.: Academia, 1934. С. 249-250.

Возвратим права народу
Иль со славою умрем!
Пусть гремющей, быстрой славой
Разнесет везде молва,
Что мечом в битве кровавой
Приобрел козак права!..¹

В обоих случаях речь идет о желании равенства в правах – по отношению к полякам ли, русским ли, питающем вольнолюбие казаков и, по сути, противоположном концепции добровольного вручения себя покровителю, на которую опирался Ф.Н. Глинка, объясняя мотивацию Хмельницкого. Мотив попираемого и восстанавливаемого права органично соединялся в изображении казачьей массы с атмосферой естественной жизни – кочевой, походной, близкой природе («Войнаровский»):

Бывало, кони быстроноги
В степях и диких и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган...²

У главных героев подобная естественность претворяется в страстность природы, соединенную с обостренным чувством собственного достоинства. Личная обида или политическое угнетение порождают у Хмельницкого, Наливайко или Войнаровского – программно романтических персонажей – бурное негодование и жажду немедленного отмщения, реализуемую в активном и открытом действии. Из этого ряда выбивается лишь Мазепа, желания которого глубоко скрыты. Г.Э. Киришбаум справедливо возводит генезис данного образа к позднеромантическому типу, воплощенному в байроновской поэме «Мазепа» (1818) с ее повествовательной «маргинализацией героя» и растущей нравственно-психологической сложностью³.

В имперской и региональной историографии XVIII – начала XIX века фигура Мазепы, как мы видели в предыдущих разделах, интерпретировался в однозначно негативном ключе. К.Ф. Рылеев был первым, кто, следуя Байрону, увидел в его образе потенциал романтического переосмысления, хотя первоначально отнесся к герою вполне традиционно:

Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился <...> ни [дружество], ни уважение <...> оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим

¹ *Рылеев К.Ф.* Полное собрание сочинений. С. 261.

² Там же. С. 208.

³ *Киришбаум Г.Э.* Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К. Ф. Рыльева // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 269.

великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной¹.

Однако уже в думе «Петр Великий в Острогжске» Мазепа, еще далекий от мыслей о заговоре и мести, предстал личностью противоречивой, имеющей черты великого человека. Его разговор с царем – это не столько вручение себя в милость, сколько держащийся на подразумеваемых договор:

Чту я славою и честию
Быть врагом твоим врагам
И губительною местию
Пролететь по их полкам.
<...>
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка – стук мечей!²

Сам эпизод встречи Петра и Мазепы изображен как условный ритуал с церемониальным поведением, оправдывающим верноподданическую маску гетмана, но не сводящим к ней его подлинную личность.

В «Войнаровском» образ предстал еще более сложным, выступив предтечей, по мнению Г.Э. Киришаума, особой стратегии революционного поведения, вскоре программно репрезентированной в «Конраде Валленроде» А. Мицкевича³. Она допускала ренегатство и жертву собственной честью во имя высших интересов – блага родины, ее свободы. В этом контексте принципиальным выступал вопрос о мотивах измены Мазепы: было ли это желание личной власти, стремление отомстить обидчику Петру или справедливое негодование патриота. «Жизнеописание Мазепы», выполнявшее роль исторического введения к поэме и принадлежавшее перу А.О. Корниловича, отвечало на вопрос однозначно:

Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства. И мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя в предательстве, двигаться благородным чувством любви к родине?...⁴

Однако в самой поэме истинные намерения гетмана, отважившегося на государственную измену, оставались неразгаданными, что позволяло Войнаровскому, чьими глазами увиден Мазепа, допускать вероятность лучших побуждений и чаяния свободы для Украины:

Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.

¹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С. 416.

² Рылеев К.Ф. Думы. С. 80, 81.

³ См.: Киришаум Г.Э. Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К. Ф. Рыльева. С. 272-273.

⁴ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С. 195.

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украины
Иль в ней себе воздвигнуть трон, -
Мне гетман не открыл сей тайны.¹

Одно предположение о положительных мотивах поступка Мазепы превращало его в героя – патриота, желающего благоденствия своему народу и не страшась даже всеобщего поношения в случае провала:

Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мстью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.²

Параллелизм образов таинственного Мазепы и открытого пламенного Войнаровского, в мотивах которого читателю сомневаться не приходилось, склоняли чашу весов на сторону романтических заговорщиков, что хорошо почувствовал П.А. Катенин: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном. Диво и то, что цензура пропустила...»³.

Действительно, образ Мазепы в его реально-историческом аспекте весьма богат возможностями интерпретации и автор не желал полностью отсекал какую-либо из них. На страницах рылеевской поэмы он предстал загадкой даже для самого Войнаровского и позволял читателю самому вынести вердикт. Примечательно, что в рукописи изначально присутствовали следующие строки:

Уже Мазепа приступал
К свершенью тайных помышлений,
Умы в Украине волновал,
И двух славянских поколений
Сердца враждою распалял <...>
Устроив все, мы со врагом
В сношенья твйные вступили,
Наружно мир храня с Петром,
Уж мы у цели нашей были:
Мятеж носился за Днепром...⁴.

Однако впоследствии автор изъял этот эпизод, и строфы остались только в виде начальных черновых набросков. Из них бы явствовало, что Войнаровский изначально был осведомлен о планах Мазепы и методах, применяемых им для осуществления своих целей. Подобные признания полностью перечеркивали романтически идеализированный образ борца за свободу, патриота, готового пожертвовать всем ради любви к родине.

¹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С. 218-219.

² Там же. С. 213.

³ Цит. по кн.: Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С. 616.

⁴ Цит. по ст.: Оксман Ю.Г. Новые тексты поэмы «Войнаровский» // Декабристы-литераторы. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 50. (Литературное наследство. Т. 59. Ч. 1).

Как справедливо констатировал А.Г. Цейтлин, «Рылеев мог бы, конечно, подвергнуть жестокой критике Мазепу и Войнаровского. Но тогда бы утратил право на существование этот замысел романтической поэмы, пропагандирующий свободолюбивые идеалы декабристов»¹. Подобный подход был большим шагом вперед в понимании личности и ее исторического бытия, не позволяющим проводить схематических границ. Вполне можно согласиться с А.В. Архиповой, что «Рылеев сделал попытку изобразить сложного и противоречивого человека, способного быть и смелым героем, и погружаться в бездны греха и преступления»².

После событий 14 декабря 1825 года открытое развитие образа героя-сепаратиста было уже невозможно, а польское восстание 1830-1831 годов еще более осложнило ситуацию. Тем не менее, типология исторических героев, созданная декабристами, глубоко повлияла на образ Украины в русской литературе. Если «Кочубей» (1827) Е.В. Аладьина, «Полтава» (1827) А.Ф. Мерзлякова, «Мазепа» (1833-1834) Ф.В. Булгарина, «Иван Мазепа» (1832) П.И. Голоты пытались вернуть персонаж к амплу романтического злодея³, то А.С. Пушкин переосмыслил в «Полтаве» (1828) образ Мазепы в постромантическом ключе. Под его пером гетман-изменник приобрел черты реально-исторической личности со сложной мотивацией, исходившей и из личных амбиций, и из политических соображений, и из духа казачества. Показательно, что источником поэмы стала не только имперская историография, но и традиционалистская «История русов» с ее пафосом противостояния казаков как Речи Посполитой, так и России⁴. Новый вид приобрел у А.С. Пушкина и образ соперника – имперской власти в лице Петра I, лишившись рылеевской абстрактности. Империя предстала не только носителем самодержавного деспотизма, но и воплощением исторического величия, самого духа истории, которому пытался сопротивляться Мазепа⁵. Наконец, более полнокровным выступил и образ казачества, сохранивший основные декабристские мотивы, но обретший социально-бытовую и индивидуально-психологическую конкретизацию⁶.

¹ Цейтлин А.Г. Творчество Рылеева. С. 115.

² Архипова А.В. Литературное дело декабристов. С. 77.

³ См. подробнее о них: *Мацапура В.И.* Полтавский миф в русской литературе 1820 - 1830-х годов // Мова і культура: Наукове видання. Вип. 2. Т. 3. Мова і художня творчість. Київ: Видавничий Дім Дм. Бураго, 2000. С. 303-314.

⁴ Этим источником пользовался и К.Ф. Рылеев в период работы над «Войнаровским» и «Наливайко». См. письмо А.Ф. Бриггена от 21 октября 1825 года, к которому прилагались выписки из «Истории русов»: *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Приложение. С. 97-98.

⁵ Размышления над историей России сплелись у Пушкина с интересом к истории Украины, вылившимся в конце 1820-х годов в замысел особого исторического труда, см.: *Оксман Ю.Г.* Неосуществленный замысел истории Украины // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Издательство АН СССР, 1952. С. 211-221. (Литературное наследство. Т. 58).

⁶ См. о трансформации декабристских мотивов в «Полтаве»: *Кирибаум Г.Э.* Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А.С. Пушкина // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 246-283.

На новом витке украинофильства, уже вполне зрелого, Н.В. Гоголь, начиная свой писательский путь, также будет пробовать в отрывках и набросках разные исторические типы от Острицы до Мазепы, пока не синтезирует в «Тарасе Бульбе» две линии – патриота, защитника Руси, не отделяющего Украину от Великороссии, и изменника, выбирающего собственный путь¹. Тарас, Остап и герои Запорожской Сечи, православные богатыри, стали в гоголевской повести частью единого казачьего мира наравне с предателем Андрием, соблазненным польско-католическим великолепием, закрепив в имперском сознании амбивалентную мифологему Малороссии как мира предельно близкого, но все равно особого, тяготеющего к отрыву от метрополии. От нее будут отталкиваться, вольно или невольно, украинофилы эпохи Кирилло-Мефодиевского братства, для которых культурная самостоятельность родины означала равную ценность всех героев национального исторического канона.

3.2.3. «Всего любопытнее в этой повести место происхождения – Малороссия»: эволюция образа Украины от сентиментальной идиллии к социокультурной проблемности

Художественная репрезентация современной Украины значительно трансформировалась на протяжении первой четверти XIX века. Отправным пунктом для нее выступил сентиментальный образ, созданный травелогами В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина. Роскошная южная природа, идиллические естественные нравы с элементами экзотики, трогательные сюжеты с подачи имперских путешественников стали неременным фоном для восприятия Малороссии. Насыщенность сентиментальными мотивами позволяла использовать украинский топос как вполне условное пространство, идеальную площадку для чувствительных историй. Местный колорит здесь уже не имел большого значения, сводясь к простому обозначению места действия. Таковы повести «Украинская сирота» И. Свечинского (1805), анонимная «Малороссиянка» (1807), «Сироты в Малороссии, или цветы Иван и Марья» В.В. Измайлова (1814), анонимная «Мария» (1820), «Мария» В.Т. Нарезного (1824), где в центре находился образ героини / героя, переживавшего драматическую любовную историю. Сосредоточенность на чувствах персонажа заслоняла внешнюю обстановку, намеченную скупой и, как правило, не обремененную культурной спецификой, хотя источником перипетий обычно выступали сословные предрассудки. Не столь острые в Украине, они были, по сути, проекцией проблематики, актуальной для имперской словесности.

В «Сиротах в Малороссии» В.В. Измайлова местом действия стали окрестности Полтавы:

¹ См. подробнее: Wojanowska E.M. Nikolai Gogol: Between Ukrainian and Russian nationalism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 155-167.

На прекрасных берегах Ворсклы, орошающей три долины и высокий холм, на котором стоит город Полтава, в одной козацкой станице, расположенной у подошвы холма и в виду города, жили некогда безродные сироты Иван и Марья <...>.¹

Примечательно, что даже название станицы для автора не было значимым: «Время истребило имя ее из памяти тамошних жителей; одна повесть о сиротах осталась известною»². Отсутствовали в повести и украинские социально-бытовые реалии. Сюжет построен на сопротивлении нищих сирот Ивана, крестьянского сына, и Марьи, дворянской дочери, домогательствам старшины казацкой станицы Артемия Булатова, отнимающего у них последнее достояние и мечтающего заполучить девушку в любовницы. Между тем никаких деталей положения Булатова, как и других персонажей, у В.В. Измайлова нет, действующие лица выступают условными социально-нравственными фигурами, оказывающими благотворное (старушка, приютившая сирот, неизвестный филантроп и т.п.) или разрушительное воздействие на судьбу Ивана и Марьи. Столь же абстрактно рисуется и природная обстановка, идиллически мирная в эпизодах счастья влюбленных и бурная в моменты трагические. В итоге филантропический посыл повести оказывался универсальным, лишь внешне связанным с Украиной, столь полюбившейся автору травелога.

Матрица сентиментального сюжета обнаруживала свою устойчивость вплоть до середины 1820-х годов. Так, в «Марии» В.Т. Нарезного события разворачиваются где-то на Украине, очевидно, также в окрестностях Полтавы, о чем можно судить по упоминаниям рассказчика, излагающего в письме к другу горестную историю Марии: после ухода в отставку он едет в свое поместье («Наследственную деревушку, стоящую недалеко от Полтавы, назначил он пристанищем»³) и по пути знакомится с героями в некоем селении. Никаких примет, конкретизирующих пространство или же передающих особенности местного колорита, в повести нет. Напротив, важным элементом сюжета становится европеизированная обстановка, в которой воспитывалась Мария, дочь управителя Хрисанфа, и ее сверстники, графские дети. Аскалон и Мария читают русских и европейских авторов («Я <...> увидел весь театр Корнеля, Расина и Вольтера, басни Лафонтеновы, полное издание Жан-Жака Руссо и лучших русских стихотворцев и прозаиков»⁴), их обучает аббат Бертольд «на швейцарский образец». Результатом «республиканского» воспитания становится неравная любовь Аскалона и Марии, разрушаемая женой графа, отсылка девушки в деревню, ее умопомешательство и смерть. Гораздо более тонкий социальный и психологический анализ горестной судьбы Марии, ставшей заложницей сословных предрассуд-

¹ Измайлов В.В. Сироты в Малороссии, или цветы Иван и Марья // Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 7. С. 163-164.

² Там же. С. 163.

³ Нарезный В.Т. Избранное. С. 111.

⁴ Там же. С. 112.

ков, обилие бытовых деталей не привносили, однако, в повесть национальной конкретики, оставляя ее для произведений иного, уже не сентиментального плана.

Местная специфика пришла в «украинский текст» русской литературы вместе с образом казачества. Восстановление казачьих войск в ходе русско-турецкой кампании 1806–1812 годов и их роль в ходе Отечественной войны и заграничных походов вызвали всплеск регионального патриотизма и отразились в одах и песнях В.В. Капниста, Г. Кошиц-Квитницкого, П. Данилевского, П.Ф. Калайдовича, И.А. Кованько, Н.И. Гнедича, с их пафосом походов и побед, казачьей лихости и стойкости в противостоянии врагу (см. раздел 2.3.2). Образ казачества был вскоре перенесен в художественно-исторические тексты, примером чему служит роман Ф.Н. Глинки, думы и поэмы К.Ф. Рылеева. Однако использование его как характеристического элемента современной Малороссии было впервые опробовано в драматургическом тексте – в комедии А.А. Шаховского «Козак-стихотворец», либретто одноименной оперы К.А. Кавоса, поставленной накануне наполеоновского вторжения и имевшей огромный успех у публики. Она шла как в столичных, так и провинциальных театрах, в том числе в Полтаве и Харькове. В 1815 году комедия была издана отдельно¹.

А.А. Шаховской, преследуя патриотические цели, привязал сюжет к событиям Полтавской битвы 1709 года, что позволяло репрезентировать казачество как принадлежность прошлого Малороссии, однако использование украинского языка, стилизация фольклорных жанров и бытовые детали отсылали к живой современности. В символическом плане водевиль отразил процесс имперской интеграции Украины, приносящей блага высокой цивилизации. Их агентами выступил заглавный герой Семен Климовский, историческая личность – казак, автор ряда силлабических поэм-трактатов, поднесенных Петру I, участник многих походов и, согласно преданию, автор популярной песни «Їхав козак за Дунай»², и князь, капитан гвардии, наводящий порядок и ставящий на место самозванного жениха Маруси. Имперская слава, осеняющая обоих после Полтавского сражения, близость к царю («Государь наш, прославляя свое отечество, возвышает достоинства и ободряет дарования; он хочет сам видеть казака-стихотворца, которого простые песни, наполненные силы и чувства, ему очень нравятся»³), образованность возвышали их над комической казачьей массой, представленной образами фарсовых типажей – тысяцкого Прудюса, писаря Грицько и второстепенных героев. С ними связана вся бытовая стихия, простая

¹ Шаховской А.А. Козак-стихотворец. Анекдотическая опера-водевиль в одном действии. СПб.: В типографии Императорского театра, 1815.

² См. подробнее: Николаев С.И. Климовский (Климов) Семен // Словарь русских писателей XVIII века. / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 2 (К-П). СПб: Наука, 1999. С. 62.

³ Шаховской А.А. Козак-стихотворец, опера-водевиль // Сочинения князя А.А. Шаховского. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1898. С. 7.

и колоритная. Ее частью выступали и многочисленные песни: задушевные элегические («Їхав козак за Дунай»), распевные («Эй ти, дивчина, ти мое серденько»), шуточные, плясовые. В опере К.А. Кавоса их контрастом выступала музыка империи – современная, маршево-патриотическая, под звуки которой армия возвращалась из похода.¹

Водевиль А.А. Шаховского был, безусловно, лишь стилизацией – его псевдоукраинский язык актеры при постановках исправляли, как поступал М.С. Щепкин, игравший пьесу в Полтаве и Харькове (роль Грицько), его песни были далеки от фольклорной поэтики, а бытовые мотивы вызвали недоумение у самих малороссов, что раздраженно заметил анонимный рецензент «Украинского вестника»:

Читая в объявлении о представлении оного, я воображал увидеть что-нибудь похожее на несравненную малороссийскую Энеиду; мечты мои об удовольствии увеличились еще слухами, с каким рукоплесканием принята была сия опера на петербургском театре – но сколь воображение мое ни было занято в пользу пиэсы, однако ж я едва мог дослушать конец. Что это за произведение? Быв русским, я скажу, что это пиэса не русская; живя в Украине пять лет уже, не узнаю ни одного малороссийского характера в лицах действующих! <...> Перейдем теперь к слогу или языку. В С. Петербурге, говорят, мучились бедные – наилучшие актеры нашей Мельпомены над выговором малороссийских слов; здесь природные малороссияне мучились над теми же словами².

Схожие нарекания, впрочем, вызвала пьеса и у русских критиков. Так, Н.И. Греч в 1820 году спрашивал у драматурга:

К чему заставлять на нашем театре ломать малороссийский язык? Нам он неприятен своею непонятностью, а малороссиянам досаждаёт несходством с их наречием. Приятные голоса малороссийских песен не лишаться ничего при русских словах³.

При всем несовершенстве и, во многом, карикатурности, «Казак-стихотворец» предложил плодотворное сочетание любовного сюжета и гражданственных мотивов. Оно поддавалось легкому варьированию в нужном контексте – от военно-исторического, как поступили Ф.Н. Глинка и К.Ф. Рылеев, сохранив и рудименты любовной интриги (жена Чаплицкого в «Богдане Хмельницком», возлюбленная Войнаровского, сюжет «Достопамятного сватовства» (1827) Ф.Н. Глинки), до балладно-психологического, ярко откликнувшегося в стихотворении «Козак» А.С. Пушкина-лицеиста. Явившись полемическим откликом на водевиль А.А. Шаховского, пушкинский текст, имевший жанровый подзаголовок «подражание малороссийской песне», как установила Е.В. Киреева, ориентировался на несколько фольклорных источников – песни «Ехал казак за Дунай», «Казак и Кулина»,

¹ См. подробнее о водевиле: *Александрова И.В.* Драматургия А.А. Шаховского. Симферополь: Таврия, 1993. С. 68-70; *Зелінська Л.В.* Міжкультурна комунікація у театрі Російської імперії першої половини ХІХ ст.: водевільний сюжет «допомога у сватанні» // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Сер.: Філологічна. 2013. Вип. 36. С. 145-149.

² Харьковский театр // Украинский вестник. 1817. Ч. 8. Кн. 12. С. 366, 368.

³ Греч Н.И. Русский театр // Сын Отечества. Исторический и политический журнал. 1820. № 59. С. 183.

«Сопор, ей, кукушку уговаривал», однако придал им современный иронический вид¹. В пушкинском казаке воинская удалость соединилась с талантом соблазнителя, а детали украинской экзотики придали сюжету мимолетной любовной истории и занимательность, и достоверность:

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли. <...>
Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.

«Ночь становится темнее,
Скрылась луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды». <...>
Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.²

Своеобразной контаминацией пушкинского варианта и трагических балладных сюжетов выступили одноименные стихотворения «Казак на родине» А.Х. Дуропа (1818) и некоего А.П. (1822), где казак, вернувшийся домой, сталкивается с изменой или находит могилу возлюбленной:

И долго стонал он над прахом драгим,
И с мрачной душой
Он долго безмолвно беседовал с ним
С сердечной тоской
«Я сир, одинок, и в любезной стране
Чего же мне ждать?

Помчуся и стану в кровавой войне
Конец свой искать.»
Так думал козак и, вскочив на коня,
Стрелюю летел:
Еще пред закатом румяного дня
Конец свой нашел.³

Никаких следов украинского колорита в стихотворениях не осталось, но сочетание воинского и любовного компонентов оказалось крепко спаяно с образом казака.

Интересное развитие подобная модель нашла в повести В.Т. Нарезного «Запорожец». Ее основу составлял рассказ главного героя о жизни до переселения в Запорожскую Сечь, выстраивающийся в соответствии с принципами любовно-авантюрного романа: наличием нескольких любовных линий (Юлия, Аделаида, Диана, Лорендза), запутанностью и неожиданностью событий, вынуждающих маркиза де Газара скрываться от преследователей из Франции в Испанию, а затем в Италию и Турцию, мотивами похищения, преследования, тайны рождения, гипертрофированностью чувств и т.д. Довальтерскоттовская жанровая модель позволяла автору не придерживаться историко-культурной достоверности, сосредоточившись на занимательности и психологических перипетиях. Однако повествовательную раму романа составил очерк жизни Запорожской Сечи, вобравший

¹ Киреева Е.В. Лицейские стихотворения А.С. Пушкина «Казак» и «Романс»: биографический, литературный, фольклорный контекст. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 47-49.

³ А. П. л. н. й. Козак на родине // Сын отечества. 1822. Ч. 82. № 49. С. 130. Ср.: Дуроп А.Х. Казак на родине // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 3. № 5. С. 242.

элементы этнографического материала. В русле обозначившейся традиции В.Т. Нарезный превратил героя-любовника маркиза де Газара в войскового атамана запорожцев Авенира Булата, возвращающегося в начале повести из успешного похода за Кубань. Сама трансформация мотивировалась специфической природой Сечи: в повести она нарисована не столько пристанищем коренных казаков, сколько местом прибежища знати из разных концов Европы, скрывающихся по каким-либо причинам:

Милостивый государь, - отвечал Клодий, - я знаю одно место в юго-восточном краю Европы, где может найти верное убежище всякий, такого ищущий. Это место называется Запорожская Сечь и лежит недалеко от порогов Днепра, где вливаются воды его в Черное море. <...> В приеме в казаки старшина совсем не заботится, кто из желающих сделаться запорожцами – какой веры, какой земли, звания, поведения; равным образом, не выпрашивать, что принуждает кого, оставя отчизну, искать у них убежища. Там есть английские лорды, испанские доны, французские графы и маркизы и проч. и проч.¹

Сечь тем самым представляла частью европейского мира, что снимало ассоциировавшиеся с ней в имперской культуре мотивы анархизма, дикости, общественной аморфности, аморализма и т.п. (см. главу 1). У В.Т. Нарезного Запорожье показано колоритной, но вполне организованной республикой:

Но при вступлении в это особенного рода общество, подобно как при посвящении в монашество, надо оставить все прежние титулы и знаки отличия; там все равны: сегодня кошевой атаман или судья, а завтра простой казак; при принятии нового собрата ему дают прозвание, какое вздумается, бреют голову, оставляя один оселедец, и этот профан в короткое время становится посвященным в таинства запорожских².

Здесь соблюдается обет безбрачия и не допускаются женщины, однако за пределами Сечи никто не возбраняет казаку иметь семью, здесь не занимаются ремеслами и не приветствуют ученость, но вокруг расположены мастерские и лавки торговцев, а сыновья казаков учатся в бурсе или домашними учителями. Наконец, здесь свято чтут религию и, вернувшись из похода, торопятся «облобызать крест господен и окропиться водою священной»³. Подобная культурная реабилитация Сечи сопровождается у В.Т. Нарезного массой колоритных деталей казачьего быта: описанием причесок и одежды, особенностей врачевания, воинской и административной иерархии, предметов обихода. Причем писатель, отдавая дань имперскому гранднарративу, рисовал Запорожье как уже ушедший и тем интересный мир:

Узнав обстоятельно весь образ правления в Сечи, источники общественных и частных доходов, нравственность чиновников и простых воинов, я сказал самому себе: когда знатнейшие царства и республики пали в свое время, то как не последовать этого и с Сечью Запорожскою? Пройдет столе-

¹ *Нарезный В.Т.* Избранное. С. 269-270.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 227.

тие, и, может быть, одним только географам будет известно место, где стояла некогда Сечь Запорожская.¹

Предчувствуя скорый закат Сечи, не нужной более московскому царю для защиты от турок и татар, сам Авенир предусмотрительно покупает поместье в тульской губернии, куда отправляет детей и, отказавшись в финале от атаманского звания, едет сам. Так В.Т. Нарезный, используя ограниченные возможности авантюрной схемы, смоделировал в судьбе героя перипетии имперской интеграции казачества.

Столь плодотворный художественный материал нуждался в развитии, и следующим этапным шагом для образа Украины в русской словесности выступил роман «Бурсак» (1824), также соединивший любовную линию и гражданско-воинский колорит, но уже в широком социально-бытовом и историческом контексте. Анонимный рецензент романа особо отметил привлекательность Малороссии как предмета изображения и достоинства его обработки у В.Т. Нарезного:

Характеры действующих лиц оттенены превосходно – особенно характер гетмана. Всего любопытнее в этой повести место происшествия: Малороссия, обычаи малороссийские, гетманский двор, шляхетство, сечь Запорожская, и пр. – описаны превосходно.²

Роман велик по объему, но, охватив множество разнообразных событий, действующих лиц, коллизий, он не потерял целостности благодаря фигуре главного героя – бурсака Неона. Четыре части повествования отражали этапы его личностного становления: «бурса» – молодость, начало формирования личности; следующие две части (путь ко двору гетмана и на службе гетмана) – период взросления, где ключевым моментом, своеобразным ритуалом инициации является участие в бою против поляков и спасение гетмана. Наконец, завершающая часть разрешала интригу с тайной происхождения героя и утверждала его новый статус. Признаки авантюрно-приключенческого романа сближали «Бурсака» с более ранним «Русским Жильблэзом», а Неона – с Гаврилой Симоновичем Чистяковым, однако если в «Жильблэзе» место действия было условным, лишенным географических привязок и черт местного колорита, то «Бурсака» невозможно представить вне украинской культуры и истории, хотя и преображенных авторским вымыслом.

Так, география в романе отличается вольностью: наряду с реально существующими топосами и гидронимами (Переяславль, Пирятин, Батулин, Днепр, Удай и т.д.) упоминаются в качестве мест действия небольшие вымышленные селения с причудливыми названиями: Глупцово, Швитково и др. Вполне произвольно использовал автор и исторические реалии: события привязаны к середине XVII века, на что указывало упоминание отсчета нового года с первого сентября (и соответствующая авторская ссылка, поясняющая, что такой порядок существовал до 1701 года), а также фон антипольского восстания:

¹ *Нарезный В.Т.* Избранное. С. 282.

² *Благонамеренный.* 1824. Ч. 27. № 16. С. 274-275.

В сие время начали колебаться умы от политической заразы. Сперва тайно, а потом и явно начали говорить на базарах, в шинках и в классах семинарии, что гетман принял твердое намерение со всею Малороссиею отторгнуться от иноплеменного владычества Польши и поддаться царю русскому. Такие слухи более и более усиливались и доводили поляков до неистовства. Старый киевский воевода принял деятельнейшие меры воспротивиться таковому предприятию гетмана, низложить оное и еще более поработить Малороссию. Гетман тайно начал готовить войска¹.

Таким образом, действие романа разворачивалось в период гетманства Б. Хмельницкого, однако В.Т. Нарезный заменил его вымышленным гетманом Никодимом, поскольку использование реального лица требовало большей исторической точности и не позволяло реализовать идею родства главного героя с гетманом, основную интригу романа. Эпоха героической борьбы за независимость и воссоединения с Россией была благодатным материалом для раскрытия национальных характеров и гражданского пафоса, облеченных в форму авантюрного повествования.

Несмотря на довальтерскоттовскую историческую условность, «Бурсак» отличался редкой этнографической насыщенностью, касалось ли то описания бурсы или гетманского двора, празднеств (пиршество в Батурине и др.) или деталей частного быта. Переяславская бурса, ставшая для главного героя «школой жизни», нарисована колоритным сообществом с оригинальными нравами и неписанными законами. Автор с глубокой достоверностью описывал не только процесс учения бурсаков, но и досуг, отношения товарищей, не всегда отличавшиеся высокой моралью. Нарезный не скрывал пагубных привычек бурсаков, их тяги к пьянству и воровству, порой трусости, лени, хитрости, вместе с тем подчеркивая товарищеский дух, отходчивость после ссор, неумение долго таить обиды, мстить. В этом отношении показателен образ Сарвила, изгнанного из бурсы по вине Неона и вынужденного скитаться, однако не затаившего зло и охотно оказавшего ему помощь в трудной ситуации. Особый комический колорит приносило в повествование сравнение нищей бурсы с величественной Римской республикой, отразившееся в распределении должностей – консул, префект, ликтор, ритор и другие и специфике самоуправления:

Послушай же: почтенное сословие бурсаков образует в малом виде великолепный Рим, и консул управляет оным вместе с сенатом. В консулы избирается старший из богословов, а прочие богословы и философы образуют сенаторов; риторы составляют ликторов, или исполнителей приговоров сенатских; поэты называются целерами, или бегунами, которые употребляются на рассылки; прочие составляют плебеян, или чернь – простой народ. Видишь, как все это прекрасно устроено!²

Важным моментом произведения было описание гетманского двора и свиты, поражающих пышностью и великолепием и буквально ослепивших в первые минуты вчерашнего бурсака Неона, заставляя робеть перед самодержавным старцем и его вельможами.

¹ *Нарезный В.Т.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Романы и повести. М.: Художественная литература, 1983. С. 31.

² Там же. С. 14.

При этом описания окружающей обстановки, предметов интерьера, одеяний гетмана отличаются детализацией:

Великолепие блистало со всех сторон. Уставив Неониллу среди женщин, я постарался найти себе место поближе к тому, где становится глава народа. Оно устлано было богатым ковром и осеняемо сверху покровом малинового бархата с золотою бахромою и такими же кистями. Вскоре суетливость духовенства и народа возвестили прибытие великого гетмана¹.

Примечательно, гетман постоянно предстает в обстановке полонизированного богатства и пышности, что создает вокруг него ореол возвышенности, неприступности, спадающий разве что к финалу. В целом, стоит отметить, что образ Никодима не получил в романе глубокой разработки, он оставляет ощущение незаконченности: для него характерна психологическая противоречивость, слабая мотивированность смены настроений и действий.

Упоминания о Запорожской Сечи, ее устройстве и обычаях сближали «Бурсака» с «Запорожцем». Однако если в повести описание Сечи имело полупоэтический характер, в романе оно приобрело этнографически зримые очертания. Очень красочно особенности местного казачества описывал Евгений (отец Неона) в повествовании о своих злоключениях:

После сего, взмостясь на коня, я отправился прямо в Запорожскую Сечь. По прибытии в сию чудовищную столицу свободы, равенства и бесчиния всякого рода тотчас явился я к войсковому писарю, объявил желание быть черноморцем, тут же вписан в книгу под именем Леона Рукатого, и в одном из куреней отведено мне место длиною в сажень и шириною в полтора аршина, которое должно служить мне ночлегом. Получив таким образом право гражданства, то есть высокое право похабничать, забиячить и даже разбойничать (последнее дозволяется только вне пределов запорожских)².

Много в романе и других примет местного колорита – природы, нравов, обычаев. Описания украинских ландшафтов постоянно включаются в динамично разворачивающееся повествование, создавая образ благодатного края, щедро одаривающего человека:

Мы продолжали путь свой местами прекрасными, каких я до того времени не видывал. Небольшие холмы, пересекаемые долинами, покрыты были благословенными нивами, и взору представлялось необозримое золотистое море; кое-где по дороге росли вишневые и шелковичные деревья, могущие под тенью своею успокоить усталого путника или хлебопашца. Я любовался сею прелестною картиною и не мог насытить своего зрения³.

Если в «Двух Иванах, или Страсти к тяжбам» В.Т. Нарезный будет всячески подчеркивать музыкальность малороссов, то в «Бурсаке» на первый план вышла куда более прозаичная, но не менее характерная особенность – страсть вкусно поесть. Роман пестрит упоминаниями о многочисленных обедах, домашних пиршествах, дорожных перекусах с

¹ *Нарезный В.Т.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 135.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 65.

подробным перечислением лакомств. Еще одной чертой этнографической ориентации романа становится обилие авторских ссылок, пояснений местных обычаев, традиций («Литвины в Малороссии считаются обманщиками и бессовестными людьми, так что назвать кого-либо литвином почитается ругательством»; «В Малороссии и до сего времени большею частью сохраняется обычай, чтобы в церквах женщины стояли от мужчин отдельно»¹), толкований диалектизмов (торба, курень, серпень). В результате для имперской публики «Бурсак» стал живым образом малороссийской действительности, сохранившим оригинальные черты «быту и старинных обычаев того края», которые, по словам рецензента «Сына отечества», «исчезают под шлифовкою общего просвещения»². Подобная социально-бытовая плотность изображения, сопровождавшаяся пусть схематичными, но отчетливыми связями с исторической эпохой, выводила на новый уровень мотивированность героев, делала их узнаваемыми представителями национальной культуры. Как справедливо констатировал Ю.В. Манн, «историческим колоритом своих произведений Нарезный подготовил появление Гоголя, <...> картины жизни старой Украины в "Бурсаке" или "Запорожце" проложили дорогу "Тарасу Бульбе"»³.

Характерным элементом романа была комическая стихия, привязанная к эпизодам учения Неона в бурсе. Они представали в карнавальном свете и отличались нелепостью, случайностью, переворачиванием высокого и низкого, как в сценах воровства дынь в саду Диомида Короля, смущения во время занятий страшящегося наказаний Неона, пения Сарвила на концерте, параллелей бурсы и Римской республики и т.д. Здесь В.Т. Нарезный следовал традиции И.П. Котляревского, придавшего образу «народа поющего и пляшущего» карнавально-бурлескную форму⁴. Его «Перелицованная Энеида» предложила для имперской публики и регионального литературного сознания канон изображения малороссийского быта, выступавший параллелью сентиментальной идиллии и воинско-любовного колорита казачьей темы.

По своей архитектонике поэма И.П. Котляревского была универсальна, включая разные элементы – исторический, начиная от реминисценций домонгольской эпохи до воспоминаний о Сагайдачном и Полтавской битве, социальный, рисовавший жизнь и нравы крестьянства, казачества и панства (в образах вздорных римских богов), повседневно-бытовой (украинская еда, одежда, жилище, ремесла, законы и нормы общежития), при-

¹ *Нарезный В.Т.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 38, 135.

² *Сын отечества.* 1824. Ч. 97. № 51. С. 38.

³ *Манн Ю.В.* У истоков русского романа // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. С. 30. См. также: *Рублева Л.И.* Романы В.Т. Нарезного: традиции и новаторство. М.: Прометей, 2002.

⁴ См. о ее развитии в украинской словесности конца XVIII – первой половине XIX века: *Бовсунівська Т.В.* Українська бурлескно-гравестійна література першої половини XIX ст. (в аспекті функціонування комічного). Київ: ВПЦ «Київський ун-т», 2006.

родно-ландшафтний, етнографічний і мовної (віровання, свята, фольклор, ідиомы, просторечия, діалектизми) і інші¹. Подібну всеохопність, репрезентувальну цілісний образ української культури, в повній мірі оцінило, однак, тільки покоління 1840-1850-х років. В початку ХІХ століття, коли національний колорит тільки ставало востребованим, поема проходила в першу чергу по розряду комічно-пародійних творів. Так, О.М. Сомов в «Обзор російської словесності за 1828 рік» писав про долях бурлескної поезії:

Из всех предыдущих Энеид, Язонов и Прозерпин навыворот уцелела только малороссийская пародия «Энеиды» И.П. Котляревского потому, что автор ее умел приправить свою поэму малороссийской солью и живо вывести в ней, вместо троянцев, карфагенян и латинян, земляков своих малороссиян с их домашним бытом, привычками и поговорками².

Як справедливо вказав Е.А. Сверстюк, карнавальний сміх І.П. Котляревського мав життєтворчий характер, виступав як принцип мироотношения, заснованого на народних початках³. По думці Г.Ю. Грабовича, тим самим він дистанціювався від ієрархічного жанрового свідомості імперської словесності: «Основний сигнал такого обмеження – вибір мовного коду: вибрав народний, розмовний мову, українська література (спочатку це було тільки обмежене кількість творів) в певній ступені стає недоступною для загального всеросійського читача»⁴. Між тим поема видавалася в Санкт-Петербурзі і призначалася все ж для імперської аудиторії, в допомогу якої І.П. Котляревський додав малоросійський словник. Бурлеск і фарсове початок тут виходило на перший план, вилучаючись з складного гібридного єдності, очевидного для української публіки. Малоросійський быт в контексті російської літератури представляв предметом, в першу чергу, комічного освітлення.

Двійний контекст ставало належністю і драматических творів І.П. Котляревського – «Наталки Полтавки» і «Москаля-чарівника» (обидві – 1819), полемічно протиставлених «Козаку-стихотворцю» А.А. Шаховського. П'єси були поставлені в Санкт-Петербурзі і Москві в 1820-і роки і отримали широкий успіх, також став канонічною репрезентацією образу України⁵. І.П. Котляревський устами своїх персонажів оцінив псевдоукраїнську мову претекста і звинувачив його історичні помилки:

¹ См. опыт системного описания поэмы: *Яценко М.Т.* На рубежі літературних епох: «Енеїда» Котляревського і художній прогрес в українській літературі. Київ: Наукова думка, 1977.

² *Сомов О.М.* Обзор російської словесності за 1828 рік // Северные цветы на 1829 рік. СПб: В типографії департамента народного просвещения, 1828. С. 53.

³ См.: *Сверстюк Є.О.* Іван Котляревський сміється // Сверстюк Є.О. На святі надій: Вибране. Київ: Наша віра, 1999. С. 253-282.

⁴ *Грабович Г.Ю.* Семантика котляревщини // Грабович Г.Ю. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. Київ: Основи, 1997. С. 294.

⁵ См. о их месте в развитии украинской драматургии: *Хропко П.П.* Українська драматургія I половини ХІХ ст. Київ: Київський державний педагогічний інститут ім. О. М. Горького, 1972. С. 6-29, 72-80.

Петро. Співали московські пісні на наш голос, Климовський танцював з москалем. А що говорили, то трудно розібрати, бо сю штуку написав москаль по-нашому і дуже поперевертав слова.

Виборний. Москаль? Нічого ж і говорити! Мабуть, вельми нашкодив і наколотив гороху з капустою <...>. То тільки нечепурно, що москаль взявся по-нашому і про нас писати, не бачивши зроду ні краю, і не знавши обичаїв і повір'я нашого. <...> в славній полтавській времена – тее-то як його – Кочубей не бил полковником і полка не імів; ібо і пострадавший от ізверга Мазепи за вірність к государю і отечеству Василій Леонтійович Кочубей бил генеральним суддею, а не полковником. <...> Искра, шурин Кочубея, бил полковником і пострадал вмiстi з Кочубеем, мало не за год до Полтавської баталії; то думать треба, что і полк не єму принадлежал во врем'я сраженія при Полтаві¹.

Вместо стилизации драматург предложил публике оригинальные картины украинского быта, более точные в историческом и культурном плане, но не отходившие от комического канона. Основная коллизия обеих пьес по-водевильному легко разрешалась: влюбленные бедняки Наталка и Петро воссоединялись вопреки домогательствам пана Тетраваковского, Тетяна и Михайло честно объяснялись и выпутывались из казусной ситуации с ухаживанием Финтика и обманами солдата Лихого, самозваного «чарівника»². Социальные (панское чванство, судейское мздоимство) и культурные противоречия (наивные украинцы – хитрый москаль) лишь обозначались, не порождая глубокого конфликта. В результате упоминания Литовского статута и Магдебургского права, местных должностей и учреждений, особенностей бытового уклада и т.п. придавали насыщенный национальный колорит поэтической или авантюрной любовной истории с множеством лирических и шуточных песен. Образ «народа поющего и пляшущего» находил аутентичное жанровое воплощение, поддерживая развитие имперского мифа.

Последователи И.П. Котляревского, лишённые карнавальности универсальности, часто огрубляли фарсовую составляющую малороссийского бытописания. Их произведения на украинском языке в большинстве не доходили до российской публики, оставаясь принадлежностью сугубо региональной словесности³, но те из них, которые помещались в журналах или писались по-русски, переносили стилистику «котляревщины» в соответствующее дискурсивное пространство. Такова поэма В.Г. Масловича «Основание Харькова», напечатанная в «Харьковском Демокрите»⁴, стихотворения П.П. Гулак-Артемовского «Супліка до Грицька Квітки», «Тюхтий та Чванько», «Дещо про того Гараська» из «Украинского вестника»⁵, «Малороссийские анекдоты» Г.Ф. Квитки-Основьяненко¹ и другие. В

¹ *Котляревський І.П.* Наталка Полтавка // Котляревський І.П. Прозові твори. Драматичні твори. Листи. Київ: Наукова думка, 1982. С. 242.

² См. о жанровом характере пьес: *Перепелиця П.П.* З історії українського водевіля // Український водевіль. Київ: Мистецтво, 1965. С. 3-19.

³ См. об их значении в украинской литературе: *Бовсунівська Т.В.* Українська бурлескно-трагедійна література першої половини ХІХ ст. (в аспекті функціонування комічного). С. 95-150.

⁴ Харьковский демокрит. 1816. №1. С. 5-14; №3. С. 95-103.

⁵ Украинский вестник. 1818. Ч. 12. № 12. С. 363-365; 1819. Ч. 16. № 11. С. 235-237, 237-239.

контексте европеизированной русскоязычной журналистики, подчеркивавшей высокий культурный статус региона, подобные произведения выступали своеобразной данью предромантической простонародной экзотике, уходящей в прошлое и контрастной образу жизни русифицированной элиты. Отсюда нарочитость и условность комической «народности», как в поэме В.Г. Масловича, предупреждавшего читателя: «Речи героев сей баллады должны бы быть на малороссийском языке; но многие заметили издателю, что это будет шероховато»². Его история воссоединения Галуси, дочери богатого Харько, и батрака Якова, полная авантюрно-фарсовых эпизодов (погоня за усами татарского хана) и шуточно-лирических песен, использовала детали украинского быта исключительно для усиления занимательности. У П.П. Гулак-Артемовского национальный язык и культурное своеобразие становились предметом первостепенным, но отстаивать их самостоятельность писатель доверил все же балагуру-рассказчику, не чуждающемуся фарсового дуракаваления:

Пусти! Та й склич до нас тих навісних панів,
Що воду із своїх виварюють Рябків;
Звели їм струп Рябка довгенько полизати:
Адже ж то і над псом повинно ласку мати.
Пусти нас, батечку, до хати!
Супліку ж сю мою ти, Грицьку, сам читай,
Ледачому її паскудить не давай;
Бо як почне москаль по-своєму складати,
Та вот!.. Та штьо? Та как?.. – читавши примовляти,
Тоді хоч умикай із хати!..³

В русской литературе карнавалльно-идиллическую версию украинского колорита наиболее полно воплотил В.Т. Нарезный в комедиях «Богатый бедняк» и «Заморский принц» из сборника «Новые повести» (1824). Повесть-пьеса «Богатый бедняк», чье действие разворачивалось «в прелестной долине, верстах в тридцати от Полтавы»⁴, рассказывала историю бедного шляхтича Ипполита, влюбившегося в прекрасную девушку Богомилию, единственную дочь самого богатого помещика в округе пана Никанора. Честолюбивый отец, узнав о ее взаимных нежных чувствах к бедняку, прогнал неудачливого влюбленного из дома. Ипполит, по совету своего друга Вирилада, отправился в Полтавский полк, идущий вскоре на войну с «неверными». Через пять лет герой возвратился в родные края, но, увы, «едва ли не беднее прежнего»⁵, однако нашел Вирилада разбогатевшим и довольным:

Шедший впереди вел за узду лошадь о трех ногах, ибо четвертую держала она на воздухе. За этим двое здоровых высоких мужчин вели под руки третьего, который казался их господином. Он имел

¹ Вестник Европы. 1822. № 6. С. 61-68, 157-162.

² Харьковский демокрит. 1816. №1. С. 10.

³ Цит. по изд.: Гулак-Артемовський П.П. Поетичні твори. Гребінка Є.П. Поетичні твори. Повісті та оповідання. Київ: Наукова думка, 1984. С. 42.

⁴ Нарезный В.Т. Избранное. С. 138.

⁵ Там же. С. 141.

багряные щеки, каждую величиною с добрую дыню, а чрево, опустившееся до колен. Они все не очень тверды были на ногах¹.

Вирилад решил помочь своему до сих пор влюбленному в Богомилию другу и, прибегнув к хитрости, устроил их брак. В финале все отрицательные герои (пан Иван) наказаны, положительные герои и их помощники (Ипполит, Богомилия, Лариса, Вирилад) вознаграждены и счастливы, заблуждающиеся (пан Никанор) исправлены и приведены к истине.

В основу пьесы В.Т. Нарезным была положена мольеровская любовная интрига: герои проходили через ряд испытаний разной степени сложности и в финале обретали счастье. Комический колорит определяли здесь, прежде всего, традиционные сцены «неузнавания» (Ипполит после разлуки не узнает своего друга Вирилада в дородном веселом старике), переодевания (исполнение Ларисой задуманной роли с целью вывести пана Ивана на чистую воду), введения в заблуждение (обман пана Никанора Вириладом, вранье Ларисы о своем прошлом), резкие перемены положений (внезапное богатство Вирилада вследствие обнаружения клада, перемена в отношении пана Никанора к пану Ивану и Ипполиту и т.д.). Помимо этого, многие сцены имели фарсовый характер – падение Вирилада с кресла у пана Никанора, письмо, адресованное Ипполиту, в котором Вирилад, по совету доктора Измаила, взамен двадцати пяти тысяч злотых просит друга отдать... уши, дабы помочь излечить его ненавистную тучность. Тон автора подчеркнуто ироничен: Ипполит нередко именуется «витязем», «рыцарем», даже образ скромной и крайне благонаправной Богомилии нередко вызывает улыбку. Воплощением комического плута выступает Вирилад – несколько нелепый, но добродушный и гораздый на выдумки. В рамках подобной жанровой конструкции украинский бытовой колорит помогал создать наивно-патриархальный мирообраз, для русской словесности эпохи А.С. Грибоедова вполне архаичный и предлагавший смягченный и, с мольеровской помощью, европеизированный вариант «котляревщины».

Безусловно, подобный карнавалльно-фарсовый образ бытовой Малороссии был ограничен и в проблемном, и в стилистическом плане. На протяжении второй половины 1810-х – первой половины 1820-х годов региональная словесность настойчиво стремилась насытить формы «котляревщины» подлинным национальным содержанием, сделать ее выразителем местных социальных и культурных проблем. Это был путь П.П. Белецького-Носенко, П.П. Гулак-Артемовского, Г.Ф. Квитки-Основьяненко. Так, басни П.П. Гулак-Артемовского «Пан та собака»² и «Солопий та Хивря»³ из «Украинского вестника» приносили в фарсовые сцены социальное содержание, антикрепостническое или просвети-

¹ *Нарезный В.Т.* Избранное. С. 142.

² Украинский вестник. 1818. Ч. 12. № 12. С. 356-362.

³ Украинский вестник. 1819. Ч. 16. № 10. С. 80-94.

тельское, далеко от традиционной басенной аллегоричности и размывавшее образ «народа поющего и пляшущего»¹. Конфликты и проблемы, определяемые специфической структурой украинского общества (размытый статус дворянства, прежней казацкой старшины, недавнее закрепощение крестьян), наложением имперских административных практик и традиций местного права и самоуправления (произвол выборных, судебный хаос, сложные имущественные споры), культурными противоречиями (конкуренция польской, русской модели и местного традиционализма), в той или иной мере прорывались на страницы комических, казалось бы, произведений. В результате местный колорит становился не декоративным элементом, а неременным условием для раскрытия основной идеи.

Этапным произведением в этом плане стал для имперского образа Малороссии роман В.Т. Нарезного «Два Ивана, или страсть к тяжбам» (1825). Он органично воплотил картину хаотичного, многогранного, красочного и многоголосного мира, который если и воспринимался как комико-идиллический, то не препятствовал вторжению глубоких конфликтов. Н.Л. Степанов, говоря о реалистических началах В.Т. Нарезного, отмечал его связь с украинским народным творчеством: «Нарежный, несомненно, был знаком с украинским вертепом, с его бытовыми персонажами, запорожцами, попами, цыганами, с его простодушным комизмом и народной точностью языка...»². Язык повествования разнообразен и красочен, рассказчик щедро использует просторечие, крестьянскую речь, колоритные украинские словечки: «червонцы», «тютюн», «злотые», «шинок», «сулея» и т.д. Роман изобилует сценами из народной жизни (описание ярмарки в честь праздника Ивана Купалы, именин, зарисовки вечеров в доме Иванов и т. д.), описанием малороссийских обычаев, а также быта и нравов малороссиян – добродушных, жизнерадостных, открытых. Особенно автором подчеркивается мощное творческое начало, свойственное украинскому народу – тяга к песнопениям, сочинению и пересказыванию былей и небылиц. Как правило, не одна пространный зарисовка народной жизни не обходится без упоминания пения, музыки и плясок:

<...> у них, конечно, благодаря, - запляшут медведи, зазвонят цимбалы и загудят гудки, в чем и у нас недостатка не будет, но вдобавок в светелках наших раздастся *сладкое песнопение*...³.

Со следующего дня всякий в обоих семействах препровождал весь день в приличных ему занятиях, а на вечер соединялись все у которого-либо из Иванов; студенты рассказывали повести из древней и новой истории и *пели псалмы*; старики курили трубки, пили наливки...⁴.

¹ См. о баснях П.П. Гулак-Артемовского: *Гончар О.И.* Просвітительський реалізм в українській літературі. Жанри та стилі. Київ: Наукова думка, 1990. С. 71-80; *Куценко Л.* Байка П.Гулака-Артемовського «Пан та Собака». Національне в соціальному змісті твору // Дивослово. 2003. № 8. С.2-3.

² *Степанов Н.Л.* Нарезный // История русской литературы: В 10 т. Т. V. Литература первой половины XIX века. Часть первая. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 284.

³ *Нарежный В.Т.* Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1983. С. 320.

⁴ Там же. С. 339.

Настал светлый праздник, и все горбылевские жители <...> радостно восшумели. Веселые толпы народа обоего пола и разного возраста бродили из улицы в улицу, и *громкое пение* раздавалось по воздуху; случившиеся на ту пору в Горбылях запорожцы, воя за собою гудошников и цимбалистов, тешили народ чудесною пляскою, борьбою и кулачными боями...¹.

Роман изобилует комическими ситуациями, развивая образ «народа поющего и пляшущего». Достаточно вспомнить нечаянную встречу двух Иванов с их сыновьями, окончившими Полтавскую семинарию и возвращающимися домой, путаницу, случившуюся с Иванами на конюшне пана Агафона, когда доблестные герои приняли козла за демона или ночную сцену прощания с паном Харитоном, принятым за мертвого, и его последующее «воскрешение»:

Пан Харитон за четверть часа уже проснулся. Услыша бормотанье Фомы, он узнал, что тот читает псалтырь. Открыв до половины глаза и видя себя на столе под церковным покровом, а в ногах горящие светильники, он сейчас догадался, что его сонного сочли мертвым и готовили к погребению. По своему крутому нраву он хотел было оторвать у дьячка пучок; но скоро отдумал, представив только, что он слушался повеления других и слушался охотно, потому что в сем состоит житейский доход его <...>. Посему когда Фома, поднося к губам сулею, возгласил: «Вечный покой душе Харитоновой!», то он ласково отвечал: «Спасибо, дружище!»²

Источником смеха в романе выступали не только традиционно комические ситуации, в которые периодически попадали герои, но и особенности повествования – описание мелочных происшествий и нелепых поступков тоном крайне деловым и серьезным. Кроме того, смех В.Т. Нарезного был органично бытовым и мотивировался местным укладом жизни. Как справедливо определил Ю.В. Манн, «Два Ивана» предлагали новую романную форму,

«которую можно назвать комическим эпосом нового времени. Его основная материя – повседневные заботы, ссоры, дразги, проявления недоброжелательства, зависть, словом, мелочи жизни. Между тем эти мелочи не только наполняют все бытие человека, но подчас приводят к последствиям весьма печальным.»³

При всем «ярмарочном» колорите роман В.Т. Нарезного имел ярко выраженную социальную направленность. Его основу составлял реальный конфликт между панам-магнатами, богатыми землевладельцами, частью польскими, частью русскими, и основной массой украинских дворян-помещиков, недавних казаков или выходцев из мелкой шляхты. Добиваться права на имперское признание последним приходилось трудно и долго, также как и отстаивать в судах свои права. Смещение норм имперской юриспруденции и Литовского статута приводило едва ли не к хаосу малороссийское судопроизводство, а вынужденных вариться в подобном соку местных жителей выставляло для внешнего

¹ *Нарезный В.Т.* Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1983. С. 386.

² Там же. С. 359.

³ *Манн Ю.В.* У истоков русского романа. С. 32.

взгляда закоренелыми сутяжниками. Административный беспорядок, следствие передачи многих имперских функций сильному шляхетскому самоуправлению, породил у магнатов или пронырливых чиновников желание воспользоваться своими связями или влиянием. Не случайно, устав от обмана и произвола со стороны чиновных людей, один из Иванов восклицал:

«О правосудие! где ты?» - "Где-нибудь да есть, только не у нас!" - "Что ж сделаем?" - "Утопимся или удавимся!" - "Нет! умирать не отметивши – глупое дело! Неужели на всей земле малороссийской нет суда на Гордея и Анурия?»¹.

Основной темой романа становилось сатирическое изображение провинциального дворянства. Ссора двух Иванов, закадычных друзей, с соседом паном Харитоном Занозой из-за нелепицы перерастает в длительную вражду, втягивающую их сыновей – изнурительную, бесполезную, наносящую материальный и моральный вред обеим сторонам. Вот как описывал один из Иванов развитие тяжбы и ее последствия:

В течение сего времени с нашей стороны погублены: целое стадо гусей, уток, множество свиней, овец, коз и баранов; зато и у пана Харитона убыло: три пары рабочих волов, две лошади и несколько коров с телятками. Но это мелочи! Харитон сожег у меня гумно, а мы выжгли у него целое поле с созревшим хлебом; он подкопал у нас водяную мельницу, а мы сожгли у него две ветряных. Но кто исчислит все убытки, кои одна сторона другой причинила!²

Тяжба длится долго, однако преодолевается благодаря вспыхнувшим чувствам и смекалке Никанора и Короната, а также мудрости Артамона Зубаря, приходящегося прямым родственником одному из Иванов и исполняющему в романе функции сказочного помощника. Финал оптимистичен – враждующие семейства не только забывают прежние раздоры и обиды, но и роднятся. Характер подобной развязки, быстрой и максимально гладкой, безусловно, выглядел данью литературной традиции и имперскому стереотипу, но само обращение к острому социальному материалу, определенному условиями украинской жизни открывало путь решительным художественно-идеологическим преобразованиям, совершенным уже следующим поколением украинофилов в 1830-1850-е годы.

Их предвестием стал незавершенный и не опубликованный при жизни В.Т. Нарезного роман «Гаркуша, малороссийский разбойник» (1824-1825). Он обозначил последовательную романтизацию современного малороссийского материала, остававшегося до 1820-х годов в пределах сентиментально-просветительского видения. В исторических жанрах подобный поворот произошел раньше – у Ф.Н. Глинки и К.Ф. Рылеева. В.Т. Нарезному произвести трансформацию также помогло обращение к историческому сюжету, правда, недавнему. Главный герой романа – реальная личность. Во второй половине

¹ *Нарежный В.Т.* Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1983. С. 396.

² Там же. С. 324.

XVIII века Семен Гаркуша (1739-?) стоял во главе крестьянского движения на Украине, позже пополнил ряды запорожских казаков, за разбойные нападения на богатые хутора был сослан в Сибирь, бежал несколько раз, жизнь же свою, согласно преданиям, закончил на каторжных работах в Херсоне¹. Как констатировали современные комментаторы: «На Украине о Гаркуше сложено множество преданий и легенд, в котором он изображается защитником простого народа, мужественным, находчивым и отважным мстителем»². В.Т. Нарезный не придерживался в романе точных биографических фактов, сосредоточившись на образе благородного разбойника, помогающего слабым и обездоленным и несущим возмездие богатым, жестоким и своевольным. Свою позицию Гаркуша провозглашает при наказании пана Яцька, замучившего работника Ивана:

Несмотря на вопли мужа, жены, сына и дочери – Гаркуша хладнокровно говорил: – Сему никогда не бывать бы, если бы вы помнили, что вы состоите из такой же плоти и крови, как ваши подданные. Вы этого не хотели знать, не верили. О! Справедливость требует уверить вас в сей истине!³.

Тип главного героя и актуальная для украинской словесности антикрепостническая направленность произведения оказались, тем самым, глубоко связаны. Подобно героям Шиллера, Гаркуша захвачен жадной отместки тем, кто вершит несправедливость:

О, беззаконники! Вы забыли, что где есть преступление, там горнее правосудие воздвигает мстителя? Так! Я мститель и не признаю себе другого имени⁴.

Себя он видит орудием божественного провидения. Этим мотивирована цельность характера: если Гаркуше и свойственны колебания, то они мимолетны и быстро рассеиваются при обнаружении новых зол и несправедливостей со стороны панов.

Впервые малороссийский разбойник, простой казак стал у В.Т. Нарезного романтическим персонажем. Об этом говорит его исключительность, подчеркнутая выделенность на фоне общей массы:

Он был статный, дородный молодец и самый сильный из всей деревни. Все девушки заглядывались на Гаркушу, сидели румяные щеки его, черные кудрявые волосы, широкие плечи, крепкие мышцы и не могли не отворачиваться⁵.

Примечательно, что Гаркуша живет в уединении, а, став разбойником, уходит в места, ассоциирующиеся у местных жителей с обителью нечистой силы. Вполне романтичен облик героя: в моменты гнева силу и страсть его природы выражают «огненные» глаза: «взоры Гаркуши издавали тусклый блеск зажженного молнией дуба»⁶, «Под густыми черными бровями Гаркуши заблестали глаза, подобно двум свечам»⁷.

¹ См. о нем подробнее: *Кошовин К.* Семен Гаркуша (1772-1784) // Киевская старина. 1883. № 3. С. 528-554.

² *Грихин В.А., Калмыков В.Ф.* Примечания // Нарезный В.Т. Избранное. С. 437.

³ *Нарезный В.Т.* Избранное. С. 351.

⁴ Там же. С. 347.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Там же. С. 314.

⁷ Там же. С. 350.

В романтических традициях выдержана и пространственная организация романа, рисующего образ цветущей, но несчастной Украины («В прекраснейшей стране под российским небом, в пределах украинских, в помещичьем селении...»¹). Пространство здесь распадается на две сферы – социально-бытовую и романтико-экзотическую. Первую составляет ряд малороссийских селений: место проживания главного героя, где он впервые утоляет жажду мщения панам, хутор, где проходит детство и юность Олимпии, случайные селения, где орудуют разбойники Гаркуши и т. д. Это пространство, наделенное точными реалистичными чертами и признаками местного колорита (хижина Гаркуши, сад и голубятня Якова Лысого, деревенская церковь, шинок, барский хутор отца Олимпии, двор пана Кремня и т. д.). Второй локус – «темный лес», ставший родным домом для Гаркуши и Олимпии. Это пространство является «своим» для главных героев и их соратников, но «чужим» для иных персонажей и православного малороссийского народа в целом. Недаром Иван, входя с разбойничьей шайкой Гаркуши в лес, осеняет себя крестом. Примечательно и то, что долина, скрытая от посторонних глаз непроходимым кустарником, выбранная Гаркушей как место лагеря, расположена в низине, как тонкий намек на «низкие» дела разбойников, отделившие их от праведного мира людей. Описание этой «пустыни» имеет налет сказочности:

Рассматривая пропасть при свете ярких лучей солнечных, увидел он, что половина дна ее покрыта непроницаемым лесом, а другая высокою зеленою травой, испещренною бесчисленными цветами².

Еще один значимый локус романа – «Китайская земля», пространство идеальное, сфера легенд, куда стремится Гаркуша. Однако мечта благородного разбойника носит двойственный характер, здесь равенство и свобода оборачиваются праздностью и анархией:

Там реки полны рыбою, леса всякой дичью; сады беспрестанно цветут и приносят плоды; поля и огороды, не быв ни вспаханы, ни засеяны, сами собою приносят пшеницу, тютюн и всякие овощи. Посудите, каково жить там! Не станем знать ни панов, ни панщины; будете только водить стада, пить вино и пиво, курить тютюн и делать, что кому заблагорассудится!³

Данью имперскому стереотипу «народа поющего и пляшущего» здесь служит авторская сноска о типичности подобных устремлений малороссиян, всегда готовых покинуть родные места в поисках беззаботной жизни: «Да и что в самом деле для украинца может быть сладостнее, как, лежа на боку, пользоваться всеми дарами роскошной природы?»⁴. Иная черта, характеризующая местные нравы в интерпретации Нарежного – особое отношение к православной вере. Проявилось это в описании нарядов простого люда, иду-

¹ *Нарежный В.Т.* Избранное. С. 289.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же. С. 319.

щего в церковь как на праздник, подчеркивании набожности и глубокой веры главного героя:

От природы, подобно всем малороссиянам <...> был он набожен и свято соблюдал правила, переданные ему родителями. Он почитал за великий грех по постам есть скоромное, красть, ласково смотреть на пригожую жидовку-шинкарку и тому подобное¹.

Тем тяжелее мыслится обида, нанесенная Гаркуше племянником старосты и справедливее месть, задуманная главным героем. В то же время автор высмеивает языческие предрассудки, страхи малороссиян, верующих, будучи христианами, в домовых, ведьм, оборотней и прочую нечисть: у пана дьяка Якова Лысого по вечерам идут разговоры о «чертях и оборотнях», Сидор, жаждущий стать попом, прельщает деревенских красавиц небылицами о «разбойниках, колдунах, мертвецах, ведьмах и оборотнях», крестьяне Балтазара кидаются врассыпную, заметив переодетых в лохмотья помощников Гаркуши, принимая их за чертей.

В этом плане В.Т. Нарезный, наследник просветительских традиций, разошелся с дальнейшим романтическим украинофильством, в котором этнографическая фантастика стала важнейшим элементом². В последнем своем романе писатель сосредоточил особое внимание на жизни крестьянской Малороссии. Многочисленны и колоритны бытовые зарисовки украинской деревни: повседневный быт (описания устройства, порядков в барских домах пана Гуржея, Балтазара, Кремня), сезонных работ, домашних вечеров и праздненств (вечера дьяка Якова Лысого, свадьба Марины и Карпа, торжество в честь Гаркуши и Олимпии, вечерки). Они дополнялись многочисленными ссылками и разъяснениями, способствуя погружению читателя в мир малороссийской действительности. Подобный контекст придавал образу героя-бунтовщика, созданному К.Ф. Рылеевым, новый – простонародный характер, лишенный политической заряженности, но сохранивший в полной мере дух казацкой вольности. Метафорически говоря, Гаркуша В.Т. Нарезного стал крестьянским вариантом Войнаровского, гораздо более близким постдекабристской романтической словесности.

Тем самым, образ современной Украины в имперской словесности первой четверти XIX века, пройдя длинный путь развития, существенно трансформировался от сентиментальной условности, лишенной каких-либо признаков местного колорита, до сосредоточенности на социально-бытовых и национально-исторических особенностях малороссийской жизни, подготовив фактически все важнейшие темы и жанрово-стилевые установки зрелого украинофильства.

¹ *Нарезный В.Т.* Избранное. С. 290.

² См. о ее генезисе, связанном с переносом литературных сюжетов старокиевских времен в простонародную сферу: *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 105-142.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До настоящего времени с изучением образа Украины в имперской культуре был связан парадокс: он представал как готовый символический конструкт, отправной точкой рассмотрения которого становился феномен российского украинофильства, проявившегося в широком и устойчивом интересе российского образованного общества 1820-1830-х годов к малороссийскому материалу. В настоящем диссертационном исследовании центр внимания был перенесен на истоки возникновения украинской мифологии, связанные с предыдущим опытом культурно-идеологического конструирования образа Украины в имперской словесности второй половине XVIII – первых десятилетий XIX веков.

Отправным пунктом его моделирования в историческом плане выступило завершение процесса инкорпорации украинских земель в состав Российской империи, в культурном отношении – приглашение представителей малороссийской элиты к активному участию в культурной и политической жизни метрополии. Помимо этого создаваемый образ Украины отвечал внутриимперским потребностям («обретение» историко-культурных истоков, формирование национального государства, идеологическое обоснование главенствующего положения империи в славянском мире и проч.).

Начавшееся символическое освоение образа Украины, с одной стороны, подразумевало презумпцию «одноприродности» малороссийского и великорусского начал, с другой стороны, создавало почву для мышления категориями местного своеобразия и, тем самым, активизировало возникновение и развитие украинского традиционализма. Таким образом, балансирование на грани «своего» и «чужого», стало неотъемлемой чертой «украинского текста», нашедшей прямое отражение в сфере историографии, публицистики и художественной литературы.

Основными вариантами идеологического моделирования образа Украины в имперской культуре конца XVIII – начала XIX веков явились: образ воинственных казаков, во многом актуализировавшийся под влиянием идей европейского Просвещения (Вольтер), претерпевший три фазы эволюции (архаическое варварство, анархическая вольница и иерархическая дворянская республика); идиллический образ современной Украины (сентиментальное прочтение образа как отражение гердеровского подхода), нашедший воплощение в украинской историографии и ряде русских травелогов начала XIX века, а также закрепившийся в традиционной метафоре Украины – «второй Италии» и активизировавший «греческий текст» украинской литературы и публицистики; образ Киевской Руси как историко-мифологическое основание образа Малороссии.

Активно развивающийся в первой четверти XIX века украинский регионализм, претерпевший глубокое влияние руссоистско-гердеровских представлений, нацеливал на поиск определяющих особенностей национального характера, отзывающихся в местной истории, фольклоре, бытовой сфере, языке. Обращение к культурным истокам, исходящее из представления о единстве русского и украинского начал, в свете которого Малороссия представляла славянским «заповедником древностей», на другом полюсе придавало актуальность местному колориту и препятствовало полному снятию системы различий своего и чужого. Интенсивно развивающаяся украинская «археология» 1800 – начала 1820-х годов, представленная широким кругом авторов, была частью общего идеологического комплекса, актуализированного проектами александровских реформ и нашедшего свое развитие в обсуждении «польского вопроса». После провозглашения в 1815 году Царства Польского статус Украины как интегрированной части империи проблематизировался, что подвигло как местных, так и российских авторов к интенсивному переосмыслению польско-украинских отношений, в свете которых обойтись без темы национального государства (а не только национального характера) было невозможно. Так, действуя в едином комплексе, регионализм, этнографизм и политизация определяли ведущие особенности конструирования украинского «другого» в имперском дискурсе александровской эпохи.

В 1810-1820-х годах потребности малороссийского регионализма стремились восполнить харьковская журналистика и авторы-патриоты – краеведы, публицисты, писатели, первоочередной задачей которых было равноправное позиционирование Украины в имперском и европейском культурном пространстве, осуществляемое посредством ряда историографических, краеведческих и этнографических описаний, актуализации устойчивой ассоциации Украины с пространством Греции, формирования регионального культурно-исторического пантеона и моделирования образа новых «культурных гнезд» – центров просвещения на территории Малороссии.

Эволюция образа Украины в 1810-1820-х гг. была связана с национализацией общественного сознания накануне и после Отечественной войны 1812 года, привнесшей в образ Киевской Руси, остающейся составной частью образа Украины в русской художественной литературе, новый вектор интерпретации (возрастание степени исторической и культурной определенности, конкретизация хронотопа, изменение в жанровой ориентации и т.д.). Подобная художественная национализация прошлого, вполне укладывавшаяся в схему имперского гранднарратива с его интегрированным видением окраинных культур, питала, в том числе, региональное малороссийское самосознание, намечая силовые линии будущего национально-культурного разграничения, что нашло последовательное отражение в «Славенских вечерах» украинца В.Т. Нарезного и произведений начала 1820-х го-

дов, принадлежащих перу декабристов. С образом Украины оказался связан комплекс особых мотивов – этническая неоднородность, сложный процесс составления империи, борьба с внешними врагами, противостояние республиканской свободы и тиранического самодержавия, усобицы и сепаратизм – нашедших отражение в художественной словесности соответствующего периода.

Художественный образ современной Украины в имперской словесности первой четверти XIX века, пройдя длинный путь развития, существенно трансформировался от сентиментальной условности, лишённого каких-либо признаков местного колорита, до сосредоточенности на социально-бытовых и национально-исторических особенностях малороссийской жизни (поздние романы В.Т. Нарезного, отличающиеся глубоким освещением этнографических, культурных черт края), подготовив фактически все важнейшие темы и жанрово-стилевые установки зрелого украинофильства.

Перспективы работы определяются рассмотрением образа Украины в русской и украинской словесности периода «расцвета» украинофильства второй половины 1820 – 1840-х годов, где он обрел широту и разносторонность, отразив более глубокий интерес к национальной специфике. В трудах членов Кирилло-Мефодиевского братства образ Украины стал уже элементом сознательного национального строительства, обособлявшегося от великорусской парадигмы. В литературном плане объектом дальнейшего исследования мыслятся художественные произведения как классиков украинской литературы (Т. Шевченко, И. Франко, П. Кулиша, Г. Квитки-Основьяненко и др.), так и писателей с двойной «пропиской» (творческое наследие Н.В. Гоголя). Необходимым представляется рассмотрение художественного образа Украины данного периода на фоне широкого идеологического, историко-политического и социокультурного контекста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Акимов Е. Пребывание Его Императорского высочества Великого Князя Николая Павловича в Полтаве / Е. Акимов // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 3. – Кн. 7. – С. 90-97.
2. Александр I. Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в Варшаве // Украинский вестник. – 1818. – Ч. 10. – Кн. 5. – С. 171-179.
3. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением перво-бытного состояния сего края / Д.Н. Бантыш-Каменский. – М.: В типографии С. Селивановского, 1822. – Ч. 1. – 153 с.
4. Бантыш-Каменский Д.Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию / Д.Н. Бантыш-Каменский. – М.: В Губернской типографии А. Решетникова, 1810. – 192 с.
5. Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной через два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении <...> / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М.: В Синодальной типографии, 1805. – 454 с.
6. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / Под ред. И.М. Семенко. – М.: Наука, 1977. – 607 с.
7. Берлинский М.Ф. Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного / М.Ф. Берлинский. – СПб: Типография Департамента Народного Просвещения, 1820. – 204 с.
8. Берлинский М.Ф. Описание найденных недавно в Киеве разных старинных золотых и серебряных вещей / М.Ф. Берлинский // Украинский журнал. – 1824. – Ч. 2. – № 12. – С. 332–338.
9. Бестужев-Марлинский А.А. Полное собрание сочинений: В 12 ч. – СПб: Типография III отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1838. – Ч. XI. Стихотворения и полемические статьи. – 326 с.
10. Богданович С. Нечто о Театре // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 14. – Кн. 5. – С. 275-283.
11. Боги Греции // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 2. – С. 185-186.

12. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, 1744 – 1796: В 5 т. / собр. и изданы П.П. Пекарским и др. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871 –1885. – Т. 4.
13. Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. – Т. 1. – 386 с.
14. Вернет И. Небольшие поездки мои по Змиевскому уезду / И.Ф. Вернет // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 15. – Кн. 7. – С. 54-63.
15. Вернет И.Ф. И только три переезда / И.Ф. Вернет // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 14. – Кн. 4. – С. 75-82.
16. Вернет И.Ф. Мысли о Харькове / И.Ф. Вернет // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 8. – Кн. 11. – С. 184-194.
17. Вернет И.Ф. Святогорский монастырь в Изюмском уезде / И.Ф. Вернет // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 6. – Кн. 5. – С. 187-198.
18. Вид страны Лациума в то время, когда прибыл туда Эней // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 5. – Кн. 3. – С. 319-324.
19. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая (1801 – 1815 гг.). – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 5. – 784 с.
20. Внутренние известия // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 14. – Кн. 5. – С. 260-263.
21. Восстание декабристов: Документы / Под ред. В.П. Козлова, С.В. Мироненко. – М., 2001. – Т. 19: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. – 528 с.
22. Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 7. – 692 с.
23. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / И.Г. Георги. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799. – Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках и владычествующих россиянах с описанием всех именованных казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. – 385 с.
24. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
25. Гетман Хмельницкий // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – С. 7-21.
26. Гильденштедт И.А. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-74 гг. / Пер. с нем. М. Шугурова /

- И.А. Гильденштедт, М. Шугуров // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1879. – Т. 11. – С. 180-228.
27. Гильденштедт И.А. Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / И.А. Гильденштедт // Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год. – 1891. – Вып. 5. – Отд. 2. – С. 85-153.
28. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год / А.Г. Глаголев. – СПб: В типографии Императорской Российской Академии, 1837. Ч. 1: Россия. Австрия. – 286 с.
29. Глинка Ф.Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Декабристы: Антология: В 2 т. – Л.: Художественная литература, 1975. – Т. 2: Проза. Литературная критика / Сост., авт. предисл. В. Орлов. – С. 102-150.
30. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год: В 5 ч. / Ф.Н. Глинка – М.: Типография «Русского», 1870. – 217 с.
31. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Изд. 2-е. / С.Г. Гмелин. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1806. – Ч. 1. – 274 с.
32. Гнедич Н.И. Стихотворения / Н.И. Гнедич. – Л.: Советский писатель, 1956. – 844 с.
33. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / Н.В. Гоголь. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. – Т. 10: Письма, 1820-1835. – 540 с.
34. Гомер, северный списатель природы / С фр. О. Сомов // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 4. – Кн. 12. – С. 308-310.
35. Гонорский Р.Т. Аполлон Бельведерский / Р.Т. Гонорский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 2. – С. 187-190.
36. Гонорский Р.Т. Греческая весна (из Бартеlemi) / Р.Т. Гонорский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 2. – С. 183-185.
37. Гонорский Р.Т. Речь, говоренная в Торжественном собрании Слободско-Украинской Гимназии учителем Разумником Гонорским // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 6. – С. 344-356.
38. Гонорский Р.Т. Темпейская долина (из Бартеlemi) / Р.Т. Гонорский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 1. – С. 48-49.
39. Гребінка Є.П. Поетичні твори. Повісті та оповідання. Гулак-Артемівський П.П. Поетичні твори / Є.П. Гребінка, П.П. Гулак-Артемівський; упоряд. і приміт.: М.М. Павлюк; вступ. ст.: П.М. Федченко. – Київ: Наукова думка, 1984. – 606 с.

40. Греч Н.И. Русский театр / Н.И. Греч // Сын Отечества. Исторический и политический журнал. – 1820. – Ч. 59. – № 4. – С. 179-184.
41. Грибовский М.К. Исторические замечания о Малороссии от смерти Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения / М.К. Грибовский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 4. – С. 19–33; Кн.5. – С. 151–168; Кн. 6. – С. 265–297.
42. Гуржеев И.И. Письмо из Малороссии // Вестник Европы. – 1809. – Ч. 44. – № 5. – С. 36-38.
43. Данилевский П. Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году / П. Данилевский. – СПб: Типография Ивана Глазунова, 1813. – 22 с.
44. Декабристы-литераторы / Под ред. А.М. Еголина. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – Т. 1. – 800 с.
45. Дивович С. Разговор Великороссии с Малороссиею (Литературный памятник второй половины XVIII века) / С. Дивович // Киевская старина. – 1882. – Т. I. – С. 313-365.
46. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Дмитриев. – Л.: Советский писатель, 1967. – 501 с.
47. Документи першої історико-археологічної експедиції в Україну // Київська старовина. – 1998. – № 3. – С. 158-192.
48. Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. / И.М. Долгорукий // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1870. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 1-208.
49. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года / И.М. Долгорукий // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1869. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 1-170.
50. Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории / З. Доленга-Ходаковский // Вестник Европы. – 1819. – Ч. 107. – № 20. – С. 277-302.
51. Дуроп А.Х. Казак на родине / А.Х. Дуроп // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1818. – Ч. 3. – № 5. – С. 242.
52. Дух россиян, или Сердечные чувства сибирского плавильного мастера Усердова и запорожского казака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года. – СПб: Типография Ивана Глазунова, 1807. – 36 с.
53. Жуковский В.А. О «Путешествии в Малороссию» / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 12: Эстетика и критика. – С. 9-12.

54. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / В.А. Жуковский. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960. – Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма / Подгот. текста и примеч. И. Д. Гликмана. – 787 с.
55. Замечания до Малой России принадлежащие // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1848. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 1-53.
56. Записка о приезде и пребывании в городе Харькове Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Николая Павловича // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 3. – Кн. 7. – С. 86-90.
57. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым: В 4 ч. / В.В. Измайлов. – М.: В Университетской типографии, 1800-1802.
58. Измайлов В.В. Сироты в Малороссии, или цветы Иван и Марья / В.В. Измайлов // Вестник Европы. – 1814. – Ч. 74. – № 7. – С. 163-203.
59. Исаков С. Речь, при случае публичного испытания учеников Курской Гимназии <...>, произнесенная Почетным Смотрителем училищ Щигровского и Тимского уездов Надворным Советником С. Исаковым / С. Исаков // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 4. – Кн. 11. – С. 146-165.
60. История Русов. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. – М.: В университетской типографии, 1846. – 262 с.
61. К Издателям // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 4. – Кн. 10. – С. 124-126.
62. Калайдович П.Ф. Анекдоты / П.Ф. Калайдович // Вестник Европы. – 1810. – № 7. – С. 227-230.
63. Калиновский Г.И. Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской Украинской губернии, также и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых, сочинённое Григорием Калиновским, армейских пехотных полков, состоявших в украинской дивизии, прапорщиком / Г.И. Калиновский. – СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у Х.Ф. Клена, 1777. – 27 с.
64. Каменская А. Сражение при Фермопилах / А. Каменская // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 4. – Кн. 12. – С. 300-305.
65. Каменская А. Черты греческой мифологии / А. Каменская // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 1. – С. 51-53.
66. Капнист В.В. Избранные произведения / В.В. Капнист. – Л.: Советский писатель, 1973. – 614 с.

67. Капнист В.В. Мнение о том, что Улисс странствовал, не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях / В.В. Капнист // Сын Отечества. – 1819. – Ч. 56. – № 38. – С. 193-213.
68. Капнист В.В. О восстановлении порядка песен Одиссеи / В.В. Капнист // Сын Отечества. – 1817. – Ч. 41. – № 40. – С. 50-54.
69. Капнист В.В. Собрание сочинений: В 2 т. / В.В. Капнист. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. – Т. 1. – 771 с.; Т. 2. – 629 с.
70. Каразин В.Н. [Послесловие к публикации] Письмо А.А. Палицына к В.Н. Каразину, от 1799 г. 4 июля из с. Поповки // Молодик на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. – Харьков: В университетской типографии, 1843. – С. 43-44.
71. Каразин В.Н. Письмо к князю А.Б. Куракину о привлечении малороссийского дворянства к пожертвованию на Харьковский университет // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. – Полтава, 1914. – Вып. 11. – С. 180.
72. Каразин В.Н. Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиным, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 10. – № 15. – С. 235-241.
73. Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика / Н.М. Карамзин. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – 480 с.
74. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. / Н.М. Карамзин. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – Т. 1: История государства Российского. – 574 с.
75. Катакомбы / С фр. Ф-кий // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 7. – Кн. 8. – С. 38-52.
76. Квитка И.И. О Малой России / И.И. Квитка // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 2. – С. 145–156; Кн.3. – С. 304–314.
77. Котляревський І.П. Прозові твори. Драматичні твори. Листи / І.П. Котляревський. – Київ: Наукова думка, 1982. – 320 с.
78. Который час? // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 6. – Кн. 5. – С. 215-222.
79. Кошиц-Квитницкий Г. Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 33. – № 9. – С. 30-44.
80. Крылов И.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. / И.А. Крылов. – М.: ГИХЛ, 1946. – Т. 2. – 761 с.
81. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / В.К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – 795 с.
82. Левицкий Н. Отрывки из путевых записок (в письмах) / Н. Левицкий // Украинский вестник. – 1818. – Ч. 11. – Кн. 8. – С. 207-223.

83. Левшин А.И. Греки и римляне на поприще наук и искусств / А.И. Левшин // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 7. – Кн. 8. – С. 139-151.
84. Левшин А.И. Письма из Малороссии / А. Левшин. – Харьков: В университетской типографии, 1816. – 206 с.
85. Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения / В.А. Левшин. – М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова, 1780. – Ч. 1. – 248 с.
86. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти / Под ред. О.М. Бодянского. – М.: В университетской типографии, 1846. – 174 с.
87. Ломиковский В.Я. Отрывок из дневника // Киевская старина. – 1895. – Т. 51. – № 11. – С. 230-243.
88. Марков М.Е. Введение в Малороссийскую историю или краткое описание южной части Российского государства во времена древние: как находилась она во владениях Литвы и Польши, как возвратилась России и получила название Малороссии / М.Е. Марков // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 7. – Кн. 9. – С. 249–271; Кн. 10. – С. 3–11.
89. Марков М.Е. Замечания на статью о Малороссии, помещенную во 2-й и 3-й книжках Украинского вестника / М.Е. Марков // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 3. – Кн. 8. – С. 128-136.
90. Марков М.Е. Письмо к одному из Издателей (Филомафитскому) / М.Е. Марков // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 3. – Кн. 8. – С. 121-127.
91. Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях / Я.М. Маркович. – СПб: Типография Губернского правления, 1798. – 98 с.
92. Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806-1812 / А. И. Мартос // Русский архив. – 1893. – Кн. 2. – № 7. – С. 305-368.
93. Мартос А.И. История Малой России со времени присоединения к Российскому государству, при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края / А.И. Мартос // Сын отечества. – 1823. – № 3. – С. 130-138.
94. Маслов С.А. Путевые заметки при поездке из Москвы в Киев, Харьков и Воронеж / С.А. Маслов // Земледельческий журнал. – 1839. – № 4. – С. 29-62.
95. Маслович В.Г. От издателя / В.Г. Маслович // Харьковский Демокрит. – 1816. – Январь. – С. 3-4.

96. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / Предисл. и подг. текста. О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 248 с.
97. Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел / Г.Ф. Миллер. – М.: В Университетской типографии, 1846. – 96 с.
98. Муравьев М.Н. Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Вестник Европы. – 1810. – Ч. 50. – № 6. – С. 81-108.
99. Мысли об учреждении экономического сословия в виде Отделения Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, предложенные суждению Господ Помещиков Слободско-Украинской губернии (продолжение) // Украинский вестник. – 1818. – Ч. 10. – Кн. 5. – С. 144-162.
100. Нарезный В.Т. Избранное / В.Т. Нарезный. – М.: Советская Россия, 1983. – 448 с.
101. Нарезный В.Т. Избранные сочинения: В 2 т. / В.Т. Нарезный. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 2. – 616 с.
102. Нахимов А.Н. Просветители // Русская старина. – 1880. – № 11. – С. 732.
103. О мозаике / С фр. А. Каменская // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 3. – С. 314-318.
104. О музыке / С нем. Р.Т. Гонорский // Украинский вестник. – 1816. – Ч.1. – Кн. 1. – С. 22-34; Кн. 2. – С. 157-163.
105. О пребывании Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Михаила Павловича в Екатеринодаре // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 8. – Кн.10. – С. 104-112.
106. О Философии / С пол. П. Артемовский-Гулак // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 14. – Кн. 6. – С. 285-329.
107. Об изящных художествах у Греков и влиянии их на нравственность // Украинский вестник. – 1819. – Ч. 16. – Кн. 10. – С. 3-37.
108. Об Истории // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 4. – Кн. 10. – С. 3-28; Кн. 12. – С. 279-299.
109. Олизар Г. Мемуары графа Олизара / Пер. с польск. А. Копылова // Русский вестник. – 1893. – № 8. – С. 1-41; № 9. – С. 101-132.
110. Осиповский Т. О Календаре / Т. Осиповский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 5. – С. 145-150.
111. Отделение Российского Библейского Общества в Харькове // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 4. – С. 92-115.

112. Орывки из книги: Путешественник во Иерусалим. Сочинение Шатобриана / С фр. Ф-кий // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 7. – Кн. 9. – С. 306-327.
113. П.л.н.й А. Козак на родине // Сын отечества. – 1822. – Ч. 82. – № 49. – С. 128-130.
114. Павловский А.П. Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями / А.П. Павловский. – СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1818. – 128 с.
115. Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1882. – Кн. 1. – С. 1-334.
116. Платон (Левшин П.Г.) Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. – СПб.: В Медицинской типографии, 1813. – 76 с.
117. Полетика В.Г. Записка о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою / В.Г. Полетика // Киевская старина. – 1893. – № 1. Приложение. – С. 3-14.
118. Полетика В.Г. Речь, произнесенная в Полтаве Маршалом Малороссийской Полтавской губернии, Роменского повета, Василием Политикою, в собрании Дворянства сей губернии, 11 Января 1809 года // Вестник Европы. – 1809. – № 4. – С. 262-266.
119. Полетика В.Г. Речь, произнесенная Маршалом Роменского повета Василием Политикою к избранным Судиям, при вводе их в присутственные места, 2 Февраля 1809 года // Вестник Европы. – 1809. – № 5. – 39-41.
120. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: В типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 20. – 1034 с.
121. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 32. – 1107 с.
122. Предслава и Добрыня. Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. ст., коммент. В.Ю. Троицкий. – М.: Современник, 1987. – 687 с.
123. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937. – Т. 1: Лицейские стихотворения. – 531 с.
124. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А.С. Пушкин. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. – Т. 3. – Кн. 1: Стихотворения, 1817-1825. – 637 с.
125. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А.С. Пушкин. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – Т. 5: Поэмы, 1825-1833. – 543 с.
126. Речь о необходимости воспитания девиц // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 6. – Кн. 5. – С. 151-158.

127. Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: Черкасские или Малороссийские и Запорожские, а от них уже Донские и от сих Яицкие, что ныне Уральские, Гребенские, Сибирские, Волгские, Терские, Некрасовские и пр. казаки, как равно и Слободские полки / А.И. Ригельман. – М.: В университетской типографии, 1847. – 819 с.
128. Рубан В.Г. Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 г., с изъяснением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також Землеописания, с показанием городов рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана Васильем Григорьевичем Рубаном, господином коллежским ассессором и Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете, членом / В.Г. Рубан. – СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у Х.Ф. Клена, 1777. – 118 с.
129. Румянцев П.А. Доклад графа П.А. Румянцева Императрице Екатерине II 1781 года // Киевская старина. – 1884. – № 12. – С. 693-702.
130. Румянцев П.А. Письмо П.А. Румянцева-Задунайского к генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому о награждении малороссиян чинами (2 мая 1774 г.) // Киевская старина. – 1891. – № 1. – С. 176-177.
131. Рылеев К.Ф. Думы / Подг. Л.Г. Фризмана. – М.: Наука, 1975. – 254 с.
132. Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений / К.Ф. Рылеев. – М.: Academia, 1934. – 908 с.
133. Селецкий П.Д. Записки / П.Д. Селецкий. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. – 626 с.
134. Симоновский П.И. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских, чрез бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года / П.И. Симоновский. – М.: В университетской типографии, 1847. – 159 с.
135. Скалон С.В. Воспоминания Скалон С.В. (урожденной Капнист) // Исторический вестник. – 1891. – Май-июль. – С. 339-367.
136. Склабовский А.В. От редактора / А.В. Склабовский // Украинский журнал. – 1824. – Ч. 1. – № 1. – С. 1-10.
137. Сковорода, украинский философ // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 6. – Кн. – 4. – С. 105-125.
138. Сомов О.М. О романтической словесности / О.М. Сомов. – СПб.: В типографии Императорского воспитательного дома, 1823. – 126 с.

139. Сомов О.М. Обзор российской словесности за 1828 год / О.М. Сомов // Северные цветы на 1829 год. – СПб: В типографии департамента народного просвещения, 1828. – С. 3-110.
140. Сомов О.М. Письмо украинца из столицы / О.М. Сомов // Украинский вестник. – 1818. – Ч. 9. – Кн. 2. – С. 220-227.
141. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. – С. 143-221.
142. Срезневский И.Е. Ода на приезд Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича в Харьков / И.Е. Срезневский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 6. – С. 331-334.
143. Срезневский И.Е. Славянская мифология, или О богослужении русском в язычестве / И.Е. Срезневский // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 6. – Кн. 4. – С. 3-24; Кн. 5. – С. 141-151.
144. Стиллс Х. О величине лиц, изображаемых на картинах разного рода / Х. Стиллс // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 2. – С. 163-174.
145. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду / П.И. Сумароков. – СПб.: В Императорской типографии, 1803. – Ч. 1. – 226 с.
146. Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирской. – М.: ОГИ, 2001. – 744 с.
147. Українські народні пісні в записках Зоріана Доленги – Ходаковського / Упоряд. та передмова О.І. Дея. – Киев: Наукова думка, 1974. – 132 с.
148. Умирающий лебедь // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 3. – С. 321-323.
149. Университет // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 1. – С. 80-93.
150. Филомафитский Е.М. Письмо 2-е / Е.М. Филомафитский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 1. – Кн. 1. – С. 117-129.
151. Филомафитский Е.М. Письмо 4-е в Херсон / Е.М. Филомафитский // Украинский вестник. – 1816. – Ч. 2. – Кн. 6. – С. 359-378.
152. Филомафитский Е.М. Письмо 8-е в Херсон / Е.М. Филомафитский // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 8. – Кн. 11. – С. 223-230.
153. Французская республика. Конституция и законодательные акты / Под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1989. – 445 с.
154. Харьковские записки // Украинский вестник. 1819. Ч. 15. Кн. 7. С. 81-102.
155. Харьковский театр // Украинский вестник. – 1817. – Ч. 8. – Кн. 12. – С. 365-380.
156. Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссийских песен / Н.А. Цертелев. – СПб.: Типография К. Крайя, 1819. – 64 с.

157. Цертелев Н.А. Славянские песни различных наречий / Н.А. Цертелев // Северный архив. – 1824. – Ч. IX. – № 2. – С. 103-112.
158. Чайковский М.С. Записки / Пер. с пол. Турцевич и В.В. Тимошук // Русская старина. – 1895. – Т. 84. – № 11. – С. 161-184; № 12. – С. 149-187; 1896. – Т. 85. – № 1. – С. 163-176.
159. Чарныш В.И., Чепя А.И., Полетика В.Г. Из истории южно-русского общества начала XIX века (письма В.И. Чарныша, А.И. Чепы, В.Г. Полетики и заметки к ним) // Киевская старина. – 1893. – № 1. – С. 41-76.
160. Шаликов П.И. Новое путешествие в Малороссию / П.И. Шаликов // Вестник Европы. – 1804. – № 2 – С. 97-129.
161. Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию / П.И. Шаликов // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / Сост. В.И. Коровин. – М.: Современник, 1990. – С. 516-570.
162. Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России / А.Ф. Шафонский. – Киев: В университетской типографии, 1851. – 697 с.
163. Шаховской А.А. Козак-стихотворец. Анекдотическая опера-водевиль в одном действии / А.А. Шаховской. – СПб.: В типографии Императорского театра, 1815. – 72 с.
164. Voltaire. Histoire de Charles XII, roi de Suède / Voltaire. – Paris: Chez Jacob Tonson, & se vend chez les libraires François, 1734. – Vol. 1. – 334 p.; Vol. 2. – 286 p.

Исследования

165. Абалихин Б.С. Украинское ополчение 1812 г. / Б.С. Абалихин // Исторические записки. – 1962. – Т. 72. – С. 87-118.
166. Азадовский М.К. История русской фольклористики / М.К. Азадовский. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1. – 479 с.
167. Александрова И.В. Драматургия А.А. Шаховского / И.В. Александрова. – Симферополь: Таврия, 1993. – 111 с.
168. Альтшуллер М.Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» / М.Г. Альтшуллер // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1971. – Т. 26. – С. 109-122.
169. Ананьева Т. Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820-1830-ті рр.) / Т. Ананьева // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 освячення / Под ред. П. Толочко. – Київ: АртЕк, 1996. – С. 15-23.

170. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
171. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века / А.Ю. Андреев. – М.: Знак, 2005. – 432 с.
172. Андрусак М. Українська історіографія: Погляд на розвиток і характер української історіографії упродовж 900 років (1039–1939) / М. Андрусак. – Прага: [без изд-ва], 1939. – 20 с.
173. Антонович В. Про козацькі часи на Україні / В. Антонович. – Київ: Дніпро, 1991. – 238 с.
174. Аржакова Л.М. Этатизм и ранняя российская полонистика / Л.М. Аржакова // Власть и культура / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во РХГА, 2007. – С. 281-343.
175. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: Образы и трагедия гетмана Мазепы / В.А. Артамонов, К.А. Кочегаров, И.В. Курукин. – СПб: Общество памяти игумении Таисии, 2008. – 208 с.
176. Архипова А.В. Эволюция исторической темы в русской прозе 1800-1820-х гг. / А.В. Архипова // На путях к романтизму. – Л.: Наука, 1984. – С. 215-236.
177. Архипова А.В. Литературное дело декабристов / А.В. Архипова. – Л.: Наука, 1987. – 190 с.
178. Архипова А.В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX века / А.В. Архипова // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. – Л.: Наука, 1976. – С. 30-84.
179. Багале́й Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 1 (1802-1815 гг.) / Д.И. Багале́й. – Х.: Тип. и лит. М. Зильберберга, 1893-1898. – 1204 с.
180. Багале́й Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 2 (1815-1835 гг.) / Д.И. Багале́й. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберга, 1904. — 1136 с.
181. *Багалій Д.* Нарис української історіографії / Д. Багалій. Вип. 1: Літописи. – Київ: Друкарня ВУАН, 1923. – 138 с.; Вип. 2: Джерелознавство. – Київ: Друкарня ВУАН, 1925. – 108 с.
182. Бадалян Д.А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века / Д.А. Бадалян // Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX века. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 108-122.

183. Базанов В.Г. Вольное общество любителей российской словесности / В.Г. Базанов. – Петрозаводск: Изд-во Карело-Финской ССР, 1949. – 422 с.
184. Барабаш Ю.Я. «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь / Ю.Я. Барабаш. – М.: Художественная литература, 1989. – 335 с.
185. Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России / Н.В. Бессарабова. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005. – 269 с.
186. Бовсунівська Т.В. Українська бурлескно-травестійна література першої половини ХІХ ст. (в аспекті функціонування комічного) / Т.В. Бовсунівська. – Київ: ВПЦ «Київський ун-т», 2006. – 178 с.
187. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793-1914 / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
188. Бодянский О.М. Предисловие [к «Замечаниям до Малой России принадлежащим»] // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1848. – Т. 1. – Ч. 2. (без пагинации).
189. Болтарович З. Україна в дослідженнях польських етнографів ХІХ ст. / З. Болтарович. – Київ: Наукова думка, 1976. – 139 с.
190. Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816-1825) / В.А. Бочкарев. – Куйбышев: КГПИ, 1968. – 527 с.
191. Брайчевський М.Ю. Максим Берлінський та його «Історія міста Києва» / М.Ю. Брайчевський // Берлінський М.Ф. Історія міста Києва. – Київ: Наукова думка, 1991. – С. 5-20.
192. Булкина И. «Известная фамилия»: польский патриот граф Фаддей Чацкий / И. Булкина // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. – С. 250-264.
193. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети ХІХ века: пространство историческое и литературное / И. Булкина. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – 213 с.
194. Бучко Д.Г. «Словарь малороссийскаго нарѣчія» О.Павловського / Д.Г. Бучко // 3 історії української мови: До 150-рінчя «Граматики» О. Павловського. – Київ: Наукова думка, 1972. – С. 91-115.
195. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст / М.Я. Вайскопф. – М.: РГГУ, 2002. – 590 с.

196. Вакуленко С. Александрю Хиждеу та його розвідки про Григорія Сковороду / С. Вакуленко, Л. Ушкалов // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Харків, 2002. – Т. 9. (Нова серія). – С. 233-254.
197. Вацуро В. Э. Антоновский Михаил Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 1 (А-И). – С. 35-37.
198. Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. – Київ: Наукова думка, 2004. – 504 с.
199. Воздвиженский В. Густав (Густав Адольф) Густавович Гесс-де-Кальве – первый венгерский биограф Г.С. Сковороды // Toronto Slavic Quarterly. – 2010. – № 31 [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly [акад. эл. журнал славистики] – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/voszdvizhensky31.shtml> (дата обращения: 06.01.2013).
200. Волинський П.К. Іван Котляревський: Життя і творчість / П.К. Волинський. – Київ: Дніпро, 1969. – 270 с.
201. Волынский П.К. Украинские произведения в русских журналах 20--30-х годов XIX века / П.К. Волынский // Волынский П.К. Из творческого наследия. – Київ: Наукова думка, 1973. – С. 82-94.
202. Вортман Р. Национализм, народность и Российское государство / Пер. с англ. О. Майоровой // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 3 (17). – С. 100-105.
203. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
204. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
205. Генік-Березовська З. Грані культур. Бароко, романтизм, модернізм / З. Генік-Березовська. – Київ: Гелікон, 2000. – 368 с.
206. Гермайзе О. Рух декабристів и українство / О. Гермайзе // Україна. – 1925. – Кн. 6. – С. 25–38.
207. Гинзбург Л.Я. О проблеме народности и личности в поэзии декабристов / Л.Я. Гинзбург // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. – М.-Л.: ГИХЛ, 1960. – С. 52-93.
208. Гнатюк В. Падура, Рилеев і декабристи / В. Гнатюк // Записки Історично-Філологічного відділу ВУАН. – 1928. – Кн. XVIII. – С. 113–128.
209. Гнатюк Г. Російсько-українські літературно-мовні зв'язки в другій половині XVIII – першій чверті XIX ст. / Г. Гнатюк. – Київ: Видавництво АН УРСР, 1957. – 43 с.
210. Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин / П. Голубенко. – Париж; Торонто; Нью-Йорк: Фондація ім. О. Ольжича, 1987. – 551 с.

211. Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин / П. Голубенко. – Київ: Дніпро, 1993. – 447 с.
212. Гончар О.І. Просвітительський реалізм в українській літературі. Жанри та стилі / О.І. Гончар. – Київ: Наукова думка, 1989. – 175 с.
213. Гончар С.В. Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века / С.В. Гончар // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. – Гродно: ЧПУП «Издательство «Ламарк», 2010. – С. 99-107.
214. Горбачевский И.И. Записки декабриста / И.И. Горбачевский. – М.: Задруга, 1916. – 323 с.
215. Горленко В.Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII — первой половины XIX ст. / В.Ф. Горленко. – Київ: Наукова думка, 1988. – 212 с.
216. Горошко С.І. Богдан Хмельницький. Дискусійні питання. Проблемні судження. / С.І. Горошко. – Жашків: Видавець С.І. Горошко, 2008. – 216 с.
217. Грабович Г.Ю. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка / Г.Ю. Грабович. – Київ: Основи, 1997. – 604 с.
218. Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: В 2 т. / Н.И. Григорович. – СПб.: Типография В.С. Балашова, 1879-1881. – Т. 1. – 652 с.; Т. 2. – 649 с.
219. Гусев В.Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию / В.Е. Гусев // Декабристы и русская культура. – Л.: Наука, 1976. – С. 80-108.
220. Гуськов Н.А. Оссиан и Нарезный / Н.А. Гуськов // Язык и культура кельтов. – СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 1999. – С. 4-11.
221. Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России / Р.Ю. Данилевский // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. – М.: Наука, 1980. – С. 174-217.
222. Дашкевич Я.Р. Берлін, квітень 1791 р. Місія В.В.Капніста: її передісторія та історія / Я.Р. Дашкевич // Український археографічний щорічник. – 1992. – Т. 4. – Вип. 1. – С. 220-259.
223. Дей. О.І. Сторінки з історії української фольклористики / О.І. Дей. – Київ: Наукова думка, 1975. – 272 с.
224. Дементьева А.С. Литературная позиция журнала П.И. Макарова «Московский Меркурий» (1803) / А.С. Дементьева: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. – 136 с.
225. Дем'ян Г. Українська фольклористика в Галичині кінця XVIII – початку XIX ст. / Г. Дем'ян. – Львів: Видавнича фірма «Афіша», 2004. – 223 с.

226. Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века) / О.А. Державина. – М.: ИМЛИ, 1990. – 416 с.
227. Дзира І.Я. Козацьке літописання 30–80-х рр. XVIII ст.: джерелознавчий та історіографічний аспекти / І.Я. Дзира. – Київ: [б. и.], 2006. – 567 с.
228. Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції / О. Дзюба // Россия – Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 115-124.
229. Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев / Н. Дружинин. – М.: Политкаторжанин, 1933. – 402 с.
230. Егоров А.Д. Лицеи России: Опыт исторической хронологии / А.Д. Егоров. – Иваново, 1994. – Кн. 2: Лицей Князя Безбородко. – 130 с.
231. Ермоленко Г.Н. Русская комическая поэма XVIII – начала XIX веков и ее западно-европейские параллели / Г.Н. Ермоленко. – Смоленск: Издательство СГУ, 1991. – 84 с.
232. Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году / Г.В. Есипов // Киевская старина. – 1891. – № 1. – С. 98-118.
233. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. – С. 114-140.
234. Жукова Е.П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: Автореф. дисс. ... кандид. культурол. наук / Е.П. Жукова. – М., 2000. – 16 с.
235. Журба О.І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) / О.І. Журба // Архіви України. – 2002. – № 1-3. – С. 55-73.
236. Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846-1847) / П.А. Зайончковский. – М.: Издательство МГУ, 1959. – 172 с.
237. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
238. Западные окраины Российской империи / Под ред. А.И. Миллера, М.Д. Долбилова. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 606 с.
239. Зарубежная историография истории Запорожского казачества. – Запорожье: Запорожский государственный университет, 1992. – 64 с.
240. Зелінська Л.В. Міжкультурна комунікація у театрі Російської імперії першої половини XIX ст.: водевільний сюжет «допомога у сватанні» / Л.В. Зелінська // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: сер.: Філологічна. – 2013. – Вип. 36. – С. 145-149.

241. Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: Автореф. дисс. ... кандидат филол. наук / Е.Е. Земскова. – М., 2002. – 18 с.
242. Золотусский И.П. Гоголь в Диканьке / И.П. Золотусский. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.
243. Зорин А.Н. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Н. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.
244. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства / Г.В. Ибнеева. – Казань: Казанский государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – 254 с.
245. Ивашина Е.С. Жанр литературного путешествия в России конца XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.С. Ивашина. – М., 1980. – 16 с.
246. Идентичность как предмет политического анализа / Под ред. И.С. Семеновича, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
247. Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. – 196 с.
248. Исаков С.Г. О «ливонских» повестях декабристов (к вопросу о становлении декабристского историзма) / С.Г. Исаков // Ученые записки Тартуского университета. – 1965. – Вып. 167. Труды по русской и славянской филологии. – № 8. – С. 33-80.
249. Иван Котляревський у документах, спогадах, дослідженнях / [упорядкув. А. Залашка]. – К.: Дніпро, 1969. – 632 с.
250. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг. / В.М. Кабузан, С.М. Троицкий // История СССР. – 1971. – № 4. – С. 153-169.
251. Казакова Л.А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика / Л.А. Казакова. – Псков: Издательство ПГПУ, 2009. – 448 с.
252. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи / А. Каппелер // Россия – Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125-144.
253. Кибальник С.А. «Афинская звезда»: Николай Гнедич в Петербурге / С.А. Кибальник // Белые ночи: очерки, зарисовки, воспоминания, документы. – Л.: Лениздат, 1989. – С. 223-247.

254. Кирдан Б.П. Собиратели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в. / Б.П. Кирдан. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
255. Киреева Е.В. Лицейские стихотворения А.С. Пушкина «Казак» и «Романс»: биографический, литературный, фольклорный контекст. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Киреева. – Саратов, 2007. – 19 с.
256. Кирилюк Е.П. Иван Котляревський: Життя і творчість / Е.П. Кирилюк. – Київ: Дніпро, 1981. – 287 с.
257. Кирчів Р. Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) / Р. Кирчів // Народна творчість та етнографія. – 2006. – № 1. – С. 27-64.
258. Киршбаум Г.Э. Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К. Ф. Рылеева / Г. Э. Киршбаум // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. – С. 265-277.
259. Киршбаум Г.Э. Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А.С. Пушкина / Г.Э. Киршбаум // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 246-283.
260. Киселев В.С. Жанровые модификации конфликта в «Славенских вечерах» В.Т. Нарезного / В.С. Киселев // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки (филология). – 2005. – № 6 (50). – С. 22-27.
261. Киселев В.С. Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) / В.С. Киселев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2009. – № 2 (6). – С. 23-40.
262. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. / Л.Н. Киселева // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Ученые записки Тартуского университета. – Тарту, 1985. – Вып. 645. – С. 3-20.
263. Киселева Л.Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807-1812). Автореф. дисс. ... кандидат. филол. наук / Л.Н. Киселева. – Тарту, 1982. – 16 с.
264. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М.В. Ключков. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – 615 с.
265. Когут З. Истоки парадигмы единства: Украина и создание русской национальной истории (1620-е – 1680-е гг.) / З. Когут [Электронный ресурс] // UKRAINIAN HISTORICAL LIBRARY [эл. библи.] – Режим доступа: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm> (дата обращения 04.02.2014).

266. Когут З. Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / Пер. с англ. Ф. Корзуна // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2006. – № 3-4. – С. 59-81.
267. Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830 / З. Когут. – К.: Основи, 1996. – 317 с.
268. Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века / А.И. Комаров // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. – Л., 1939. – Вып. 4. – С. 125-158.
269. Корпанюк М.П. Крайове та козацьке компліятивне літописання як історико-літературне явище / М.П. Корпанюк. – Київ: Літопис-XX, 1997. – 161 с.
270. Корчмина Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в.: дисс. ... канд. исторических наук / Е.С. Корчмина. – Рязань, 2010. – 275 с.
271. Кочеткова Н.Д. Палицын Александр Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. / Отв. ред. А.М. Панченко. – СПб.: Наука, 1999. – Вып. 2 (К-ПС). – С. 401-404.
272. Кошовин К. Семен Гаркуша (1772-1784) / К. Кошовин // Киевская старина. – 1883. – № 3. – С. 528-554.
273. Кравченко В.В. «Поєма вольного народу» («Історія Русів» та її місце в українській історіографії) / В.В. Кравченко. – Харків: Основа, 1996. – 118 с.
274. Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.) / В.В. Кравченко. – Харків: Основа, 1996. – 295 с.
275. Крестова Л. Отражение формирования нации в русской литературе XVIII в. / Л. Крестова // Вопросы формирования русской народности и нации. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 253-296.
276. Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города / В.Ш. Кривонос // Провинция как реальность и объект осмысления. – Тверь, 2001. – С. 101-110.
277. Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т.Т. Кручковский. – Гродно: ЮрСаПринт, 2010. – 420 с.
278. Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России первой трети XIX века / Т.Т. Кручковский, В.А. Хилюта // История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции, Гродно, 29-30 октября 2009 г. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 95-103.

279. Кукушкина Е.Д. Драматургия русской комической оперы XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук / Е.Д. Кукушкина. – Л., 1980. – 182 с.
280. Курышева Л.А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В.А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования / Л.А. Курышева. – Новосибирск: Наука, 2009. – 151 с.
281. Куценко Л. Байка П. Гулака-Артемовського «Пан та Собака». Національне в соціальному змісті твору / Л. Куценко // Дивослово. – 2003. – № 8. – С. 2-3.
282. Кучеров А.Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий / А.Я. Кучеров // История русской литературы: В 10 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. – Т. 5. Литература первой половины XIX века. – Часть первая. – С. 101-120.
283. Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812-1917) / А. Кушко, В. Таки. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 400 с.
284. Лазаревский А. Прегние изыскатели малорусской старины (А.И. Мартос) / А. Лазаревский // Киевская старина. – 1895. – Т. 48. – № 2. – С. 170-186.
285. Лазаревский А. Прегние изыскатели малорусской старины (Я.М. Маркович) / А. Лазаревский // Киевская старина. – 1894. – Т. 47. – № 12. – С. 349-387.
286. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе / В.И. Ламанский. – СПб: Типография Майкова, 1871. – 316 с.
287. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке / Л.П. Лаптева. – М.: Индрик, 2005. – 848 с.
288. Лашук А. Наполеон. Походы и битвы, 1796-1815 / А. Лашук. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.
289. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века / О.Б. Лебедева. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с.
290. Левин Ю.Д. Осиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX века / Ю.Д. Левин. – Л.: Наука, 1980. – 204 с.
291. Левкович Я.Л. Историческая повесть / Я.Л. Левкович // Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра. – Л.: Наука, 1973. – С. 108-134.
292. Лейберов О. «Одушевляясь любовью и усердием к народу и отечеству...»: ніжинські ополченські полки в наполеонівських війнах / О. Лейберов // Нежинская старина. – Вып. 3 (6). – Нежин, 2007. – С. 52-60.
293. Литвинова Т.Ф. Общественная мысль Украины второй половины XVIII – первой половины XIX веков: Григорий и Василий Полетики: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук / Т.Ф. Литвинова. – Днепропетровск, 1993. – 21 с.
294. Лосиевский И.Я. Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века / И.Я. Лосиевский. – Харьков: ОКО, 1993. – 222 с.

295. Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. – С. 14-79.
296. Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия / Ю.М. Лотман. // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. – С. 284-291.
297. Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя / Ю.М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. XV / Ученые записки Тартуского университета. – 1970. – Вып. 251. – С. 17-45.
298. Лотман Ю.М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. – С. 292-325.
299. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – С. 383-445.
300. Лотман Ю.М. Слово и язык в культуре Просвещения / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – С. 375-382.
301. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – С. 446-600.
302. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525-607.
303. Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810-1812 гг.) / А.М. Лукашевич // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы международной научной конференции. – Минск: «Адукацыя і выхаванне», 2002. – С. 46-59.
304. Лукашова С.С. Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. / С.С. Лукашева // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – Вып. 3. – С. 151-167.
305. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М.К. Любавский. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 688 с.

306. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де. Мадариага / Пер. с англ. Н.Л. Луженской. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 964 с.
307. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов / М.Л. Майофис. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.
308. Майофис М.Л. Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В.В. Капниста / М.Л. Майофис // Русская филология – 8: сб. научных работ молодых филологов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. – С. 59-66.
309. Макарова Г.В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект / Г.В. Макарова // Славяноведение. – 2012. – № 6. – С. 47-59.
310. Малаш-Аksamитова Л.А. Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие / Л.А. Малаш-Аksamитова. – Wrocław, 1967. – 183 с.
311. Мамалуй О., Абашник В. Рецепція філософії по-харківськи (Біля джерел університетської філософії в Харкові) / О. Мамалуй, В. Абашник // Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія. – Харків, 1994. – Т. 3. – С. 29–44.
312. Манн Ю.В. Диалектика художественного образа / Ю.В. Манн. – М.: Советский писатель, 1987. – 320 с.
313. Манн Ю.В. Смысловое пространство гоголевского города / Ю.В. Манн // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М.: Coda, 1996. – С. 391-401.
314. Манн Ю.В. Украинские Афины / Ю.В. Манн // Педагогика искусства. – 2009. – № 4. – С. 167-171.
315. Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) / О.П. Маркова // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 52-78.
316. Марченко М.І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.) / М.І. Марченко. – Київ: Видавництво Київського університету, 1959. – 259 с.
317. Марченко Т.М. Образ Богдана Хмельницького в літературі російського романтизму / Т.М. Марченко. – Донецьк: Норд-Пресс, 2009. – 296 с.
318. Марчуков А.В. Украина в русском сознании: Николай Гоголь и его время / А.В. Марчуков. – М.: Регнум, 2011. – 296 с.
319. Маслов В.И. Литературная деятельность Рылеева / В.И. Маслов. – Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1912. – 371 с.
320. Мацапура В.И. Полтавский миф в русской литературе 1820 - 1830-х годов // Мова і культура: Наукове видання. – Київ: Видавничий Дім Дм. Бураго, 2000. – Вип. 2. – Т. 3. Мова і художня творчість. – С. 303-314.

321. Мацапура В.И. Украина в русской литературе первой половины XIX века / В.И. Мацапура. – Харків; Полтава: ПОИППО, 2001. – 396 с.
322. Мацапура В.И. Українська тема в російській літературі першої половини XIX століття (проблеми еволюції, міфологізації, інтертекстуальності): Автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.01.02 / В.И. Мацапура. – Сімферополь, 2002. – 33 с.
323. Мацузато К. [Рец. на кн.: Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802--1856. Функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001] / К. Мацузато // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 605-616.
324. Мельник Л.Г. Гетьман Богдан Хмельницький у вітчизняній історіографії / Л.Г. Мельник. – Київ: РВЦ Київський університет, 1997. – 72 с.
325. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 248 с.
326. Миллер А.И. История понятия нация в России / А.И. Миллер // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 2. – С. 7-49.
327. Миллер А.И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) / А.И. Миллер // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 42-66.
328. Миллер А.И. Українофільство / А.И. Миллер // *Славяноведение*. – 1998. – № 5. – С. 28-37.
329. Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – М.: Алетейя, 2000. – 260 с.
330. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
331. Миры образов – образы мира / *Bilderwelten – Weltbilder*: Справочник по имагологии / Пер. с нем. М.И. Логвинова, Н.В. Бутковой. – Волгоград: Перемена, 2003. – 93 с.
332. Михайлин І.Л. Історія української журналістики XIX століття: Підручник. 2-ге вид., доп. і поліпш / І.Л. Михайлин. – Київ: Центр навчальної літератури, 2003. – 720 с.
333. Мусиенко С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) / С.Ф. Мусиенко // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. – М.: Индрик, 2004. – С. 190-204.
334. Назаренко М.И. Сокращенный рай. Украина между Гоголем и Шевченко / М.И. Назаренко // *Новый мир*. – 2009. – № 7. – С. 160-172.

335. Нахлік Е.К. Творчість Івана Котляревського: Замовчувані інтерпретації. Дискусійні проблеми. Спроба нового прочитання з погляду літературних напрямів і течій / Е.К. Нахлік. – Львів: Олір, 1994. – 68 с.
336. Нация и национализм / Под ред. А.И. Миллера. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 220 с.
337. Немировская И.Д. Жанр русской комической оперы последней трети XVIII века: Генезис. Поэтика. Эволюция / И.Д. Немировская. – Самара: СГПУ: Инсома-пресс, 2007. – 97 с.
338. Неуважный А., Васильев А.А. Польские войска Великой армии / А. Неуважный, А.А. Васильев // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 579-580.
339. Нечкина М.В. Декабристы / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 183 с.
340. Николаев С.И. Климовский (Климов) Семен // Словарь русских писателей XVIII века. / Отв. ред. А.М. Панченко. – СПб: Наука, 1999. – Вып. 2 (К-П). – С. 62.
341. Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756 – 1768 гг. / Б.В. Носов. – М.: Индрик, 2004. – 728 с.
342. О'Мара П. К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста / Пер. с англ. А.Л. Величанского. – М.: Прогресс, 1989. – 334 с.
343. Огієнко І.І. Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви: у 2 т. / І.І. Огієнко. – Київ: Україна, 1993. – Т. 2. – 222 с.
344. Оглоблін О. Люди Старої України / О. Оглоблін. – München: Дніпрова Хвиля, 1959. – 327 с.
345. Оксман Ю.Г. Неосуществленный замысел истории Украины / Ю.Г. Оксман // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – С. 211-221.
346. Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Ольшанский. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 226 с.
347. Омелько Л.В. В.А. Левшин и его «Русские сказки»: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Омелько. – Л., 1991. – 194 с.
348. Омельченко В. Рід Полетик / В. Омельченко // Український історик. – 1967. – № 1-2. – С. 59-63.
349. Остапчук О.А. Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII – первой половине XIX в. / О.А. Остапчук // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. – М.: [б.и.], 2005. – С. 53-92.

350. Парамонов А.Ф. Из утраченных лиц: Харьковский баснописец В.Г. Маслович / А.Ф. Парамонов [Электронный ресурс] // Люботин [городской портал]. Режим доступа: <http://lubotin.com/people/maslovich.html> (дата обращения 15.12.2013).
351. Перепелиця П.П. З історії українського водевіля / П.П. Перепелиця // Український водевіль. – Київ: Мистецтво, 1965. – С. 3-19.
352. Петров Н.И. Очерки из истории украинской литературы XVIII века: Киевская искусственная литература XVIII века, преимущественно драматическая / Н.И. Петров. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1880. – 162 с.
353. Петров Н.И. Очерки истории украинской литературы XIX столетия / Н.И. Петров. – Киев: В тип. И. и А. Давиденко, 1884. – 458 с.
354. Петрунина Н.Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров / Н.Н. Петрунина // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 26-47.
355. Пиксанов Н.К. Областная литература в первой четверти XIX века / Н.К. Пиксанов // История русской литературы: в 10 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. – Т. 5. Литература первой половины XIX века. – Часть первая. – С. 349-352.
356. Полякова Ю.Ю. Зарождение харьковской театральной критики (по страницам журнала «Украинский вестник») / Ю.Ю. Полякова // Universitates. Наука и просвещение. – 2005. – № 4. – С. 38-47.
357. Полякова Ю.Ю. Русские литературно-художественные журналы Харькова XIX – XX века (попытка перечисления) / Ю.Ю. Полякова // Союз писателей. – 2005. – № 1 (6). – С. 220-229.
358. Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. / Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1980. – 249 с.
359. Прийма Ф.Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX века / Ф.Я. Прийма // На путях к романтизму. – Л.: Наука, 1984. – С. 100-138.
360. Пыпин А.Н. Белорусская этнография / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1887. – № 4. – С. 644-683.
361. Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. / А.Н. Пыпин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. – Т. III: Этнография малорусская. – 433 с.
362. Равита Ф. (Гавронский Ф.) Фома Падурра (Критический очерк) / Ф. Равита // Киевская старина. – 1889. – Т. 26. – № 9. – С. 727-751.
363. Радіонова Н.В. Журнал як форма соціокультурної комунікації на Слобожанщині XIX століття / Н.В. Радіонова // Мультиверсум. Філософський альманах. – Київ: Центр духовної культури, 2005. – № 50. – С. 102-111.

364. Роболі Т. Література подорожей / Т. Роболі // Російська проза. – Л.: «Academia», 1926. – С. 42-73.
365. Ровнякова Л.Н. Російсько-польський етнограф і фольклорист З. Доленга-Ходаковський і його архів / Л.Н. Ровнякова // Із історії російсько-слов'янських літературних зв'язів ХІХ в. – М.; Л.: Видавництво АН СРСР, 1963. – С. 58-94.
366. Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади / Редкол.: П.М. Калениченко (відп. ред.) та інші. – Київ: Наукова думка, 1973. – 254 с.
367. Ролле М. Афіни Волинські: Очерк по історії освіти в Польщі / М. Ролле. – Київ, 2007. – 135 с.
368. Романчук А. Греко-католицька церква в межах Російської імперії в першій третині ХІХ в.: проблеми і перспективи [Електронний ресурс] // Західна Русь [справ.-інф. портал] – Режим доступу: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/553--xix-.html> (дата звернення: 19.03.2014).
369. Рублева Л.И. Романи В.Т. Нарезного: традиції і новаторство / Л.И. Рублева. – М.: Прометей, 2002. – 165 с.
370. Сарбей В.Г. Очерки по методології і історіографії історії України (період капіталізму) / В.Г. Сарбей. – Київ: Наукова думка, 1989. – 242 с.
371. Свердлов М.Б. Василь Никитич Татищев – автор і редактор «Історії Російської» / М.Б. Свердлов. – СПб: Європейський дім, 2009. – 344 с.
372. Сверстюк Є.О. Іван Котляревський сміється / Є.О. Сверстюк // Сверстюк Є.О. На святі надій: Вибране. – Київ: Наша віра, 1999. – С. 253-282.
373. Северний Кавказ в складі Російської імперії. – М.: Нове літературне обозрення, 2007. – 460 с.
374. Сибір в складі Російської імперії. – М.: Нове літературне обозрення, 2007. – 368 с.
375. Сиповський В.В. «Руслан і Людмила». К літературній історії поеми / В.В. Сиповський // Пушкін і його сучасники. – СПб: Типографія Імператорської Академії Наук, 1906. – Вип. ІV. – С. 59-84.
376. Сиповський В.В. Російський історичний роман першої половини ХІХ ст. Тезиси / В.В. Сиповський // Збірник статей в честь академіка А.І. Соболевського / Під ред. В. Н. Перетца – Л.: Видавництво АН СРСР, 1928. – С. 63-68.
377. Сиповський В.В. Україна в російському письменстві / В.В. Сиповський. – Київ: З друкарні Української Академії Наук, 1928. – Ч. 1 (1801-1850). – 460 с.

378. Скрипченко Н. Диканський маєток Кочубеїв (II половина XVII – початок XIX ст.) / Н. Скрипченко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Історія. – 2013. – Випуск 4 (117). – С. 58-61.
379. Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков / А.Ю. Соловьев: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 220 с.
380. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795 / П.В. Стегний. – М.: Международные отношения, 2002. – 696 с.
381. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века / Ю.В. Стенник. – СПб.: Наука, 2004. – 275 с.
382. Степанов Н.Л. Нарезный / Н.Л. Степанов // История русской литературы: в 10 т. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. – Т. V. Литература первой половины XIX века. – Часть первая. – С. 275-292. .
383. Стороженко Н. К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века / Н. Стороженко // Киевская старина. – 1897. – № 10. – С. 115-131.
384. Сумцов Н.Ф. Культурный уголок Харьковской губернии (Поповская Академия) / Н.Ф. Сумцов. – Харьков: Типография губернского правления, 1888. – 14 с.
385. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства» / Т.Г. Таирова-Яковлева. – М.: Центрполиграф, 2011. – 532 с.
386. Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 953 с.
387. Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия / Е.В. Тарле. – М.: [б.и.], 1945. – Ч. 1. – 55 с.
388. Тарле Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. – М.: Наука, 1991. – 236 с.
389. Татищев В.Н. История российская: В 7 т. / В.Н. Татищев. – М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – Т. 1. – 500 с.
390. Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) / С.А. Токарев // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 4. – С. 113-128.
391. Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке / А.П. Толочко. – Київ: Laurus, 2012. – 256 с.
392. Топоров В.Н. Из истории русской культуры. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. Книга I: М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 912 с.

393. Украинский народ в его прошлом и настоящем: В 2 т. / Под ред. Ф.К. Волкова, М.С. Грушевского, М.М. Ковалевского, Ф.Е. Корша, А.Е. Крымского, М.И. Туган-Барановского, А.А. Шахматова. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1914. – Т. 1-2. – 707 с. (единая пагинация).
394. Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков / С.М. Фалькович // Славяноведение. – 2012. – № 6. – С. 74-77.
395. Федченко П.М. Літературна критика на Україні першої половини ХІХ ст. / П.М. Федченко. – Київ: Наукова думка, 1982. – 216 с.
396. Филатова Н.М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года / Н.М. Филатова // Славяноведение. – 2012. – № 6. – С. 60-73.
397. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб: Алетейя, 1998. – 306 с.
398. Ходоров А.Е. Зачинатель декабристского эпоса // Декабристы и русская культура. – Л.: Наука, 1976. – С. 143-168 .
399. Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки / В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – 231 с.
400. Хропко П.П. Українська драматургія I половини ХІХ ст. / П.П. Хропко. – Київ: Київський державний педагогічний інститут ім. О. М. Горького, 1972. – 132 с.
401. Цейтлин А.Г. Творчество Рылеева / А.Г. Цейтлин. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 302 с.
402. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
403. Чепан Андріян Іванович // Українська радянська енциклопедія. – Київ: Головна редакція УРЕ, 1985. – Т. 12. – С. 257.
404. Чижевський Д.І. Історія української літератури: Від початків до доби реалізму / Д.І. Чижевський. – Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956. – 511 с.
405. Шамбинаго С.К. Художественные переложения «Слова» / С.К. Шамбинаго // Слово о полку Игореве. – М.-Л.: Academia, 1934. – С. 199-228.
406. Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Функції, структура, архів / В. Шандра. – Київ: УНДІ архівної справи та документознавства, 2001. – 355 с.
407. Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции / К. Шарф // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 375-432.

408. Шевченко Л. Духовні фундації родини Кочубеїв на Полтавщині / Л. Шевченко // Українська академія мистецтва. Дослідницькі та наукові методичні праці. – 2011. – № 18. – С. 229-239.
409. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840 гг. / Пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 271 с.
410. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1898. – Т. 4. – 716 с.
411. Шип Н.А. Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII – первой половине XIX в. / Н.А. Шип. – Київ: Наукова думка, 1988. – 110 с.
412. Юзвенко В.А. Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст. / В.А. Юзвенко. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. – 132 с.
413. Яковенко Н.Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н.Н. Яковенко. – Київ: Генеза, 1997. – 360 с.
414. Яковенко Н.Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна) / Н.Н. Яковенко. – Київ: Наукова думка, 1993. – 416 с.
415. Яковенко Н.Н. Вступ до історії / Н.Н. Яковенко. – Київ: Критика, 2007. – 376 с.
416. Яценко М.Т. На рубежі літературних епох: «Енеїда» Котляревського і художній прогрес в українській літературі / М.Т. Яценко. – Київ: Наукова думка, 1977. – 280 с.
417. Яценко М.Т. Питання реалізму і позитивний герой в українській літературно-естетичній думці першої половини XIX ст. / М.Т. Яценко. – Київ: Наукова думка, 1979. – 333 с.
418. Appadurai A. Here and Now / A. Appadurai // *The Visual culture reader*. – London, New York: Routledge, 2002. – P. 173-179.
419. Baumgarten L. Dekabrysci a Polska / L. Baumgarten. – Warszawa: Książka i wiedza, 1952. – 246 s.
420. Bazyłow L. Polacy w Petersburgu / L. Bazyłow. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 474 s.
421. Beauvois D. Pouvoir russe et nobles polonaise en Ukraine: 1793-1830 / D. Beauvois. – Paris: CNRS Editions, 2003. – 256 p.
422. Bhabha H.K. The location of culture / Homi K. Bhabha. – London, New York: Routledge, 1994. – 285 p.
423. Bilenky S. Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imagination / S. Bilenky. – Stanford: Stanford University Press, 2012. – 408 p.

424. Bittner K. Herder und Derzavin / K. Bittner // Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein: Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. – Berlin, 1957. – S. 188-215.
425. Bittner K. Herder und Radiscev / K. Bittner // Zeitschrift für slawische Philologie. – Heidelberg, 1956. – Bd. 25. – H. 1. – S. 8-53.
426. Bittner K. Herderische Gedanken in Karamsins Geschichtsschau / K. Bittner // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jg.7. – München, 1959. – S. 237-269.
427. Bojanowska E.M. Nikolai Gogol: Between Ukrainian and Russian nationalism / E.M. Bojanowska. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. – 460 p.
428. Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790-1860: The Evidence of the Journals / P. Bushkovich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1991. – Bd. 39. – H. 3. – S. 339-363.
429. Carré J.-M. Images d'Amérique, 25 bois originaux de Philippe Burnot / J.-M. Carré. – Lyon: H. Lardanchet, 1927. – 139 p.
430. Carré J.-M. Les écrivains français et le mirage allemand: 1800-1940 / J.-M. Carré. – Paris: Boivin, 1947. – 225 p.
431. Chwalba A. Polacy w służbie Moskali / A. Chwalba. – Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 257 c.
432. Dyserinck H. Komparatistik. Eine Einführung / H. Dyserinck. – Bonn: Bouvier, 1977. – 203 s.
433. Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie. – Warszawa: Biblioteka «Więzi», 2002. – 231 c.
434. Guyard M.-F. La littérature comparée / M.-F. Guyard. – Paris: Presses universitaires de France, 1951. – 128 p.
435. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / A. Hurrell // Review of International Studies. – 1995. – October. – Vol. 21. – P. 331-358.
436. Imagology: the cultural construction and literary representation of national characters: a critical survey / Ed. by M. Beller and J. Leerksen. – Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. – 472 p.
437. Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny / A. Kijas. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax ; Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. – 404 c.
438. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zu Französischer Revolution. – Fr. a. M.: S. Fischer Verlag, 1962. – 186 c.
439. Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. / Z.E. Kohut. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. – 363 p.

440. Kohut Z.E. The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia / Z.E. Kohut // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by Thomas Sanders. – Armonk: M.E. Sharpe, 1999. – P. 453-477.
441. Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and its Integration into the Russian Nobility / Z.E. Kohut // *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / Ed. by I. Banac and P. Bushkovitch. – New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1983. – P. 65-97.
442. Lefebvre H. *The Production of Space* / H. Lefebvre. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 454 p.
443. Lemberg H. *Die Nationale Gedankenwelt der Dekabristen* / H. Lemberg. Gologne / Graz: Bohlau Verlag, 1963. – 168 s.
444. Melzer A. Rousseau, Nationalism, and the Politics of Sympathetic Identification / A. Melzer // *Educating the Prince: Essays in Honor of Harvey Mansfield* / Ed. by M. Blitz and W. – Kristol. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. – P. 111-128.
445. *Nation and Narration* / Ed. by Homi K. Bhabha. – London, New York: Routledge, 1990. – 333 p.
446. Nowak A. *Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historie Europy Wschodniej* / A. Nowak. – Krakow: Wydawnictwo Arcana, 2004. – 399 c.
447. Pelech O. *The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831-1847* // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / Ed. by B. Kravchenko. – New York: St. Martin's Press, 1993. – P. 1-17.
448. Plattner M.F. Rousseau and the Origins of Nationalism / M.F. Plattner // *The Legacy of Rousseau* / Ed. by C. Orwin and N. Tarcov. – Chicago: Chicago University Press, 1997. – P. 183-199.
449. Plokhy S. *The Cossack myth: history and nationhood in the age of empires* / S. Plokhy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 399 p.
450. Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus* / S. Plokhy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 379 p.
451. Plokhy S. *Ukraine and Russia: representations of the past* / S. Plokhy. – Toronto: University of Toronto Press, 2008. – 391 p.
452. Plokhy S. *Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate* / S. Plokhy // *Canadian Slavonic Papers*. – 2006. – Vol. 48. – № 3/4. – P. 335-353.
453. Raeff M. *Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century* / M. Raeff // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter* / Ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. – Edmonton: CIUS Press, 1992. – P. 39-66.

454. Rogger H. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia* / H. Rogger. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. – 319 p.
455. Saunders D. *Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia* / D. Saunders // *Slavonic and East European Review*. – 1982. – Vol. 60. – №. 1, January. – P. 44-62.
456. Saunders D. *Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850* / D. Saunders. – Edmonton: CIUS Press, 1985. – 415 p.
457. Schierle I. «Vom Nationalstolze»: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert / I. Schierle // *Zeitschrift für slavische Philologie*. – 2005-2006. – Vol. 64. – S. 63-85.
458. Serman I. *Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century* / I.Serman // *Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga*. – London: Macmillan, 1991. – P. 40-56.
459. *Space and place: theories of identity and location* / Ed. by E. Carter, J. Donald, L. Squires. – London: Lawrence and Wishart, 1993. – 385 p.
460. Sysyn F. *The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity* / F. Sysyn // *Harvard Ukrainian Studies*. – 1990. – Vol. 14. – № 3/4 (December). – P. 593–607.
461. *The Invention of Tradition* / Ed. by Eric Hobsbawm, Terence O. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 322 p.
462. Velychenko S. *The Official Soviet View of Ukrainian Historiography* / S. Velychenko // *Journal of Ukrainian Studies*. – 1985. – Vol. 10. – №. 2. – P. 81-94.
463. Zawadzki W.H. *The Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795-1831* / W.H. Zawadzki. – Oxford: Clarendon, 1993. – 256 p.